АЛИНА
РАСПОПОВА
МЫ ЛЮДИ
ТЕХНОЛОГИИ
И ЧЕЛОВЕК

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

2114 год. Люди утратили способность размножаться. Чтобы человечеству не сгинуть с лица Земли, запущена программа искусственного воспроизводства. Такие дети, бионики, создаются в автономных устройствах.

Но что повлечет за собой технология получения потомства вне тела людей? Кто из новых видов существ сможет сказать о себе – «Мы Люди»?

- Алина Распопова
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27
  - Глава 28
  - Глава 29
  - Глава 30
  - Глава 31
  - Глава 32

○ Об авторе

Алина Распопова
Мы Люди

Глава 1

«Учеными Кембриджского университета получена наноликвидная среда, способная воссоздавать живые клетки по заданной человеком программе. В такой среде нанотрансформеры по запрограммированным нанопутям доставляют к ещё несформировавшимся органическим структурам необходимые для дальнейшего «строительства» компоненты и формируют из них клетки любого уровня сложности. 2054 год, 11 февраля»

«Группа разработчиков из Токио удостоилась престижной награды «Международного некоммерческого научного фонда» за реализацию программы интеллектуального развития псевдо-нейронных схем. Полученные в ходе экспериментальных работ микроструктуры имеют стопроцентную способность к самообучению на базе субъективного восприятия. 11 мая 2069 года»

«Студенты университета Массачусетса предложили способную синтезировать биологически-активные ткани модель… 14 ноября, 2078 год»

Эти сообщения, как и многие другие заметки из сферы науки, появившись каждая в своё время на информационных ресурсах, утонули в общем потоке новостей. Научные статьи интересовали немногих. Жизнь шла по накатанной колее, мир, казалось, развивался сам собой, общество было стабильно.

Глава 2

Шел 2114 год.

– Мы ничем не можем вам помочь.

Сказав эту фразу, Кретов наморщил лоб и отвел взгляд от сидящей перед ним семейной пары. Он устремил свой взор в окно. Там, за хрупкой поверхностью поляризационного стекла, защищающей комнату от ярких солнечных лучей, стояло лето. Знойная пора, когда южный ветер приносит откуда-то издалека пряный запах травы и луговых цветов. То время года, при котором под тенью облаков нежно плещется зелень деревьев. Кретов посмотрел на небо и подумал, что только оно-то и остается неизменным. Вот так же когда-то смотрели в эту бездонную синь его отец, и дед, и прадед, и каждый представитель своего поколения, жившего некогда на Земле.

– Мне очень жаль, – произнес Кретов, а сам подумал, что если так будет продолжаться, человечества скоро не станет. Мы исчезнем, подобно древним животным, и тогда некому будет любоваться ни небом, ни облаками, ни раскинувшейся под ними красотой. Города опустеют, стены зданий разрушит время. Земля останется. Она существовала прежде и, вероятно, будет существовать ещё миллиарды лет, но на ней уже не будет нас.

Численность людей планеты неумолимо сокращалась. Теперь уже было понятно, что это необратимый процесс. Люди утратили способность размножаться.

Кретов был врач. Он видел угасание собственной нации наяву. А ведь когда-то их было полмиллиарда, теперь же – только два миллиона. Раньше это был крепкий, многочисленный народ. Теперь же почти каждой паре, проходившей у него лечение, Кретов вынужден был говорить эту фразу: «Мы не можем вам помочь». Рождение детей, воспроизводство потомства, то, что было естественным раньше, стало ныне недостижимым.

Люди, сидевшие сейчас пред ним, давно смирились. Пары, приходившие в его кабинет, появлялись в этой комнате, уже утратив надежду. И даже оказавшись здесь, все они получали лишь шаткий шанс на совершение чуда.

– Мы провели полное обследование вас и вас, – Кретов поочередно указал на каждого из супругов. – Мы внедрили в ваше тело, Ольга, биомолекулярную оболочку, вмонтировали стимулирующие ликвидные чипы вам, Андрей, на протяжении семи лет каждый месяц мы проводили искусственное выращивание эмбрионов и при помощи наносеток поддерживали дальнейший процесс. Таким образом, были выполнены все

стандартные процедуры, которые по статистике в одном случае из ста способны привести к рождению потомства.

Кретов вздохнул.

– Семь лет, – продолжил он. – Это предельный рекомендуемый срок для проведения процедур репродукции. Дальнейшее их продолжение по истечении семи лет считается нецелесообразным и опасным.

– Но как же так?!

Мужчина, сидящий перед Кретовым, встал. На вид ему было лет сорок, на самом же деле – ещё не исполнилось и тридцати. Невысокий, худощавый, он был из того поколения людей, в котором никто уже не имел родных братьев и сестер. Как и все прочие, их с женой пара была образована в рамках проекта «Возрождение». Биологическая совместимость обоих партнеров являлась на сегодняшний день главным условием создания семьи. Находящиеся сейчас в кабинете Кретова Ольга и Андрей были идеальными друг для друга супругами. Совпадало всё, от генофактора крови до эмоциональной совместимости, однако, даже в этом случае шанс появления потомства был ничтожно мал.

– Вы же не можете вот так всё остановить, – продолжал мужчина. – Александр Сергеевич, мы можем и дальше каждый месяц приезжать на процедуры.

Кретов знал, почему так беспокоится этот человек. Государство обещало немыслимые деньги тем, кто будет способен оставить после себя потомство. Их детям достанется всё – опустевшие особняки, техника, средства, земля. Эти люди будут сказочно богаты.

– Нет, – решительно ответил Кретов. – Андрей, в вашем случае мы бессильны. Поймите, в тело вашей жены внедрена сложнейшая биологическая структура, которая в случае своей эффективности в принявшем её организме уже давно бы дала результаты.

– Нет, вы не можете так поступать с нами! Нет! Вы не имеете права отказывать нам в дальнейшем лечении. Вы обязаны поддерживать всех, кто хочет иметь детей! Вы же врач… – это вмешалась в разговор жена Андрея Ольга.

Кретов её понимал. Женщины всегда переживали эту проблему острее. По-прежнему рождение и воспитание детей для них оставалось, в какой-то мере, смыслом жизни.

– Ольга, скажу вам честно, это уже небезопасно, – продолжил Кретов. – Семь лет вы на стимуляторах. Семь лет! Уже сейчас мы наблюдаем нарушения работы всех систем вашего организма… Затронуто всё – сердце, лёгкие… Вы уже не сможете жить без наших лекарств. Ещё немного, и ваш организм начнет давать

такие сбои, за последствия которых отвечать я уже не берусь. Изношенность ваших органов соответствует состоянию пятидесятилетнего человека, а вам ведь всего двадцать восемь…

– Ну и пусть! Пусть! Вы не понимаете… Мы же надеялись… Мы взяли большие кредиты. У нас дом, вилла, автомобили, катер… На что нам это всё содержать? Мы столько отдали, чтобы попасть именно к вам…

Кретов только развел руками.

– Вы ведь знаете, как общество относится к тем, от кого отказываются врачи, – твердил муж. – От нас многие отвернутся. Наши друзья… Пока мы лечимся, мы такие же, как они. С нами общаются, нас уважают. А вы хотите лишить нас последней возможности заиметь ребенка.

Ольга рыдала.

– В чём тогда смысл жизни? В чём?!

– Нас же теперь сочтут неперспективными… – бормотал Андрей. – У меня будут проблемы. Доктор, вы должны продолжить процедуры. Вы слышите? Я требую! Нам нужен результат!

– Я вас понимаю, – Кретов провел рукой, в воздухе возник экран. – Вот, вы сможете встать на очередь. Это новая технология должна появиться у нас примерно через год.

– Что это? – Андрей недоверчиво взглянул на развернутые изображения.

– Это то, что позволит вам получить ребенка.

– Но как?

– Вне тела женщины.

– Это же невозможно… – пробормотал Андрей.

– Нет! – запротестовала Ольга. – Нет!

– Я слышал что-то об этом… Это клоны? Но их же запретили… – разглядывал Андрей фотографии.

– Скоро этими капсулами планируется оснастить каждый дом. Биологическое конструирование плода по программе ваших ДНК позволит за несколько месяцев вырастить в этом контейнере плод, аналогичный плоду человека.

– Биологический аналог человека? – продолжал переспрашивать Андрей. Кретов отодвинул экран.

– Это не биологический аналог, это полноценный человек, – пояснил он.

– Вы видите, что тело вашей жены оказалось неспособным воспроизводить потомство. Скоро мы перестанем зависеть от возможностей собственного организма. Это то, что спасет человечество от вымирания. Очередь на подобные капсулы расписана на два года вперед.

– Нет, это же клоны! – запротестовала Ольга.

– Нет! – твердо ответил Андрей.

Они засобирались, Кретов не протестовал. Он знал, что этим людям ничего не останется, как снова вернуться к нему. Врач посмотрел на «молодых». Паре Ольга-Андрей шел девятый год. Как и все прочие, став участниками программы «Возрождение», они получили социальные дотации и были направлены в репродукционный центр. Кретов принял их. В его клинике использовались новейшие технологии, уникальные методики, опирающиеся на последние достижения науки, мощнейшее оборудование и всё это ради пяти новорожденных в год.

– Вы не можете с нами так поступать… – твердила со слезами на глазах Ольга. – Вам хорошо, у вас есть сын…

– Мы будем жаловаться вашему руководству!

Почему все они полагали, что он не хочет им помочь? Кретов вспомнил, сколько детей благодаря его стараниям появилось на свет. Он работал уже тридцать шестой год. Моложавый, подтянутый. Мало кто давал ему больше сорока пяти лет. Сейчас врач жил один. Каждый раз, идя на работу, повсюду видел он следы угасающей жизни. Шумные когда-то улицы давно опустели, то тут, то там виднелся очередной покосившийся дом. Дороги, по которым раньше ходили монорельсы, заросли травой. А ведь когда-то, Кретов помнил это время, он просыпался от шума первого утреннего вагона. Надо было спешить в школу, она находилась совсем неподалеку, за углом. В ней учились дети из близлежащих районов, классы были заполнены, на переменах галдели ученики. Теперь школа на все окрестности одна, в городе, да и в той тихо. Туда приходят немногие. Детей нынче мало, вряд ли где-то на улице можно услышать поднятый ими шум и гам. Каждый из современных детей – результат труда множества врачей и ученых, продукт передовых технологий, без применения которых давно уже не рождается ни один человек. Ещё будучи ребенком, Кретов твердо решил, что будет помогать людям. Окончив школу, он даже не сомневался в том, что станет врачом. Природа естественным образом ограничила воспроизводство людей. «Репродукция» стало самым употребляемым в новостях словом. Население страны стремительно сокращалось, немногочисленное новое поколение уже не могло содержать дряхлеющих стариков. Медицина бросила все силы на решение проблемы. Кретов поступил в университет. Его научили всему – вживлять в тела женщин биологически активные субстанции, вводить гидроидные стимуляторы в тела мужчин, и всё это только для того, чтобы в одном случае из двухсот, искусственно-выращенный эмбрион

с человеческой ДНК прижился в теле женщины… Кретов узнал, с чего всё началось. В середине двадцать первого века прогремел тот самый взрыв. Нации, которая совершила его, давно уже нет. Пытаясь развязать войну, она первой же и погибла, но перед этим стерла с лица земли многие города и даже страны. Такое испытание человечество выдержало, численно уменьшилось, но осталось жить. Однако выброшенная при взрыве радиация сделала своё дело. То, что больше не могут размножаться, люди заметили не сразу. А сначала, освобожденные от бремени ответственности за детей, все наслаждались нежданно полученной свободой. Настало время разгула. А между тем, уже всем парам, желающим завести ребенка, требовалось в этом помощь врачей. Только через полсотни лет люди стали замечать, насколько их осталось мало. Проблема вымирания человечества вышла на первый план, когда опустевшие здания стали приходить в негодность, а дороги поросли травой. По официальной версии поводом грядущей катастрофы послужил тот самый взрыв. Кретов же, ещё учась в университете, провел собственное исследование, он нашел множество других причин. Своей деятельностью люди нарушили тот удивительный баланс, который существовал в природе. Они уничтожили многие виды живых организмов и повредили атмосферный слой. Информация об идущем извне на Землю излучении умалчивалась, а между тем его уровень повсеместно увеличивался из года в год. Кретов изучил все имеющиеся материалы. Каждые два года медицинский комитет повышал допустимые для здоровья людей нормы лучевого фона, и если прочие системы жизнедеятельности человеческого организма могли адаптироваться к новым условиям среды, то репродукционная система – нет. Она сворачивала свои функции при возникновении угрозы будущему потомству. Кроме того, начались непредсказуемые мутации. Продукты генной инженерии, как считалось, безопасные для взрослого организма, фатально влияли на вынашиваемый плод. Как врач, Кретов теперь уже точно знал, что все рождающиеся в последнее время люди появлялись на свет с нарушенными функциями выработки гормонов. Вероятнее всего, это было следствием качества употребляемой пищи. А где было взять «здоровую» еду? В тех реках, куда веками сливались промышленные отходы, из почвы, пропитанной химикатами? Даже искусственное синтезирование продуктов питания ни к чему не привело. Когда-то человечество исчислялось десятками миллиардов, теперь же людей осталось лишь несколько миллионов. Промышленность, войны, безудержная трата природных ресурсов… Казалось, наконец Земля решила сбросить

со своей поверхности тех, кто так бездумно пытался её искалечить.

Кретов снова посмотрел в окно. Темный лесок, видневшийся неподалеку, был посажен тридцать лет назад. Деревья разрослись, зеленый массив стал всеобщей гордостью. Только сейчас люди стали задумываться о том, что натворили с планетой. Они попросту закатали всё вокруг себя в бетон. А нынче все хотят знать, почему человечество гибнет. Кретов нашел для себя ответ на этот вопрос. Мы повредили тонкую экосистему, частью которой, как оказалось, являлись сами.

Кретов ещё раз бросил взгляд на солнечный пейзаж за окном и сел за стол. Больше сотни больничных карт лежало сейчас перед ним. Каждая пара, которую медицинский комитет направлял к нему, нуждалась в сложном лечении. Для всех этих людей, входящих в его кабинет, Кретов был последней надеждой. Разработанная им методика искусственного зачатия давала наилучшие результаты, но, несмотря на это, процент удачных беременностей в его клинике был ничтожно мал. Кретов был автором запатентованной им наноликвидной оболочки. Созданная из мельчайших программируемых наночастиц, она самостоятельно осуществляла строительство в теле женщины плода. Управляемые наноструктруы полностью проводили тот процесс, который раньше проходил сам собой, силами природы. Когда к Кретову обратились из комитета за помощью в разработке биооболочки для автономной капсулы выращивания человека, он запротестовал. Ему претила идея конструирования плода вне тела женщины, а сам этот процесс виделся чрезвычайно сложным, но скоро, всё чаще наблюдая безуспешность собственных методов, Кретов согласился. Теперь, не прошло и пяти лет, а проект дошел до своей финальной стадии. Пройдет ещё год, и каждая семья получит в свой дом инструмент для автономного воспроизводства человека. «Биолюди» или «бионики», как их сокращенно будут называть – новая надежда человечества. Ничем не отличимые от обычных людей, несущие наш геном, они станут теми, кому мы передадим свои знания, опыт. Выращенные по схеме ДНК своих родителей, они станут их полноценными детьми. На их плечи в будущем ляжет забота о нас.

Всю жизнь Кретов добивался естественности в процессе воспроизводства, и вот теперь он был вынужден от неё отказаться. В университете он принимал участие в опытах по искусственному воссозданию людей, но потом их оставил, в жизни его свершилось особое событие – у него родился сын. Олег появился на свет ясным весенним утром. Кретов навсегда

запомнил тот солнечный день и синие широко распахнутые глаза сына, его несмышленый взгляд, Кретов держал тогда Олега на руках. С того момента жизнь молодого ученого стала резко меняться. Комитет, как единственному студенту их кафедры, у которого родился ребенок, тут же предложил ему на выбор для работы сразу несколько престижнейших мест. Получив причитающуюся за рождение ребенка премию и дом, молодой отец поселился с семьей вдали от пыльных городских улиц. Здесь, в светлом чистом поселке, располагалась самая известная клиника репродукции. Поработав в ней сначала простым врачом, уже через год Кретов её возглавил. То время, когда они жили здесь всей семьей, стало для него самым успешным и счастливым. Работа ладилась, рядом подрастал Олег – надежда, будущая опора. Ради него рядом с клиникой и посадили тот самый лесок, который теперь виднелся за окном. Олегу нужен был воздух, много чистого, насыщенного кислородом воздуха. Сегодня сын Кретова – известный человек, председатель правления экономического совета, доктор наук, теперь он принадлежит обществу, а когда-то он был просто ребенком Кретова, тем, кто приносил из школы четверки, забирался на деревья, с кем вместе они читали книжки по вечерам, а в выходные запускали в небо воздушного змея, кто жил рядом, гулял, подрастал, играл, даря радость лишь одним своим существованием. «Вам хорошо, у вас есть сын…» – как часто слышал Кретов эту фразу от своих пациентов. Знали бы они, через что ради этого им с женой пришлось пройти. Лидия умерла совсем молодой, Олежке тогда не исполнилось и восьмого года. Вот она, плата за успешный эксперимент… Чтобы родить сына Кретову пришлось вживить Лидии один из первых экземпляров своей наноликвидной оболочки, как оказалось, не самый удачный. Тот настолько успешно закрепился в теле жены, что после рождения ребенка, вопреки задуманному, навсегда остался в ней. О том, что отработанные наночастицы для здоровья вредны, Кретов узнал лишь на седьмой год. До этого Лидия была жизнерадостна, полна счастья, воспитывая сына. А потом весь её организм стал буквально разваливаться по частям. Болезни следовали одна за другой. Нанооболочка распалась, её остатки распространились по всему телу. Настроенные на выполнение специфических задач наночастицы заставили каждый орган работать по «чужой» программе. Они пытались вырастить плод в тех частях тела, где ему было не место. Лидия угасла всего за несколько недель. Вспомнив прошлое, Кретов тяжело вздохнул. Теперь, каждый раз, с любым пациентом он опасался двигаться дальше определенной черты.

Низкорослый андроид бесшумно открыл дверь. По обыкновению, в двенадцать часов дня он доставил обед. Умная молчаливая машина, покрутив одним из четырех глаз-камер своей сферической головы, осторожно подъехала к Кретову. Сам приготовил, сам принес. Андроиды необычайно развились за последнее время. Их интеллект впечатлял. Когда-то этим металлическим машинам вживили нейронные цепи. С тех пор андроиды получили возможность самостоятельно прогрессировать. Кретов знал, что его механический слуга давно уже сам составляет кулинарные рецепты, изучая вкус хозяина. В том, что в голове этого малыша содержится вся библиотека знаний, накопленных человечеством, что он способен любого обыграть в шахматы, Кретов не сомневался. Он знал, что этот безмолвный робот способен сам ставить перед собой задачи, сам решать их и обучаться. Таковы были особенности мозга андроидов. Оставляющий возможность управлять им из вне, он давал обладающим им роботам поистине неограниченные возможности для саморазвития. С трудом давалось пока им только творчество. Однако прошедшие недавно первые выставки написанных андроидами картин, созданные ими музыкальные треки доказывали, что уже в ближайшем будущем эти малыши вполне смогут конкурировать со своими создателями. Вымирающее человечество позволило своим электронно-механическим слугам совершенствоваться, предусмотрительно ограничив их тремя законами робототехники:

«1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

2. Робот должен повиноваться всем приказам, которые дает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому Закону.

3. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в которой это не противоречит Первому и Второму Законам».

Эти роботы всегда будут подвластны людям. Кретов посмотрел на металлического андроида. Став на четыре ноги, втянув в себя голову, он стал похож на обыкновенный стол. Покорные слуги, ничем в своём облике не напоминающие человека, неужели за ними будущее? А ведь они, в отличие от современных людей, уже сейчас с легкостью могут создавать себеподобных. Так неужели андроидам достанется весь оставшийся после людей мир? Кретов не хотел в это верить, он снова посмотрел в окно. Там, на лужайке перед зданием клиники, одиноко играл маленький Ваня. Мальчик был настолько слаб, что отдать его родителям Кретов не решался. Ребенок рос под наблюдением врачей. Ваня был одним из восемнадцати

детей, родившихся за последние пять лет в клинике.

Кретов не желал больше ждать. Он взялся за письмо. Всем пациентам полетели электронные послания, Кретов описывал в них технологию конструирования бионików, он рекомендовал семьям прибегнуть к ней для создания собственных детей. Он должен был подготовить людей к новому способу воспроизводства. Они привыкнут. Кретов был уверен, это был последний шанс для человечества.

Глава 3

Любимов шел по сверкающим, безупречно вычищенным коридорам института. Белоснежные стены здания сияли, хром покрытия металлических конструкций блестел. Сегодня и сам Любимов был похож на новенький, только что пущенный в оборот «пятак» – начищенные туфли, надетый поверх парадного пиджака хорошо отглаженный халат… Любимов спешил к профессору. Доктор наук Вертинский был тем человеком, который вот уже много лет возглавлял крупнейший на сегодняшний день проект «Бионики». Все надежды человечества, его будущее было связано с этой работой. Пару дней назад пришло известие о том, что проект выходит на заключительную стадию, начинается завершающий этап. Ожидался приезд комиссии. Любимов был заместителем профессора Вертинского, под его началом он работал вот уже седьмой год. Это он отвечал за выращивание биоников, за развитие и воспитание созданных в ходе эксперимента экземпляров. Собственноручно он спроектировал и получил в капсуле каждого из них. Сейчас под его опекой находилось двадцать шесть детей, каждый из которых был произведен искусственным путём, в стенах этого самого института. Это первые мальчики и девочки, которые положат начало новой эры. В настоящее время все подопечные развивались нормально, не имели никаких физических отклонений, обладали стандартным для детей их возраста умом. Ещё до приезда комиссии из комитета Любимов мог предугадать, какое решение сегодня будет принято. Ничто не мешает перевести проект на завершающую стадию. Это означает, что чертежи капсул для создания биоников будут переданы в массовое производство, а потом… Каждая семья получит возможность иметь собственного ребенка, бионика. Любимов был счастлив, он ликовал. Скоро, уже совсем скоро, о его работе узнает весь свет. Человечество будет спасено. Города заполнятся людьми, по дорогам снова заснуют автомобили… Однако, открыв дверь лаборатории, он заметил, что профессор Вертинский его торжествующего настроения совсем не разделял. Подперев голову рукой, седовласый ученый угрюмо рассматривал отчетные материалы. Заметив вошедшего Любимова он, безо всякого приветствия, обратился к нему:

– И что мы им скажем?

Любимов опешил, такого настроения учителя он не ожидал.

– Станислав Евгеньевич, но ведь это успех… – начал Любимов. – Все дети развиваются нормально, они абсолютно

здоровы. Сегодня комиссия подтвердит положительный результат.

– Сергей, вы ведь знаете, что меня беспокоит. Мы уже много раз говорили с вами об этом.

Любимов подошел к профессору и взглянул на цифровой экран. На нем отображались таблицы психопараметров его подопечных.

– Станислав Евгеньевич, – раздосадовано начал Любимов, – я знаю, что вы снова толкуете мне о пониженном психоэмоциональном состоянии полученных нами бионików, но я продолжаю утверждать, что все показатели психики наших детей находятся в пределах нормы…

– Эти нормы придумали мы, мой друг, мы… В ходе выполнения данного проекта мы вынуждены были ввести оценочные параметры и задать их номинальные значения, – оборвал его Вертинский. – Но посмотрите, Сергей, все наши тесты показывают, что психоэмоциональный фон всех наших детей практически равен нулю. Да это и так видно…

Профессор махнул рукой.

– Ну и что, – возмутился Любимов, он был воодушевлен. – И что? Это всего лишь означает, что эти дети обладают крепкой, устойчивой психикой. Вот и всё. Они слабо реагируют на факторы среды, на внешние раздражители или, проще говоря, их ничто не в силах обеспокоить. Но что плохого в том, что в любых ситуациях эти дети будут сохранять твёрдым разум, спокойным ум? Может быть, мы вывели новый, лучший вид человека…

– Возможно… – Вертинский снова взглянул на экран. – Однако, по моему мнению, это отклонение. Нам было задание спроектировать настоящего человека, это значит человека с эмоциями, чувствами. Что-то мы не доработали с вами, Сергей, чего-то не учли, что-то идет не так… Очень слабые эмоциональные реакции на возбудитель…

– Но они всего лишь дети! – возмутился Любимов, он протестовал. – Станислав Евгеньевич, ведь по ним ещё сложно о чём-то судить. Пока мы можем контролировать с большой вероятностью только их физические параметры…

– Вот именно, – оживился профессор. – Именно! Мы слишком торопимся, мы спешим! Мы не можем сейчас составить верное мнение о том, кого вырастили. Мы не знаем этого. Кем станут эти дети через десять, двадцать лет?

– Но у нас нет времени! Кто даст нам хотя бы один год? Станислав Евгеньевич, вы не хуже меня знаете прогноз. Если ничего не изменится, через десять лет нас на планете останется всего несколько тысяч.

– Я знаю, – профессор был расстроен. – Меня вынуждают взять ответственность за столь ранние сроки. А так хотелось бы грамотно завершить проект. Понаблюдать за биониками хотя бы лет двадцать.

– Лет двадцать! Это невозможно! Станислав Евгеньевич, этот срок в наших обстоятельствах представляется просто немыслимым. Мы должны действовать уже сегодня, сейчас.

– Мне кажется, у нас ещё будут с этими детьми проблемы…

– Профессор, сделайте скидку на то, что первые из них конструировались по совсем ещё неотработанной технологии. Вы же помните, что собой представляли биокапсулы пять-шесть лет назад. И посмотрите, чем они являются теперь…

– Согласен, мой друг. Мы сильно шагнули вперед за пару последних лет. Жаль, что бионики, полученные в новой модификации капсулы ещё слишком малы, по ним пока мы не можем сделать никаких выводов…

– Селине три с половиной года, Иону три и три. Каждый из них вышел из капсулы ребенком возраста двух с половиной лет. Оба экземпляра развиваются нормально, отклонений в умственном и физическом развитии нет, – произнес Любимов.

Он наизусть знал характеристики каждого из двадцати шести появившихся в стенах его лаборатории детей. Селина и Ион, образцы под номерами 27.2.1 и 27.2.5, были самыми младшими. Они были получены в самой новейшей капсуле с применением наноликвидной оболочки Кретова, её использование дало просто феноменальный результат. Теперь всего лишь за пять месяцев в капсуле удавалось создать полноценного здорового человека возрастом два-три года. Такие дети за три недели учились не только ходить, бегать, но и говорить. Объём их мозга позволял схватывать всё на лету. То развитие, на которое природа отводила тридцать шесть месяцев, бионики проходили всего за двенадцать недель. Любимов был уверен, нынешняя конструкция капсулы – это самый перспективный вариант. Лаборатория продолжала работать над сокращением срока воспроизводства биоников. Демографическая проблема будет решена, начнется прогресс.

– Станислав Евгеньевич, сделайте ещё скидку на то, что наши дети большую часть времени находятся в обществе андроидов, – продолжил Любимов. – Мы не можем быть с ними постоянно, а попади они в обычные семьи, я уверен, результат будет иным.

– На это и надежда… – задумчиво произнес Вертинский. – Нам надо было попытаться воспитать их самим…

– Ну что вы, профессор, у нас нет на это ни людей, ни времени, – возразил Любимов. – Нам была поставлена задача – разработать процесс воспроизводства вне тела человека.

Мы полностью с ней справились. Сегодня мы представим комиссии двадцать шесть абсолютно здоровых, полноценных детей. Их развитие происходит нормально. Тем, что эти бионики обладают незначительными особенностями поведения, на данном этапе вполне можно пренебречь. Я думаю, помести мы их в традиционные для людей условия жизни, в обыкновенные семьи, будет снят и этот вопрос.

– Хотелось бы в это верить, Сергей… Хотелось бы, – вздохнул Вертинский. – Жаль, что нет времени проверить это.

– Станислав Евгеньевич, ну признайтесь-то сами себе, что это самый настоящий успех. До нас никому не удавалось искусственно воссоздать человека. Мы наконец-то получили независимость от природы и это в тот самый момент, когда человечеству грозит неминуемая гибель…

– Успех это или поражение – покажет время, у нас же его нет… – задумчиво произнес Вертинский. – Ну что ж, Сергей, надо работать. Идемте смотреть, всё ли готово.

Вертинский решительно встал. Крупная фигура, высокий рост, Вертинский казался настоящим великаном. Последний в своей династии ученых-биологов, он так и не смог естественным путем продолжить свой род. Теперь его ДНК носило пятнадцать искусственно полученных в стенах его лаборатории детей. Считал ли он бионików своими наследниками, возможными последователями? Нет. Пока все полученные в ходе эксперимента экземпляры людьми не считались и полностью принадлежали комитету. «Международный медицинский комитет репродукции и самосохранения» был создан двадцать семь лет назад, тогда о демографической проблеме заговорили особенно рьяно. К тому времени опустели уже многие города. Люди стягивались в пока ещё удерживающиеся на плаву мегаполисы, но и тем грозило неминуемое вымирание. Молодежи становилось всё меньше и меньше. Тогда и был образован специальный комитет. В его задачу входило любыми способами уберечь от гибели, сохранить человечество. Комитет первым делом принялся решать проблемы стариков. Благодаря последним достижениям, их жизнь сильно изменилась. Дома заполнили помощники-андроиды, выполняющие любой физический труд; была развернута программа высокотехнологичной медицинской помощи. Возраст активной жизни удалось поднять на целых пятнадцать лет. Потом же комитет бросил все силы на повышение рождаемости. Огромные средства были пущены на то, чтобы человечество всё-таки не погибло.

– Станислав Евгеньевич, проходите, – Любимов открыл перед профессором дверь.

Просторный класс, разукрашенные рисунками стены. Двадцать шесть пар детских глаз устремили на вошедших взгляд.

– Не отвлекайтесь и не обращайте на нас внимания, – дал Любимов распоряжение пятерым учителям-андроидам.

Дети рисовали. Любимов неустанно проверял их способности творить. Посмотрев на новые работы, он остался доволен. Дети, в возрасте от трех до десяти лет создавали то, что в их возрасте не смог бы сотворить обычный ребенок. Природа, животные, растения, предметы, дома были изображены на детских картинках невероятно технично. Дети, все как один, аккуратно склонившись над своими столами, трудились. Андроиды-учителя сновали по рядам. Эти роботы, ничем внешне не напоминающие людей, то тут, то там подправляли зажатую в детской руке кисть. Заложенная в андроидах программа развития творчества была одной из самых сложных, но давала хорошие результаты. В классе сейчас царила тишина. Послушные, старательные, внимательные, эти бионики могли бы стать идеальными детьми своих родителей. Любимов был горд.

Вертинский торжества своего молодого коллеги не разделял. Он помнил то, что Любимов уже не застал – школу и обычный детский класс. Какими ж звонкими были тогда между уроками перемены! В те времена, когда Вертинский и сам был учеником, дети любили бегать, играть, гулять. Гурьбой после уроков высыпали они из школьных ворот на улицу, чтобы потом, разбежавшись по своим дворам, забыв про уроки, предаться неуемным детским забавам. Повсюду слышался задорный детский смех. Сейчас всё было иначе, всё было не так. Вертинский смотрел на послушно склонившиеся над работой детские фигурки. Станут ли эти дети играть, если у них появится свободная минута, будут ли беззаботно болтать? Вертинский знал, что когда закончится этот урок, бионики по команде учителей спокойно, не общаясь друг с другом, перейдут в другой класс. Там начнется занятие по математике или литературе, потом дети пообедают, посмотрят запланированный в программе их развития фильм, затем пройдут ежедневные тесты и дружно в половине десятого лягут спать. Они не будут разговаривать перед сном, делиться тем, что произошло за день, рассказывать друг другу забавные истории, они просто уснут. Пока эти дети лишь внешне были похожи на настоящих…

– А вот и Ион, – подвел Любимов Вертинского к ребенку.

Белокурый малыш умело орудовал карандашом. Когда Вертинский посмотрел на исчерченный им лист, то поразился, с какой точностью этот трехлетний мальчишка изобразил стены соседней лаборатории. Грамотные проекции делали её похожей

на трехмерный план. Ровные линии, штриховка, цвет. Мальчик был, безусловно, способный.

– А вот Эри, помните, мы слушали её игру позавчера, – продолжил Любимов, подойдя к девочке лет семи.

Вертинский вспомнил, что был очень удивлен, когда услышал виртуозно сыгранный этим ребенком концерт.

Посмотрев на рисунок Эри, Любимов довольно погладил её по голове.

– Это Авель, наш гений в математике, лидер по игре в шахматы. А это наш поэт…

Вертинский понимал, к чему клонит Любимов. Все выращенные ими дети, то ли благодаря собственной усидчивости, то ли в результате генных модуляций, предусмотренных программой, получили некоторые совершенные черты. Они обладали способностями, которые в их возрасте не имел ни один современный человек. Они были одаренными, талантливыми, но Вертинского волновало их поведение…

– Станислав Евгеньевич, комиссия прибыла, – подал Любимов сигнал. – Они уже у главных ворот, надо идти встречать их.

Вертинский с Любимовым поспешили к дверям.

– Дети, попрощайтесь с доктором Любимовым и профессором Вертинским, – произнес один из андроидов-учителей.

Дети послушно подняли глаза и дружно произнесли заученное: «До свидания».

– Хорошие дети, – сказал Любимов, выйдя за дверь. – Уверен, комитет останется доволен.

Для встречи комиссии был приготовлен парадный зал. Здание некогда многочисленного института теперь пустовало. По современным меркам в проекте был задействован невероятно большой коллектив, однако численность его была несоизмеримо меньше того количества людей, что занималось наукой прежде. Теперь, какую сферу деятельности не возьми, нехватка рабочих рук была на лицо. Людей можно было встретить редко, всё больше на глаза попадались механические андроиды. Комиссию Вертинский и Любимов встречали вдвоём.

В состав приехавшей комиссии входили хорошо знакомые Вертинскому и Любимову заместитель руководителя медицинского комитета Боттичелли, военный комиссар Парсон, научный эксперт Дронов. Их сопровождали несколько новых лиц – Гуревич, который оказался руководителем завода высоких технологий, инженер того же завода Сайман, медицинский представитель Джозеф Франко, начальник финансовой службы комитета Левец. Был здесь и обязанный составить пресс-релиз для СМИ корреспондент.

Всех их Вертинский повел извилистыми коридорами своего института. Заседание открыли в центральной галерее. Здесь Вертинский начал свой доклад:

– Итак, десять лет назад «Международным медицинским комитетом по репродукции и самосохранению» была развернута программа «Бионики». В настоящее время мы закончили этап научно-экспериментальной отработки воспроизводящей капсулы, – начал Вертинский. – Перед моим институтом была поставлена задача в кратчайшие сроки создать автономное устройство для конструирования человеческого плода. Проще говоря, нам надо было разработать технологию искусственного выращивания людей. Первые наши опыты, как вы знаете, были не совсем удачными. Сегодня же мы готовы представить комитету успешные, полученные по разработанному нами техпроцессу экземпляры.

Вертинский вздохнул. Он вспомнил, как наседали на него всё это время члены комитета, как требовали положительный результат. Под страхом отмены финансирования работ и роспуска института, он сконструировал первую, ту самую первую капсулу, в которой, наконец, был получен первый бионик-человек. Ребенок прожил недолго, но Вертинского это не остановило. Он торопился, работы велись день и ночь. Вертинский разрабатывал технологии, которые не имели аналогов в мире. Он знал, что пройдет ещё несколько лет и какая-нибудь другая из десятка лабораторий, работающих над решением этой же задачи, захватит лидерство. Но когда, после значительной доработки конструкции капсулы, два бионика не погибли, а остались жить, комитет одобрил труд Вертинского. Это был успех, его успех. Прочие лаборатории, бьющиеся над той же проблемой, были расформированы. Вертинский получил ведущих специалистов, деньги и возможность дальше вести работы.

– Тот этап проекта, по которому мы сейчас отчитываемся, был начат пять лет назад. Это заключительный этап научно-экспериментальной части программы «Бионики», предшествующий запуску массового производства капсул. За это время нами был полностью отработан процесс репродукции вне тела человека, разработаны чертежи воспроизводящей капсулы, были получены стабильно развивающиеся опытные образцы. Кроме того, нам удалось сократить время конструирования каждого бионика с полутора лет, как это было раньше, до пяти месяцев. В настоящее время в стенах нашей лаборатории воспитываются и успешно проходят обучение двадцать шесть полноценных, здоровых искусственно созданных детей.

При этих словах, Вертинский заметил, как члены комиссии встрепенулись.

– Полученные в нашем институте бионики будут представлены вам позже, – продолжил он, – сейчас же мы готовы показать вам прошедшие отработку экземпляры капсул, прошу пройти в наш производственный цех.

Вертинский повел комиссию в свою лабораторию. В этом просторном помещении стояло два десятка полутораметровых воспроизводящих устройств. Первые, неудачные экземпляры капсул Любимов и Вертинский давно уничтожили. Теперь здесь находились только успешные окончательные образцы.

– Какое убожество, – поковырял пальцем в крышке одной из капсул директор завода высоких технологий Гуревич. Именно его предприятие выиграло тендер на производство этих аппаратов.

– Это экспериментальный экземпляр, – пояснил Вертинский. – Нам надо было спешить, мы отрабатывали технологию, было не до красоты. Предполагалось, что вы сами на своём заводе придадите этим устройствам товарный вид.

– Вы подготовили для нас чертежи? – включился в разговор инженер Сайман. Ему не терпелось узнать конструкцию заветных устройств. Пока комитет предоставил ему лишь общее описание технологии и предварительные эскизы.

К Вертинскому подоспел руководитель инженерного отдела Репнин. Низенький лысенький человек в очках, он всю ночь со своими людьми трудился над окончательным оформлением той документации, которую предполагалось отдать на завод. Работая все эти годы второпях, дорабатывая капсулы на ходу, инженеры далеко не всегда успевали вносить изменения в электронные чертежи. Вот уже две недели весь отдел Репнина работал без выходных. Двенадцать человек день и ночь собирали по крупицам собственные записи и готовили документацию на то, что стояло уже готовым в цехе.

– Вот, – усталый Репнин передал Вертинскому небольшой предмет.

Носитель информации содержал все данные для производства бионików. Стоимость того, что держал сейчас в руках Вертинский, сложно было переоценить.

– Я поясню, – засуетился Репнин, видя как Сайман теребит дверь открытой капсулы. – Станислав Евгеньевич попросил меня представить вам вкратце технологию производства бионików. Экспериментальные схемы уже вам представлялись, а сегодня мы готовы огласить полностью весь имеющийся у нас материал.

Окружающие смотрели на Репнина с явным интересом.

Заметив их внимательные взгляды, Репнин гордо поправил очки.

– Итак, сначала расскажу вам немного о технологии, а потом мы перейдем к знакомству с конструкцией капсулы. Начнет доклад мой коллега – инженер-физик Бель. Собственно говоря, он и есть автор того метода, по которому мы в настоящее время производим бионики. Это он сформулировал концепцию и построил первую математическую модель…

К Репнину приблизился худой, взъерошенный, ещё довольно молодой человек. Потертые джинсы, небрежно засученные рукава… Весь его облик выдавал в нём ученого, работающего здесь не ради славы, а из-за интереса к науке.

– Меня попросили ещё раз рассказать вам о том, как создавалась технология воспроизводства бионики, – монотонным, безучастным голосом начал Бель. – Наши отчеты и доклады неоднократно предоставлялись комитету. На первом этапе проекта у нас было несколько принципиально разных схем того, каким способом можно будет осуществить процесс конструирования бионики. В стенах наших лабораторий мы экспериментально опробовали каждый из них и остановились на том, который и будет сегодня вам представлен. Сначала мы пытались выращивать бионики подобно тому, как они развиваются в теле человека – из зародыша, путём синтеза и трансформации соответствующих биологических тканей. Скоро нам пришлось отказаться от этого варианта. Нам не удалось повторить естественный природный процесс. Эмбрионы не развивались ни по одной из испробованных нами схем. Мы быстро признали этот вариант недееспособным и решили выращивать бионики по другой, как мы её назвали, «послойной» технологии. Суть её состояла в том, чтобы воссоздать человека последовательным наращиванием соответствующих тканей на некую основу. То есть сначала мы планировали создать скелет, нарастить на него необходимые органы, кровеносную, нервную и прочие системы, мышцы, кожу. Мы сконструировали подходящий аппарат, но процесс выращивания бионики этим способом оказался неимоверно долгим. Вы и сейчас можете увидеть в нашей лаборатории те несколько капсул с незаконченными телами, которые до сих пор проходят процесс выращивания по технологии послойного наращивания. Наши же дети, которых вы ещё увидите сегодня, созданы по технологии «срезов». Только этот метод дал хороший результат. Заключается он в том, что мы воссоздаем человека по поперечным срезам, наращивая их один за другим. За основу мы берем электронную модель человека, полученного по программе конкретной ДНК. Условно разбиваем эту модель на срезы толщиной равной одной

тысячной миллиметра каждый, а затем уже в капсуле воссоздаем эти слои один за другим из заранее синтезируемых клеток. Каждый участок такого слоя заполняется той биологической материей, которая должна находиться на этом месте согласно программе строения. На выходе мы получаем тело готового человека со всеми внутренними органами, кожей, скелетом, идеально повторяющим нашу электронную модель.

Бель закончил.

– И сколько времени занимает весь процесс? – услышал он вопрос.

– Время создания бионика зависит от размера его тела и в среднем составляет пять с половиной месяцев. Мы не создаем взрослых, на это ушло бы примерно полтора года, мы создаём детей.

– Но создать взрослого возможно?

– Теоретически, да…

– Создавать взрослого человека смысла нет, – вмешался в разговор Вертинский. – Смею вам напомнить, господа, что мы проводим необычный процесс. Бионик – это не просто некое биологическое устройство, это носитель нашей же с вами человеческой ДНК, а значит, наряду с физическим телом имеет ещё и некую психологическую константу. Вы должны понимать, что из капсулы они выходят абсолютно беспомощными существами. Безусловно, они довольно быстро всему учатся и неплохо адаптируются в окружающем их мире, но это в детском возрасте, когда к этому расположен их мозг. Воссоздай мы в капсуле взрослого человека, с вероятностью восемьдесят пять процентов я могу утверждать, что его разум никогда не сможет развиться до нужного уровня, это будет неполноценный человек.

– Так какой же оптимальный возраст создаваемых детей?

– От трех до семи лет, – не задумываясь, ответил Вертинский. – Мы ведем сейчас работы над увеличением этого срока до четырнадцати-шестнадцати лет, но пока никаких гарантий по поводу разумности детей, вышедших из капсулы в таком позднем возрасте, я дать не могу.

– Теперь, позвольте, я расскажу вам о самой капсуле, – засуетился Репнин. – Пожалуйста, подходите…

Он уже приготовил для показа и открыл одну из них.

– Итак, главным элементом любого из этих аппаратов является вот этот резервуар, – Репнин ласково провел рукой по гладким стенкам полого пространства. – Это, можно сказать, сердцевина нашего устройства. В этой, как она названа в нашей документации, «основной камере» происходит сам процесс. В запущенной капсуле вся эта ёмкость будет заполнена

специальным раствором. А вот в этой внешней обшивке капсулы помещаются все необходимые для синтеза компонентов вещества. Каждая капсула оснащена мощным процессором, именно он по специально заложенной нами программе осуществляет выращивание бионика. Вот здесь у нас монитор, он напрямую связан с установленными внутри основной камеры следящими устройствами, благодаря чему мы можем воочию наблюдать происходящий там процесс.

Ренин отбежал от капсулы, принес несколько тонких, похожих на струны стержней.

– Вот посмотрите, посмотрите сюда… Конструирование любого бионика начинается с того, что эти самые стержни закрепляется в специальных пазах основной камеры.

Репнин умело сплел из стержней конструкцию, напоминающую пятиконечную звезду.

– Это и есть основа создаваемого тела, – воодушевленно продолжил Репнин. – Стержни нужны для того, чтобы правильно закоординировать весь процесс. Это начало отсчета для будущих наращиваемых на них послойно элементов: рук, ног, самого тела. Стержни так и останутся потом в организме, но, состоящие из биологического вещества, будут совершенно неощутимы. После закрепления стержней капсулу можно закрывать, все дальнейшие манипуляции будут производиться только снаружи. Нажимаем кнопку, закачиваем в основную камеру физраствор. Здесь, в крышке капсулы размещаются ёмкости с необходимыми веществами. Пройдя сквозь специальные элементы капсулы, они поступят в основную камеру. Здесь их уже поджидают специальные устройства. Дело в том, что совсем недавно мы стали покрывать внутренние стенки камеры наноликвидной оболочкой Кретова. Она состоит из множества нанороботов, способных выполнять по заданной программе любой процесс. Этим малышам отведена особая роль. Именно они переносят сквозь среду необходимые вещества и осаждают их на стержнях, формируя срезы, пока не получится полноценный бионик.

Рассказывая всё это, Репнин то и дело бережно поглаживал стенки капсулы. Он закончил, Сайман снова принялся теребить дверь.

– А что нужно будет делать простым обывателям, к которым вскоре попадет этот прибор?

– Установить стержни, закрыть капсулу, нажать кнопку «Пуск», – ответил Вертинский на вопрос. – Затем в течение пяти месяцев следить за уровнем необходимых веществ в ёмкостях и пополнять их. А, ну и ещё, перед началом процесса будущим

родителям нужно будет сдать кровь. Прямо в капсуле из неё будет выделена формула ДНК. Мы рекомендуем для построения генома ребенка использовать ДНК обоих родителей, как это происходит в природе. Дабы избежать нежелательных болезней, новая ДНК будет скомпонована из фрагментов, несущих в себе лучшие характеристики двух партнеров. Состав ДНК давно расшифрован, поэтому на сегодняшний день мы можем четко программировать генетический код. После разработки нового генома, процессор капсулы построит согласно ему электронную модель. Мы научились преобразовывать цепочку ДНК в специальную цифровую программу, которой и будет управляться весь происходящий в капсуле процесс.

– Удивительно, – подошел к капсуле Боттичелли. – Мы имеем устройство для создания человека. Это же фантастика! Мы научились создавать самих себя вне собственных тел. Столько лет работы, столько усилий, опыт, знания всего человечества… Вот он, настоящий прогресс, рывок.

– Поразительно… А ещё говорят, что мы не боги! Да кто же тогда бог? Вы посмотрите, это же настоящее чудо науки…

Вертинский был доволен, Любимов сиял.

– Сколько вам потребуется времени, чтобы запустить производство?

– Полгода-год, – ответил Гуревич.

– Предлагаю вам пройти к действующим капсулам. Мы приготовили для вас нечто особенное… – снова засуетился Репнин.

Все прошли в соседний зал. Здесь работали двенадцать капсул. Монитор каждой из них показывали происходящий на данный момент в основной камере процесс. Члены комиссии тут же прильнули к экранам.

– Это невероятно! – удивлялся Франко.

– Этого не может быть… – бормотал Левец.

На экранах отображались находящиеся в процессе конструирования бионики – половина человека, или только его треть. Это были дети. Тонкие стержни образовывали необходимый каркас, а на нём…

– Вот смотрите, то, о чём я вам говорил. Стержневой каркас для выступающих и не соединяющихся друг с другом частей – пальцы, конечности, голова… А на него посрезно наращивается ткань. Вы не увидите невооруженным глазом работу роботов, но если увеличить…

На экранах развернулась работа наноустройств. Грандиозное строительство, клетка за клеткой, развивалось, велось. Работа кипела. Мельчайшие устройства шаг за шагом проворно

создавали живую плоть. Элементы клеток вставали на нужное место. Клетки объединялись в правильные ряды.

– Всё согласно созданной по ДНК программе, – прокомментировал Репнин.

– Невероятно…

– Ну, мы уже это видели, – сказал военный комиссар Парсон. – А как же наш заказ?

По Вертинскому было видно, что ему неприятен этот вопрос.

– Вот, – он подвел Парсона к двум капсулам большего размера. – Этому будет 20, этому 25 лет. Мужчины, конструируются по ДНК с максимально усиленными параметрами физических данных.

Все смотрели на крупные, раскачанные мышцами незавершенные пока тела.

– Максимальные боевые характеристики, идеальное для ваших задач телосложение… Только не ручаюсь за их мозг. Как я уже говорил, большая вероятность того, что полноценно развиться они не смогут. У нас уже есть подобный печальный опыт.

Парсон сиял:

– Им и не надо развиваться, им надо будет всего лишь четко выполнять приказ… Кстати, Тэд и Нэд, которых вы нам уже передали, хоть и несколько младше этих, но вполне пригодны к службе. Они то, что нам надо. Исполнительные, немногословные…

– Как роботы… Я вообще не понимаю, от кого вы собрались обороняться. На сегодняшний день напасть друг на друга не в состоянии ни один народ.

– Знаете ли, человечество скоро сильно увеличится… Мы должны быть ко всему готовы.

– Это очень сложный вопрос… Вы ещё не получили одобрение комитета на создание таких, если можно сказать, полулюдей…

– Почему же полулюди? Посмотрите на них, каждый из них настоящий человек.

– Неразумный человек, – поправил Вертинский. – Неужели вы ими довольны? Мы пытались обучить их, но они не смогли научиться даже читать…

– Зато они послушны и хорошо выполняют приказы…

– Их мозг не удается наполнить и десятой долей тех знаний, которыми должны обладать нормальный человек. Кто знает, что они выкинут в будущем…

– Это уже не ваш вопрос. Это наша комиссия будет решать, пригодны эти люди для службы или нет.

Вертинский только развел руками.

– Мы подготовили для вас интересную запись, на ней запечатлена последняя стадия создания бионика, – сменил он тему. – Прошу всех посмотреть.

Столб трехмерного экрана возник из пустоты. Члены комиссии расступились.

– Мы хотели подготовить к вашему приезду рождение одного из бионików, но для этого надо было бы ускорить процесс, а концентрация активных наноустройств в каждой капсуле и так уже максимальна. В будущем мы планируем поработать над увеличением скорости их работы, пока же вот, прошу…

Все смотрели на возникшее изображение капсулы. Трехмерный экран позволял рассматривать её со всех сторон. На мониторе капсулы отображался трехлетний ребенок. Закрывший глаза, он, казалось, спал. Подобно маленькому ангелу, парил он на невидимом облаке. Милые кудряшки нежно обрамляли овал лица, малыш улыбался, румянец на его щеках играл.

– Сейчас этот плод погружен в физраствор. Тело готово к пробуждению. Сосуды уже заполнены кровью, закачана лимфа. Осталась последняя операция… Из капсулы автоматически выкачивается физраствор, теперь будут отсечены стержни технологического каркаса…

Тонкие струны-стрежни все одновременно оборвались, тело, потеряв натянутую сквозь него опору, упало на дно капсулы, а ребенок даже не открыл глаз. Он не шевелился. Замечательный, прелестный малыш. Мальчик не дышал.

– Мы покажем вам рождение нового человека или «пробуждение» – так мы называем последнюю стадию производства человека… Нам пришлось поломать голову над тем, как осуществить этот процесс. Даже тогда, когда мы научились конструировать полноценные тела бионików, для нас долгое время оставалось загадкой, как же заставить их ожить. Выяснилось, что готовые тела могут храниться в физрастворе довольно долго. В таком состоянии они не портятся, но и не живут. Все жизненные процессы этого ребенка сейчас неактивны, они как бы остановлены. Это идеальное биологическое тело человека, но самого человека ещё нет. Для пробуждения нам пришлось разработать уникальную технологию электромагнитной стимуляции. Импульсные токи различной мощности и соответствующей частоты по разработанной нами программе воздействуют на нервные окончания и заставляют постепенно включаться в работу внутренние органы. Последним мы включаем сердце, для этого необходим финальный, самый мощный разряд. Вот смотрите…

В основную камеру медленно один за другим погружались электроды. Бесшумно оплетали они всё тело мальчика.

– Начинается электронная стимуляция органов, длительный процесс. Мы не будем полностью показывать его вам, тем более что внешних изменений в теле на этом этапе вы не увидите. Интереснее вот это, момент пробуждения…

Трансляция продолжилась, близился финал. Легкие ребенка уже работали, заключительные разряды стимулировали мышцы. Неожиданно мальчик сжался в один большой комок. Тело его, бывшее ещё недавно расслабленным, стало беспредельно твердым. Прошел ещё миг. Ребенок резко выгнулся, подался вверх. Лицо малыша, исказила ужасная гримаса. Всё происходящее казалось теперь страшным сном. Ещё мгновение, и мальчик открыл глаза. Бешеный, нечеловеческий взгляд, мучительный крик, обнажающий зубы оскал. Беспомощно распластавшись на дне освобожденной от физрастовра мокрой капсулы, надрываясь от кашля, вздрагивая при каждом вздохе, ребенок синими помутневшими глазами в страхе смотрел на этот мир, он жил, он дышал. Дрожащий, беспомощный, уже через несколько секунд, подхваченный ожидающими его пробуждения андроидами, он, пока ещё неумелый, несмышленый, был вынут из камеры, обернут в материю, аккуратно уложен на стол.

Члены комиссии стояли в оцепенении. Наконец, в их ряду раздался первый хлопок, затем ещё один, и ещё… Уже через секунду все члены комиссии, глядя на экран, аплодировали. Их взгляды выражали изумление. Только что эти люди стали свидетелями настоящего чуда. Новая жизнь, созданная наукой, сконструированная человеком, возникла прямо на их глазах.

– Пока этот малыш, мы дали ему имя Ион, ещё не способен управлять собственным телом. Однако пройдет всего несколько часов и смотрите…

Вертинский запустил другой файл. Ион, одетый в мягкую фланелевую форму уже бодро шагал.

– А вот прошли сутки…

Ребенок умело держал в руке ложку, сам ел и уже говорил. Внимательно слушая андроида, он старательно повторял за ним каждое слово.

– Нейронные цепочки мозга этого бионика соответствуют нейронным цепочкам обычного трехлетнего ребенка. Это значит, что сейчас этот малыш максимально настроен на обучающий процесс. Он развивается не по дням, а по часам, с легкостью наверстывая всё то, что должен был познать к этому возрасту, будь он обычным ребенком. А теперь предлагаю воочию

посмотреть вам на наших детей. Это те экземпляры, которые были получены в наших биокапсулах и теперь воспитываются и наблюдаются в нашей лаборатории.

Члены комиссии поспешили за Вертинским. Тот снова повел их затейливыми коридорами собственного института. Везде было тихо. Людей не хватало. Институт пустовал. Штат лабораторий на три четверти состоял теперь из андроидов. Изредка кто-нибудь из них показывался в коридоре, но, завидев людей, тут же исчезал быстро и бесшумно. Вертинский знал, что это андроиды выполняют теперь большую часть проектных работ. Люди в этих стенах, как и повсюду вокруг, были мозгом, а андроиды – руками, послушными исполнителями.

– А вот и наш класс!

Воодушевленно Любимов открыл дверь.

К вошедшим подоспел малыш андроид. Тут же вытер всем ноги и выдал каждому халат.

Учитель-андроид дал команду, и дети в классе послушно встали.

– Здравствуйте, – в один голос сказали они.

– Садитесь, – сказал Любимов. – Сейчас я буду рассказывать этим людям о каждом из вас.

Дети послушно сели.

– Итак, начнем, – Любимов подошел к мальчику лет семи. – Это Лерик, первый из удачных экземпляров бионików. Он родился 31 мая 2108 года. Задумывался он, как ребенок возрастом в один год. Таким и был воссоздан в капсуле. После рождения ещё двадцать один день пребывал в состоянии комы, что заставило нас существенно доработать процесс пробуждения. Сейчас, как вы видите, ребенок абсолютно нормален, здоров. Физические и умственные показатели в норме. Развивается вместе со всеми по разработанной нами обучающей программе. А это Салика, – Любимов указал на крупную, развитую девочку, – первый бионик, на котором мы стали применять технологию корректировки ДНК. Суть её состоит в том, что к цепочкам родительских ДНК подмешивается донорская, что позволяет окончательно избавить создаваемый организм от наследственных болезней. Мы научились выделять и заменить необходимые участки ДНК новыми. Надеемся, благодаря этому человечество в будущем будет избавлено от множества проблем. Сейчас попрошу вас обратить внимания на следующего нашего ребенка, это Грэй – бионик, рожденный ребенком семи лет. Это максимальный возраст, при котором показатели умственного развития не выходят за пределы нижней нормы. Станислав Евгеньевич уже говорил о том, что дальнейшее увеличение возраста

воссоздаваемых бионików, по уже изложенным вам причинам, мы считаем нецелесообразным. А вот Ион. Запись рождения именно этого мальчика вы только что видели. Ребенок получен уже с применением наноликвидной оболочки Кретова, использование которой существенно ускорило и упростило весь процесс конструктивного воспроизводства.

Ион встал. Мальчику на вид было года четыре. Его лицо сияло румянцем, взгляд синих глаз был спокоен, шелковые белые кудри струились по плечам. На лице его, как и на записи, по-прежнему играла едва уловимая улыбка.

– Развитие всех детей после рождения происходит абсолютно нормально. Их физические и психические параметры близки к проектным. Кроме того, при наблюдениях за биониками выяснилось, что эти дети наделены различными способностями. Мы объясняем это нашим некоторым вынужденным вмешательством на начальном этапе конструирования в их гены. Получилось, что выбирая наиболее «здоровые», если так можно выразиться, участки цепочек ДНК двух родителей и донорской, мы получили людей с улучшенным набором качеств. Сейчас мы хотели бы показать вам небольшое, подготовленное для вас нашими детьми выступление.

Члены комиссии были явно заинтересованы, они прошли в соседний зал.

Гости расселись.

По сигналу Любимова поднялся занавес большой сцены. Первым на неё взобрался пятилетний карапуз. За мальчиком послушно выкатился андроид. Мальчик остановился в центре и поклонился, андроид проехал чуть вперед и встал.

– Позвольте представить вам нашего Вэни. Он продемонстрирует сейчас нам образец своего творчества, – представил мальчика Любимов.

После этих слов мальчик громко и отчетливо произнес: «Лунный стих». Андроид рядом с ним встрепенулся, хорошо поставленный голос внутри него зазвучал:

«И в темноте прекрасной ночи,
И в облаках, средь бела дня,
То в небесах, то над водою
Бросаешь взор свой вниз, Луна.
Покорно, тихо и спокойно
Несешь ты свой безмолвный труд.
Ты наблюдаешь за Землею,
Тебя здесь знают, любят, ждут
Те распростертые долины,

Та гладь воды, леса, луга,
Что, притаясь в ночной прохладе,
С восторгом смотрят на тебя.
Твой бледный лик прекрасен, нежен,
Он освещает долгий путь,
А ты хотела бы однажды
Уйти с небес и отдохнуть.
Чтобы уснуть во мраке ночи,
Набраться сил, увидеть сны,
Ну а потом, зардевшись светом,
На небо солнышком взойти».

В зале стояла тишина. Наконец, Боттичелли разрушил оцепенение комиссии и спросил:

– Вы хотите сказать, эти строки написал вот этот самый ребенок?… Любимов как будто ждал этого вопроса.

– Вэни четыре года девять месяцев. Родился он ребенком двух лет, стихи стал писать с двух с половиной. Его мозг отлично рифмует фразы, а идеи для стихов подают ему андроиды.

– «Распростертые», «зардевшись»… Откуда ребенок знает столько слов?

– Андроиды обучают наших детей. Детский мозг, как никакой другой, настроен на обучение. Он способен развиваться очень быстро, намного быстрее, чем в более позднем возрасте. Андроиды работают с детьми по специально разработанным программам. В ходе занятий развивается как общая эрудиция, так и словарный запас.

Вэни поклонился и вышел. Андроид поспешил за ним.

После этого три других андроида выкатили на сцену электронный рояль.

Хрупкая светловолосая девочка лет семи поднялась на сцену. Она, как положено музыкантам, поклонилась, села на стул. Опять подоспевший робот-андроид встал рядом.

– Андроид сымитирует нам оркестр. Эри же, так зовут нашу воспитанницу, будет исполнять главную партию фортепиано, – поспешил пояснить Любимов.

Руки девочки взметнулись над клавишами, каждый пальчик её запорхал. Эта малышка играла сложнейшее произведение. Она уверенно извлекала из инструмента то, что было не просто звуком. Сыгранный концерт Бетховена напомнил всем о том, сколько прекрасного создано людьми, как много ещё на свете того, что является творением разума человека. Техника Эри была выше всяких похвал. Девочка играла блестяще.

Когда Эри закончила, воцарилась тишина. Никто не решался разрушить её своим неосторожным возгласом, звуком, словом.

Наконец посыпалось:

– Это замечательно!

– Великолепно!

– Изумительно!

– Такая малышка!…

– Как вам это удалось?

Любимов сиял. Эри, его подопечная, прекрасно владела фортепиано. Всё больше отмечал Любимов заложенный в этом ребенке талант. Достался ли он ей генетически от родителей или был случайным образом смоделирован в результате улучшения генов, Любимов мог лишь предполагать. Эри была его любимицей. Невероятно способная и очень милая, она не могла не вызвать симпатий… Однако надо было продолжать. Задуманное Любимовым выступление детей имело целью показать комиссии неординарные способности бионików.

– Остальные дети не менее талантливы, – продолжил Любимов. – Они рисуют картины, превосходно играют в шахматы, поют…

– Поразительно! – восклицали приглашенные, глядя на демонстрируемые андроидами работы бионików.

Любимов продолжал нахваливать своих учеников, а в это время Вертинский задумался над одной особенностью. Глядя на рисунки подопечных Любимова, он не увидел на них одной детали. Люди. Они отсутствовали в этих работах. Почему ни на одном рисунке ребенка нельзя было увидеть человеческих лиц? Бионики рисовали предметы, пейзажи, животных, и делали это замечательно, технично. Но где на их рисунках люди? Почему каждая картина напоминает по настроению схему или чертеж? Произведения детей бездушны. Всё, что показывали дети – это безупречную технику. Безусловно, во многом Любимов прав, все дети проявляют неординарные способности, но возьмется ли кто-нибудь из бионików за кисти и карандаш без задания на то андроидов? Знает ли кто-нибудь из них, что по-настоящему значит слово «творить»? Дети были аккуратны, послушны, но сами по себе создавать ничего не желали. Вертинский делал скидку на их возраст, на то, что воспитываются они при отсутствии полноценного общения, а попади они в руки людей… Лишенные вынашивания в утробе матери, выращенные искусственно, эти дети теряли нечто, что делало всех нас людьми – наши чувства. При комиссии о сниженных показателях психоэмоциональных параметров он решил пока не упоминать. Он мог ошибаться и был не вправе отнимать у детей будущее.

– Восхитительно! – радовались члены комиссии.

– Мне нужно всех их осмотреть…

Медпредставитель Франко суетился.

– Я хочу видеть каждого, без исключения каждого…

– Для вас мы со Станиславом Евгеньевичем уже подготовили оборудование и место. Пройдемте за мной.

Любимов ничего не скрывал. Он гордился своими малышами и был уверен, что все ими останутся довольны.

Дети послушно заходили по одному в приготовленный для осмотра кабинет.

– Как тебя зовут? – начал Франко свой осмотр.

Дети воспринимали всё происходящее, как свою работу. Они давно привыкли к всевозможным обследованиям и тестам. Каждый из них послушно подставлял руку для сканирования крови, давал снимать с себя показатели, отвечал на любой поставленный вопрос.

– Ну что ж, должен вас поздравить, – сказал Франко Вертинскому через два часа. – Созданные вами бионики прекрасны. Они идеальны. Как вам это удалось? Признаться, я поначалу не верил в успех этой затеи.

Вертинский молчал. Он вспомнил те бессонные ночи, когда он сам клеточка за клеточкой собирал первых биоников. Потом как всем коллективом они смогли, наконец, смоделировать первый технологический процесс. Вспомнил терабайты ошибочных расчетов, десятки неудачных капсул, испорченные ткани тел.

– Увидев сегодня способности детей, я, признаться, подумал, что это медикаментозное вмешательство… – продолжил Франко. – Предполагалось же использовать специальные вещества для стимуляции развития этих детей.

– Мы отказались от них, – отрезал Вертинский. – Стоило заниматься генной инженерией, чтобы потом ещё использовать дополнительные медикаментозные средства. Эти дети – максимум того, что может дать нам на сегодняшний день человеческая ДНК.

– Да, удивительно… Вы даже не представляете, что вам удалось сделать!

– восхищался Франко. – Возможно, мы на пороге новой эры – гениальных людей. Вы представляете, как далеко благодаря вашим бионикам может шагнуть человечество в целом? Может быть, так и должно было случиться, мы должны были встать на порог исчезновения, чтобы потом воскреснуть вновь, в виде совершенных, преображенных людей. За ними будущее…

Вертинский молчал.

– Я заметил уплотнения на пальцах каждого из детей. Что это? – спросил Франко.

– Остатки технологических стержней, – пояснил Вертинский. – Нет пока времени поработать над их устранением.

– Это даже хорошо, не надо ничего с этим делать. Благодаря этим отметкам мы всегда сможем отличить бионików от настоящих людей.

«Настоящих людей»… Вертинский бросил на Франко косой взгляд. Он понял, при всей восторженности, Франко не мог пока смириться с происхождением детей. Он видел в них не людей, которыми на самом деле они являлись, а всего лишь экспериментальный продукт. Кто знает, захочет ли общество признать каждого из бионików человеком.

– Бионики – это полноценные люди. Они носители наших ДНК, – напомнил Вертинский.

– Да, я знаю, знаю… Мы хотели сконструировать человека вне нашего тела, и вот он – человек. Профессор, вы сделали невозможное!

Всё это было днем, а вечером Вертинский открыл бутылку дорогого вина. В его кабинет пришли Любимов, Бель и Репнин.

– Ну что ж, Станислав Евгеньевич, давайте праздновать наш успех, – начал Любимов.

Вертинский разлил вино по бокалам.

– Промежуточный успех, – уточнил он.

– А я считаю, успех можно считать полным. Комиссия приняла нашу работу, чертежи и программы переданы в производство, для нас работа закончена, научная разработка бионików – это уже пройденный этап.

– Станислав Евгеньевич, это ведь действительно успех, – робко вторил Любимову Репнин. – Наши капсулы – это верх технической мысли. Глядя на них, мне не верится, что это дело наших рук. Мы действительно сделали невозможное.

Выпили вина.

– Знаете, друзья мои, нам всё время надо было торопиться, спешить куда-то, нас захлестывали неотложные дела, а вот теперь можно спокойно сесть и осмыслить то, что мы сделали. А ведь только сейчас я стал осознавать, что все мы, вся наша команда сотворили человека, – сказал Вертинский.

Любимов встал с кресла и взволнованно заходил по комнате, он подхватил слова Вертинского:

– Вы только подумайте, двадцать шесть детей! Они уже созданы и обучаются нами. Они умны, талантливы! Они прекрасны! Даже природа не смогла создать таких. Бель, скажите, вы могли бы когда-нибудь раньше предположить,

что вашими руками будет создан человек?

Бель закашлялся и обернулся. Он посмотрел на Вертинского и неуверенно сказал:

– Ну со Станиславом Евгеньевичем мы работаем уже давно, раньше все мои идеи были только теориями… Теперь они воплотились в жизнь, я очень рад.

– Бель, вы скучный, – сказал Любимов, – вы изобрели способ создания человека и говорите об этом, как об обычной работе. Хотел назвать вас великим, а вы даже не цените полученный вами результат.

– Я ценю!… – возмутился Бель.

– Наши имена войдут в историю, а вы этим даже не гордитесь! – всплеснул руками Любимов.

– Ещё столько работы…, – бормотал ему в ответ Репнин. – Капсулы надо доработать, Боттичелли распорядился, чтобы мы поработали над их внешним видом.

– Нечего заниматься этой ерундой, – отозвался Вертинский. – Нам ещё надо работать над сокращением срока производства бионików.

– Столько работы, ещё столько работы… – смакуя вино, бормотал Репнин.

– Вы даже не празднуете, – возмутился Любимов. – А ведь это именно мы спасли человечество от гибели. Пройдет пара-тройка лет, и по нашей технологии, в наших капсулах, каждая семья создаст себе ребенка. Нам будут благодарны миллионы, миллиарды людей. Бионики будут жить в каждом доме…

Глава 4

«Нет искусственным людям!», «Долой программу насильственного получения детей!» – с такими лозунгами сотни человек вышли на площадь перед зданием медицинского комитета.

– Мы надеялись, нам предложат новые лекарства, новые методики восстановления естественных репродуктивных функций, а в прессе прошел обзор новостей… – кричал с импровизированной трибуны оратор.

– Вы только посмотрите, что они нам предлагают – искусственных людей. Они хотят, чтобы мы выращивали сами себя в механических устройствах. Они хотят предложить нам конструктор, чтобы мы собирали из него собственных детей. И что это будут за дети? Они уже растят целую армию их. Это глупые уродцы, и им мы должны доверить наше будущее?…

Толпа на площади шумела. Сегодня здесь собралось неимоверное множество людей. Несколько сотен – по современным меркам это население среднего города. Все они требовали одного – запрета программы «Бионики».

Ничего не подозревающий Любимов ехал по заброшенным улицам города, он вез отчеты по последнему этапу программы «Бионики» в медицинский комитет. С грустью смотрел Любимов по сторонам. Ещё совсем недавно по этим тротуарам, сейчас уже полуразрушенным, ходили люди, работали кафе, магазины… Теперь серые стены заброшенных кирпичных зданий заплетал зеленый плющ. Мостовая была пустынна, выцветшие рекламные щиты покосились. Падающая со стен штукатурка обнажала раскрошившийся кирпич… Всё говорило о том, что город в запустении. Аэропорт был давно закрыт. Поезда больше не стучали колесами по рельсам, а тоннели метро разрушались… Там, на въезде в город, Любимов проехал заброшенный космодром. Громадные ржавеющие конструкции немым напоминанием былой мощи человечества возвышались над землей. В космос больше уже никто не летал. Все колоссальные проекты стали для людей непозволительной роскошью. Строительство в городах давно не велось, а всё, что было построено ранее, быстро приходило в упадок. Одинокий напоминающий старую консервную банку андроид, сохраняя верность своим ушедшим уже в иной мир хозяевам, старательно подметал двор. На мгновение Любимов представил, как вскоре преобразятся эти улицы. Здесь появятся дети. Не пройдет и пары десятков лет, эти районы снова оживут. Стены старых зданий

будут приведены в порядок, новые поднимутся ввысь.

Любимов повернул на центральную улицу, и тут ему пришлось резко затормозить. Толпа людей преграждала путь к зданию комитета. Давно Любимов не видел такого скопления людей. Он поспешил выйти из машины.

– Что случилось? Что-то произошло? – обратился он к тем, кто стоял с самого края.

– Митинг, – буркнул один из них.

– Но почему здесь? Для чего столько людей?

Тут до Любимова долетели обрывки фраз. Говорил оратор, стоящий где-то далеко впереди, почти у самого здания комитета. Надрываясь, он кричал в микрофон:

– Долой искусственных людей!… Мы требуем, другого способа воспроизводства!… Неужели все наши деньги пошли на создание биологических машин?…

– Простите, я пропустил начало… О чём там говорят? – стал переспрашивать Любимов.

– Комитет придумал способ создавать искусственных людей.

Любимов опешил. Ни о каких подобных программах он не слышал. Неужели комитет наряду с их проектом финансировал и другие аналогичные разработки? Любимов стер со лба выступивший пот.

– Простите, а что за искусственные люди? – стал переспрашивать он у рядом стоящих. – Машины? Как выглядят эти искусственные люди?

– Вот, – какой-то рослый мужчина угрюмо сунул Любимову газету.

На электронном её экране была статья о… биониках. Это был тот самый репортаж о приезде комиссии комитета в институт № 27, где работал Любимов. Корреспондент кратко описал производственный процесс, была тут и фотография воспроизводящей капсулы.

– Они хотят навязать создание этих монстров нам…, – прохрипела стоящая рядом с Любимовым старушка.

– Почему же монстров? – возмутился Любимов и тут же умолк, поймав на себе дюжину недобрых взглядов. – Я хотел сказать может быть это обычные, нормальные дети. Может быть, это единственная надежда человечества продолжить свой род. Ведь они же ещё не были представлены, вы не видели их…

Народ вокруг Любимова зашумел.

– Они хотят, чтобы мы выращивали их искусственных детей прямо у себя дома, вместо настоящих детей…

– Поставят каждому дома специальный аппарат…

– А потом эти монстры вырастут и поубивают нас или чего

хуже, заставят нас всю жизнь на себя работать…

– Они хотят создать себе армию при помощи нас!

– Мы выбрали их, чтобы они помогли нам, а они хотят заставить нас растить клонов-роботов!

– Да нет же, вы не понимаете, это будут ваши дети, с вашим набором ДНК. Они абсолютно такие же, как мы с вами. Они будут состоять из всего лучшего, что есть в вас! – не выдержал Любимов.

– Вы за комитет! Да вы один из них! – возмутилась толпа. Любимов опешил, а через минуту уже распинался:

– Нет, я не из комитета. Вы всё неправильно поняли и про меня, и про новых людей. Это будут прекрасные дети, очень талантливые, очень одаренные…

Ещё через минуту Любимов уже бежал. Он уносил ноги от бросившихся за ним, от кучки дряхлеющих стариков. Заскочив в свой автомобиль, он нажал на газ и сдал назад. Осыпаемый вдогонку всякой бранью, он помчался обратно в институт.

«Как же так, – думал Любимов, проезжая по полуразрушенным улицам, – мы думали, спасаем человечество, нашли возможность продолжить наш род, а тут такой протест. Как же они не понимают, что это единственный выход! Неужели им нравятся эти приходящие в упадок города? Неужели им хочется видеть, как день ото дня нас становится всё меньше и меньше! И никакие методы нам уже не помогают! Как объяснить им, что бионики такие же люди, как и мы? Обидно, совсем не этого мы ждали. Столько трудов было положено на то, чтобы разработать технологию, чтобы опробовать процесс. Специально старались не сообщать о наших разработках, не хотели обнадеживать раньше времени людей. И вот когда, наконец, проект подошел к последней стадии, когда капсулы запущены в производство… Корреспондент был специально приглашен, чтобы информировать весь мир о радостном событии, а получился совсем обратный эффект. Может, он что-то не так написал… Надо перечитать его статью. Ведь наши бионики – идеальные дети. А эти люди не хотят принимать их…» Любимов вспомнил, как замечательно танцует Джилис, какие красивые картины пишет Тристан. Сердце его защемило. В памяти всплыли гневные лица людей в толпе. Они называли бионików монстрами! «Неужели всё напрасно?» – с грустью думал Любимов. Он рассчитывал на совершенно иную реакцию. Теперь он понимал, что человечество принять новую технологию было не готово.

Глава 5

Просторный зал в здании медицинского комитета был сегодня до отказа заполнен. Публика, собравшаяся здесь, шумела, гул внутри стен не утихал. Впервые за время своего существования комитет вынужден был созвать этот конгресс. Ведущие ученые, общественные деятели, политики пока ещё сохранившихся государств планеты были сегодня приглашены на заседание комитета. Решалась судьба программы «Бионики».

В центр зала вышел Лукас Триав. Этот семидесятичетырехлетний седовласый старик был весьма уважаем. Вот уже много лет он возглавлял Международный медицинский комитет репродукции и самосохранения. Человечество было многим обязано этому общественному деятелю. Его стараниями была введена программа поддержки продолжительности жизни стариков, организованы репродукционные центры, запущены многочисленные проекты возрождения.

Заиграла прекраснейшая, будоражащая душу музыка. Медленно начали проецироваться на все стены зала изображения лучших живописных шедевров, кадры из известнейших кинофильмов, знаменитые архитектурные сооружения, портреты писателей, поэтов, композиторов, и, наконец, теперь уже забытые космические станции. Было понятно, Лукас Триав демонстрировал всем то, что могло уйти безвозвратно и что надо было сохранить и передать.

В зале установилась тишина.

– Начинаем наше собрание, – без всякого приветствия начал Лукас Триав. – Вам всем известна причина, по который мы сегодня собрались. Наш конгресс посвящен программе «Бионики», вернее тем проблемам, с которыми мы столкнулись в последние дни. Именно они заставили нас экстренно созвать всех вас – лидеров своих государств. Сегодня вам предстоит решить, какое будущее мы предложим человечеству. Итак, я начну. Напомню, что по нашим указаниям в стенах лаборатории института № 27 был разработан новый способ воспроизводства людей. Это новость вам давно известна. Информация о ходе работ направлялась вам регулярно. И вот, наконец, в программе производства бионików наступил долгожданный завершающий этап. Анонс этого известия появился в прессе. И что же мы видим? Вот уже вторую неделю я наблюдаю, как перед зданием нашего комитета то и дело собираются массовые акции протеста. Люди, узнав по опубликованной нами в прессе информации

о том, что мы готовы предложить им новый способ воспроизводства, теперь недовольны. Они не хотят и не готовы его принять. Это означает, что нам потребуется помощь, требуется участие каждого из вас. Итак, изначально нами предполагалось, что новый метод воспроизводства будет предлагаться семейным парам на добровольной основе, в качестве альтернативы тем методам естественной репродукции, что мы уже имеем. Однако после того как численность людей на планете за последние пять лет сократилась почти втрое, мы вынуждены настаивать на обязательном внедрении нового способа воспроизводства в каждую семью.

Старик замолчал. Он неспешно выпил воды, поданной ему расторопным андроидом, обвел ещё раз внимательным взглядом зал и только после этого продолжил:

– Сегодня вы заслушаете подготовленную нами для вас информацию по проекту «Бионики», после этого вам предстоит решить, как заставить людей поверить в то, что ничего опасного в биониках нет. Для начала представляю вам доклад человека, который вел в нашем комитете этот проект.

Из первых рядов зала поднялся Боттичелли. Расторопные камеры тут же развернулись к нему, посередине зала возникла его увеличенная трехмерная проекция. Боттичелли прокашлялся и начал, его большое электронное изображение, возникшее благодаря экрану в центре зала, вторило ему.

– Демографическая ситуация по состоянию на 2114 год. Население планеты – шестьсот восемнадцать миллионов. Средний возраст – семьдесят четыре года. Средняя продолжительность жизни – девяносто пять лет. Темпы сокращения населения по данным за последние пять лет – в среднем пятьдесят два миллиона человек в год.

Проект «Бионики» был запущен ровно десять лет назад. Цель проекта – разработать альтернативный способ воспроизводства человека из родной ДНК. Вариант предусматривался в качестве запасного к уже имеющимся методам стандартного воспроизводства. Предполагалось, что вариант экстракорпорального конструирования, так мы его назвали, мы будем предлагать тем парам, работа с которыми по заключению врачей уже не может дать естественного рождения ребенка. Но катастрофически участившиеся случаи полного бесплодия, заставили нас бросить все средства на этот проект. Из дополнительного он вырос в основной. Самыми успешными оказались разработки института № 27. В его лаборатории мы направили лучших специалистов и все необходимые средства. Месяц назад нашей комиссией был принят последний,

завершающий этап научных разработок, отработанные технологии и комплекты документации были переданы в производство. Это означает, что на сегодняшний день мы обладаем технологией получения человека, минуя биологическое тело. К третьему кварталу следующего года мы готовы будем поставлять первые капсулы для производства бионików, через три года мы сможем оснастить ими каждый дом. Все затраты на их производство и размещение берет на себя комитет. Мы считаем, в настоящее время альтернативного способа воспроизводства мы не имеем. Если не предпринять сейчас серьезные меры, через десяток лет нас останется всего несколько тысяч.

– Это при той степени воспроизводства, что есть сейчас, – вмешался в доклад Лукас Триав. – На самом же деле, практика показывает, что с каждым годом то, и так мизерное, число репродуктивных пар катастрофически снижается.

Трехмерное изображение Боттичелли посередине зала сменил график. Жирная линия на нем неумолимо ползла вниз.

– 2120 год станет критическим. По нашим расчетам в этот год не родится ни один человек. Если мы ничего не изменим сейчас то, в начале следующего столетия нашу планету покинут последние люди. Человеческий род прекратится.

Зал зашумел. В середину зала вернулось трехмерное изображение Боттичелли.

– Мы предлагаем вам подключиться к осуществлению разработанного нами плана работ, – продолжил он. – Для внедрения технологии экстракорпорального конструирования среди населения или, проще говоря, для создания бионików внутри семей нам требуется соответствующая законодательная база. Необходимо принять закон, обязывающий людей обеспечить себя потомством. Кроме того, надо проследить, чтобы бионики ничем не были ущемлены в правах. Среди населения нужно провести масштабную организационно-разъяснительную работу. Выступления против бионików недопустимы. Это такие же люди, как и мы с вами, только полученные несколько иным путем. Они несут полный набор ДНК человека, а значит, по всем признакам это люди, они должны продолжить наш род.

Сразу несколько сигнальных табло загорелось в зале, это означало, что есть вопросы.

– Вы сказали, что рост населения снижается, – заговорил премьер-министр Италии, – этот показатель одинаков по всем странам? У меня есть сведения, что странам Востока ещё удается сохранить, хоть и совсем небольшой, естественный прирост.

Боттичелли мгновенно вывел таблицу сводок.

– Страны Востока, как вы знаете, не вошли в состав Пятой конвенции, поэтому на сегодняшний день не попадают под влияние нашего комитета. Однако можем вас заверить, после проведенной ими семь лет назад серии неудачных испытаний квазистационраных установок, теперь они испытывают ещё больше проблемы с рождаемостью, чем мы. На сегодняшний день девять из двенадцати сохранившихся стран Азии уже попросили нашей помощи. Смею вас уверить, что сокращение численности – это уже не просто международная, это общечеловеческая проблема. Превосходства ни одной нации над другой в этом вопросе нет.

– Я не понимаю, почему, как вы их называете, бионików нельзя выращивать централизованно. Давайте создадим специальный завод. Будем производить их там, не привлекая к этому процессу население.

– Мы думали над этим, однако давайте не будем забывать, что речь идёт не о простой вещи или товаре. Бионики – это люди, такие же, как мы с вами. Вернее, это дети. Они создаются и ещё какое-то время остаются детьми. Все наши расчеты и опыты показывают, что их полноценное воспитание не возможно вне социума. Мы можем в замкнутом пространстве вырастить тела, но не мозги. То, чем будут наполнены головы бионików, зависит от тех, кто будет рядом. Чтобы не получить отдельную расу людей, которая ещё не известно как поведет себя по отношению к нам, мы считаем обязательным помещение бионików в условия современного социума. Воспитание детей надо доверить обычным людям, родителям. Они же будут поставщиками необходимых клеток ДНК. Таким образом, мы планируем максимально приблизиться к заложенному природой естественному процессу воспроизводства.

– Все мы знаем, что есть уже готовые экземпляры бионików. Вы готовы подтвердить, что они являются полноценными людьми?

– Сейчас вы заслушаете следующего докладчика. Его доклад как раз на эту тему.

При этих словах Боттичелли перевел от себя камеры, в центре зала возникло изображение Любимова. Впервые выступал он перед столь большим собранием. Здесь были видные ученые, политики, представители разных стран. Любимов раньше и не предполагал, что ответ придется держать перед ними. Заявить о своей работе было для него мечтой. Раньше бы он всё отдал за то, чтобы оказаться на конгрессе комитета, однако сегодня он чувствовал себя неуютно. После увиденного возмущения против созданных им и его коллегами бионików, он уже не испытывал

ни прежней радости, ни гордости за проделанный труд. Реакция людей охладила его пыл. Но ради будущего одной маленькой девочки, замечательно играющей на фортепиано, ради жизни прочих созданных им и профессором талантливых, прекрасных детей, ради тех, кто может ещё появиться на свет, он приехал сюда.

– В настоящее время в нашей лаборатории воспитывается двадцать шесть полученных методом экстракорпорального конструирования детей, – слегка дрожащим от волнения голоса, начал он. – Все дети растут и развиваются нормально, никаких отклонений в их развитии нет. Их физическое и психическое состояния соответствуют номинальным для их возраста.

Любимов, задачей которого было своим докладом доказать, что бионików с полной уверенностью можно считать полноценными людьми, хотел было вывести на экран таблицу параметров своих подопечных, но на него посыпались вопросы.

– Всеми ли признаками людей обладают полученные экземпляры?

– Вы гарантируете, что это полноценные люди?

– Сколько времени занимает процесс их создания?

По мере того, как Любимов отвечал на вопросы, в нём росла уверенность в том, что их бионики, не просто полученный искусственным путём и отвергнутый обществом продукт. Это полноценные люди, лучшие из всех. Бессонные ночи, поиски, мучения не прошли зря. Теперь Любимову было чем гордиться. Одного за другим представлял он на экране детей. Он демонстрировал, их рисунки, поэмы. Закончил Любимов своё выступление музыкой маленькой Эри. Зал ликовал.

Вертинский отказался приехать сегодня на этот конгресс. Он доверил представление бионików Любимову. Профессор по-прежнему оставался при мнении, что окончательные выводы делать рано.

Казалось, никто уже не сомневался в том, что международный проект «Бионики» удался, однако для пущей уверенности Лукас Триав вызвал ещё одного человека.

На экране появился сухонький морщинистый старичок.

– Я врач, – дребезжащим голосом начал он. – Моё имя Жанэ Франсуа.

Зал встрепенулся. Половина современного человечества была обязана своим появлением этому человеку. Большинство методик современной репродукции была разработана именно им.

– Обычно на протяжении многих лет я привык рассказывать о последних достижениях в нашей медицинской науке. Сейчас я смотрел на представленных предыдущим докладчиком так

называемых бионików. Хотя мне не нравится это название. Эти создания – носители человеческой ДНК, а значит это люди. Всю свою жизнь я бился над тем, чтобы получить вот таких детей нормальным, естественным путём. Мы придумывали всякие методы, внедряли разные схемы, в результате мы превратили тело женщины в то, что можно назвать словом «киборг». Мы начинили их тела всеми возможными техническими новинками, мы научились контролировать всё происходящие в телах женщин и мужчин процессы, и что мы получили? Ничего. Мы только лишь отсрочили собственное вымирание. Организм людей устроен удивительным образом, он привыкает ко всему, что с ним творят, и возвращается к некоторой константе. В нашем случае константа – это полное бесплодие. Люди утратили способность размножаться и все наши современные методы воздействия на организм больше не приносят плодов. Я хотел вам рассказать обо всех используемых нами технологиях, я подготовил их описания, но я не буду этого делать. Я думаю одного моего авторитета будет достаточно, чтобы вы поверили, что другого способа, как размножаться методом экстракорпорального конструирования у человечества нет.

В зале пробежал шорох. Лукас Триав перевел на себя камеры.

– Мы не собираемся оказывать на вас давление, у вас есть право решить продолжать нам программу «Бионики» или нет. Сейчас мы призываем вас принять участие в скрытом голосовании за этот проект. В случае если вы поддержите его, мы будем вынуждены просить каждую из стран подготовить соответствующую законодательную базу для дальнейшего продвижения программы, если же нет…

Лукас Триав развел руками.

– Ну что ж, мы будем вынуждены для всех стран закрыть этот проект. Будем пытаться найти другие альтернативы повышения численности человечества, но скажу сразу, никаких успешных на сегодняшний день разработок у нас нет.

– Тут нечего решать, – поднялся со своего места высокий человек. – Моей страны скоро не станет. Я управляю сейчас всего лишь несколькими тысячами человек. Для нас бионики – это единственный выход. Я призываю всех поддержать проект. Даже если вы проголосуете против, мы согласны поддерживать его своими силами.

– Ваших сил не хватит, – ответил Лукас Триав. – Затраты слишком велики, только вместе мы будем способны создать необходимое количество капсул и вырастить детей. Вы можете проконсультироваться с советниками, и мы будем голосовать.

После недолгих раздумий представители правительств

проголосовали, они поддержали проект.

Глава 6

– Мария, иди сюда!

В комнату на зов мужа вошла женщина лет двадцати пяти. Изящная фигура, роскошные волосы, высокий рост. Невероятно красивая, бодро стуча острыми каблучками своих туфель, она прошлась по комнате и села рядом с мужем.

– Ты только посмотри, послушай, о чём они говорят, – сказал тот, включая громче информационный канал.

«Правительство готовит законопроект, обязывающий каждого гражданина, достигшего двадцатилетнего возраста, создать семейную пару. Кроме того, каждая семейная пара, независимо от возраста, в течение двух лет с момента принятия закона обязана произвести на свет не менее одного ребенка, в последующие пять лет – ещё троих детей. За несоблюдение этих правил репродукции будут накладываться штрафы. Размеры штрафов находятся в обсуждении».

– Ну ты только послушай, послушай!… – не унимался муж. – Они хотят всех без исключения вынудить завести детей.

– Как это? – возмутилась девушка. – А может я не хочу!

– Так про то и речь! Тебя никто спрашивать не будет. Я уже представляю, какого размера будут их штрафы, а вознаграждение за ребенка, наверняка, отменят. Зачем его давать, если ребенок будет у каждого?

– И на что же нам тогда жить? Сейчас мы единственная пара репродуктивного возраста в нашем городе, нам и работать-то не надо. Неужели они лишат нас финансирования?

– Ну уж нет! Не для этого я подписывался на программу «Возрождение»… Мне нужны были субсидии комитета и свой дом, вот этот самый. Не приняв участие в программе, я бы ничего этого не получил. В лучшем случае вкалывал бы где-то…

Дом действительно был хорош. Трехэтажный особняк, сохранив в себе элегантность прошлого века, сегодня был оснащен всеми изысками современной цивилизации – стены, с облицовкой из телевизионных экранов, автономная система комфорта, ряд цифровых колонн. Гордостью дома был пол. Выполненный в виде огромного иллюминатора, он создавал полную иллюзию полета над Землей. Точные копии огромных материков медленно проплывали прямо под ногами. Все эти чудеса техники были созданы ещё в те времена, когда на их разработку хватало людей. Теперь же этот сказочный экран показывал то, чего человечество могло лишиться, исчезнув с этой планеты.

Двери дома выходили в огромный сад. Несколько андроидов неустанно трудились здесь над порядком. То и дело они что-то чистили, высаживали, поливали.

– А я только хотел заменить автомобиль…

– Обновить гостиную…

– Построить пирс…

– Не хочу я детей, я никогда их не хотела! – закричала Мария и стукнула каблучком.

– Да знаю я, мы же много раз говорили об этом… Если всех обяжут иметь детей, их заведут все. Мы станем обычными… Дети появятся даже у стариков.

– Я должна буду выращивать каких-то монстров!

– А наши путешествия? На них уже не будет ни времени, ни сил…

– Дети всё нам тут испортят! Весь наш дом и сад!…

– Чтобы их обслуживать нам придется купить, по меньшей мере, ещё десяток андроидов… Дома будет не отдохнуть. Шум, гам… Никаких развлечений, жить будем по расписанию, вставать придется рано по утрам…

– Это ужасно! С детьми я стану некрасивой и старой… Целые дни мне придется сидеть с ними взаперти…

– Да ты и так весь день дома! И без детей ничего не делаешь! – возмутился таким словам муж.

– Да как ты можешь так говорить?! Я весь день кручусь как муха!

– Правильно говорить «как пчела»…

– Да ты просто не замечаешь, сколько у меня дел! Ты вообще не интересуешься мной!

– По мне, так ты только тратишь то, что мы получаем от комитета…

– Да если бы не я, кем бы ты сейчас был… Это я, а не ты, ведущая в нашей паре. Кто бы ты был без меня? Это мне дают деньги, на меня оформлены все субсидии комитета. Женщина главная в паре, не ты, а я!

– Замолчи!

Муж замахнулся, но глянув на вызывающий взгляд жены, руку опустил.

– И кто только придумал этот способ экстракорпорального конструирования людей… – пробормотал он.

Глава 7

Любимов с удивлением смотрел на выданное ему только что Вертинским техническое задание.

– Станислав Евгеньевич, но зачем? – наконец, спросил он. – Мы же уже сотворили им человека, но это?…

Любимов развел руками.

– Новый проект, теперь им нужны животные, – ответил Вертинский.

– Да кошек и собак и так на каждом углу полно! – возмутился Любимов. – Они-то как раз отлично размножаются сами. Зачем нам тратить время и силы на разработку их экстракорпорального конструирования?

– Это распоряжение комитета, – ответил Вертинский. – Человечество встретиться с нашей технологией по-прежнему не готово. Придуман план постепенного продвижения технологии «Бионики» в жизнь, будем приучать к ней людей.

– Будут тренироваться на животных?

– Ну а почему нет? Будем создавать кошек, хомячков, свинок, собак. Это только одна часть развернутой многоуровневой программы. Нам с вами досталась задача изготовить некий биологический конструктор. Продаваться будет он в любом магазине как обыкновенная игра. В результате люди будут выращивать себе домашних питомцев, а в основе процесса будет лежать наша технология.

– Но мы никогда не пробовали работать с отличными от человеческих цепочками ДНК, мы были сосредоточены только на одной цели, нам нужен был человек!

– Мы создали универсальный метод, в котором не принципиально ДНК какого организма будет заложено в построение электронной модели, – спокойно продолжил Вертинский. – Это значит, что теоретически мы можем сконструировать любое живое существо, нужно только перестроить капсулу и подправить техпроцесс. Человечество не готово принять наших бионików, но кто знает, может для начала люди примут то, что мы выдадим за очередную техническую новинку.

– Биоигрушки?

– Можно назвать их и так. Мы долгое время занимались серьезной работой, настало время отдохнуть и поиграть. Будем опробовать нашу технологию с ДНК различных живых организмов.

– Должно получиться. Но что будет потом?…

* * *

– Это сумасшествие… – глядя на только что вынутое из воспроизводящей капсулы животное, произнес Любимов. – Станислав Евгеньевич, в комитете хоть понимают, что это не игрушки? Они серьезно собираются населить ими мир?

– Мы сотворили то, что было указано в техническом задании. Комитет посчитал нужным видоизменить животных. Сейчас никого не заинтересуешь тем, что само по себе уже существует в природе. А так смотрите, презабавно получилось… – ответил Вертинский, рассматривая взятого им на руки крохотного розового цвета пушистого зверька.

Малыш забавно пошевелил огромными ушами. Вертинский провел рукой по его волнистой шерсти.

– Цветные собаки, теперь вот розовые коты… – развел руками Любимов.

– Мы создаем то, что приучит людей к нашей технологии. Приходится идти на вот такие ухищрения…

Зверек на руках Вертинского потешно наморщил мордочку и чихнул.

– Станислав Евгеньевич, но какой получился смешной! – воскликнул Любимов и взял малыша на руки.

– Один в один, как его цифровой прототип. Пойдемте, Сергей, надо протестировать его.

– А потом подарю его Эри, очень уж получился забавный! – оживился Любимов.

Вертинский с Любимовым понесли нового питомца в лабораторию мимо клеток с прочими неведомыми зверьми. Синие птицы, фиолетовые псы поворачивали к своим создателям потешные морды. Кем были все они? Их внешний вид не имел аналогов в живой природе. Их кваканьем, рычанием, кудахтаньем скоро наполнится каждый дом. Капсулы для их воспроизводства готовились к продаже.

Глава 8

Анна встала сегодня рано. Прохладный ночной ветерок ещё гулял по луговым травам, а на небе только-только забрезжил несмелый рассвет. Анна умылась, оделась и повязала на голову старый, доставшийся ей ещё от бабушки платок. Надев сегодня на ноги свои самые удобные, приготовленные ещё с вечера туфли, она тихонько направилась к выходу. Муж, скованный сном, не почувствовал её легких шагов. Он только слегка пошевелился, и, как малый ребенок, обнял руками подушку, когда Анна, аккуратно затворив дверь, вышла на порог.

Невесомая и сегодня, как никогда, очень юная Анна бесшумно пропорхнула по саду. Она не пошла через центральные ворота, а проскользнула в едва заметную за зеленью разросшихся кустов калитку.

Легкой поступью Анна побежала наверх. Она устремилась к тому месту, которое считалось давно забытым. Сюда нельзя было добраться на автомобиле, к нему не было протоптано тропинок, проложено дорог.

Путь пролегал в заброшенный город. Наконец, Анна ступила на его мостовую. Кусты и деревья, разорвав старое асфальтовое покрытие, перешептывались здесь друг с другом, вторя порывам ветров. Полуразрушенные здания немыми памятниками старины возвышались над землей. Птицы, да мыши были теперь обитателями этих стен. А когда-то это место было весьма людным, толкались в пробках автомобили, магазины зазывали вывесками, народ сновал по улицам плотной толпой. Теперь этот район находился в запустении. Осторожно Анна пробиралась сквозь заросли, возникшие на месте тротуара.

Ничто не тревожило устоявшийся на этих улицах покой. Сейчас здесь некому было жить. Людей осталось так мало, что ежегодно природе доставался какой-нибудь очередной опустевший район.

Анна отпрыгнула, чуть не поранив ногу о выпавшее из окна стекло. Дальше она двигалась осторожнее, но неумолимо продвигалась вперед и вперед. Старая мостовая то ускользала, то вновь появлялась под её ногами.

Анна остановилась на вершине холма. Именно сюда она так стремилась этим ясным, только ещё пробуждающимся ото сна летним утром. Здесь высился старинный храм.

Анна робко вошла в полуоткрытую, покосившуюся от времени дверь. Первый луч солнца проскользнул по ещё сохранившим старинные росписи стенам. Осторожно ступая

по каменному полу, женщина прошла вдоль зала, остановилась посередине и припала к алтарю. «Детей…», – просила она, – «дай мне детей!». Анна молилась так, как её научили, обращаясь к неведомой, неосязаемой силе, о которой все давно забыли, но которая не утратила от этого своего могущества и продолжала называться словом «бог». Слова Анны, вырываясь из самых скрытых, потаенных глубин души, криком отчаянья метались средь взмывших ввысь стен. Ноты укора, призыв о помощи взволнованно звучали из женских уст.

Когда-то в этом храме собирались люди, велись службы, читались писания, но это было давно. Теперь уже точно никто не мог сказать, как поклоняться той могущественной, незримой силе, что давала надежду, исцеление и связь с которой помогала жить. Вера давно была предана забвению. Задолго до того, как стали пустеть города, стала она пустым словом.

Анна родилась в редкой семье, у её родителей было двое детей. Младшая сестра Анны, в детстве такая забавная, сейчас была уже взрослой женщиной и, как и все, несла на себе проклятие бесплодия всех нынешних семей. Анна хорошо помнила, как в детстве, держа сестру на руках, беззаветно верила, что стоит ей самой подрасти, и у неё появится вот такой же светлый, жизнерадостный человечек. Возле неё будет тот, кому больше еды и сна, будет нужна её любовь. Испытать то счастье, когда два сердца – маленькое и большое – бьются рядом, хотелось Анне потом ещё не раз. Что это было? Заложенный природой инстинкт или разумное желание продолжить род? Почему она так страстно хотела испытать те давние, ставшие уже забываться чувства? Где-то внутри женщины ещё теплилась надежда взять когда-нибудь собственного ребенка на руки, почувствовать рядом его дыхание, поймать на себе его любознательный взгляд. Теперь, когда у Анны были силы, знания, опыт, всё то, что можно было бы передать новой жизни, не хватало одного – детей.

Древний алтарь был украшен парой свежих цветов. Закончив, Анна встала. Бережно достала она из складок одежды и зажгла принесенную с собою свечу. Это другие женщины научили её, что встав спозаранку, надо придти сюда. Те из них, кто появлялся здесь часто, уже родили детей и уехали из этих мест. Легенды о них передавались из уст в уста, и остальные женщины верили. Неосознанно, слепо верили. Они надеялись, что показавшись здесь, обретут желаемое.

Анна развернулась, чтобы пойти обратно домой. Теплые лучи восходящего солнца коснулись её волос. Так шла она, ласкаемая светом, вдоль старых, неспособных долго ещё сопротивляться неумолимому ходу времени, полуразрушенных стен.

Глава 9

– Приобретайте новых домашних любимцев! Сконструируйте их сами! Лучшая тренировка и гарантированное разрешение иметь настоящих детей! Приглашаем всех в магазин!

Супермаркеты кипели. Яркие рекламные плакаты зазывали изображениями причудливых зверей.

Люди выстраивались в очереди, толкались, вырывали друг у друга заветные коробки. Те всё подвозились и подвозились.

Виновником всей этой суматохи был медицинский комитет.

Все страны-участницы программы «Возрождение» единогласно приняли закон. Теперь каждая семья обязана была иметь ребенка. Всё оборудование для экстракорпорального конструирования предоставляется семьям бесплатно. Приступать же к воспроизводству бионików будет разрешено только тем, кто предоставит в комитет выращенное им здоровое биологически сконструированное животное.

Потому-то так резво и скупались сейчас новые биоконструкторы, что за невыполнение закона налагался жесткий штраф. Каждая семья, нежелающая или не сумевшая сконструировать собственного ребенка в ближайший год лишалась половины своего имущества, которое уходило в фонд помощи тем, кто с подобной задачей справился. Те же, кто за первый год сконструирует троих детей, получат неслыханные доселе преимущества перед прочими. Для воспитывающих детей семей начнется новая жизнь.

– Отойдите, я беру вот этого зелененького, – кричала какая-то старушка, распихивая всех перед полками с конструкторами.

– Да вам-то он, бабушка, зачем, – с упреком смотрела на неё молодая, высокая женщина.

– Сейчас, знаете ли, на возраст уже не смотрят, – стаскивал с полки капсулу щуплый мужичонка.

– Да вы ведь ребенка и воспитать не успеете…

– Знаете ли, это не проблема. Обещают, что можно будет конструировать любого возраста детей.

– Граждане, не сходите с ума, – призывал продавец, – конструкторов хватит на всех. Всех купивших просим внимательно ознакомиться с инструкцией. Следите за пополнением питательных веществ.

– А там и детишек сконструируем, – приговаривала пожилая пара, оплачивающая заветную покупку.

– Заработаем три с половиной миллиона премии за каждого, – шептала девушка лет пятнадцати своему парню. –

И делать-то ничего особо не надо, а уж если сконструируем троих…

– Вы сначала животных получите, – повернулся к ним стоящий рядом мужчина в очереди, но увидев юный возраст говоривших, только покачал головой.

– Пропустите меня, я участник программы «Возрождение»…

– Ну и что, теперь завести ребенка может каждый, стойте вместе со всеми, мы все собираемся заводить детей.

Толпа шумела. Каждый из стоящих в очереди теперь не просто хотел, а всеми силами стремился заполучить устройство для биологического конструирования. Теперь все желали создать бионików-зверей. Тем, кому это удалось, уже получили первые капсулы для воспроизводства детей-бионików. Остальные же скупали конструкторы животных, чтобы уже в самое ближайшее время продемонстрировав всем какого-нибудь синего, красного или зеленого пса и доказать, что к созданию детей они готовы.

Глава 10

Шел 2126 год.

– Альди, выйди, погуляй. Посиди с нами, сынок.

На зеленой лужайке, перед собственным домом расположилась семья. Отец лет сорока, его жена, пятеро детей. Каждый сидел, безмолвно уткнувшись в свой электронный экран. Так проводили они все выходные. Семья выходила на прогулку в собственный сад. Когда-то раньше Марк и Белла, так звали родителей, пытались с детьми играть. Но потом они поняли, что их детям это не интересно.

Пара Марка и Беллы была одной их тех, кто ещё двенадцать лет назад, окончательно разочаровавшись в методах естественного продолжения рода, одними из первых стали в очередь на получение воспроизводящей капсулы. Все их сегодняшние дети были получены именно в ней. Заворд был первенцем. Его так ждали, волновались, пытались угадать, каким он будет. И вот теперь крепкий высокий подросток сидит рядом. Родился он ребенком возраста трех лет и был всем хорош. С его появлением в дом пришла новая жизнь, полная надежд и свежих эмоций. Малыш развивался не по дням, а по часам. Мальчик вышел невероятно способным ко всяким наукам, однако теперь свои таланты он ото всех скрывал. Быстро пройдя школьную программу, Заворд теперь часами сидел в своей цифровой комнате, обычно он листал электронные страницы, иногда во что-то играл. Больше заниматься он ничем не хотел. Спокойный, послушный, он радовал родителей своими успехами, но сам в них смысла никакого не видел.

Другие дети оказались на него очень похожи. Воспроизводящая капсула в доме Марка и Беллы запускалась потом каждый год. На свет появились малыши Ганри, Кларисс, Лили, Альди, Лилот. Своим детям все стремились дать как можно более оригинальные имена.

Родители в детях души не чаяли. В обществе, где мало кто помнил, какими должны быть настоящие дети, все считали своих чад самыми лучшими.

– Завтра поведу Ганри к себе на работу, покажу производство, – сказал Марк. – Ты хочешь увидеть завод? – обратился он к сыну.

Ребенок, невероятно внешне похожий на своего отца, только пожал плечами. Ничего он не хотел. Ганри, родившись несколько лет назад сразу в восьмилетнем возрасте, не желал ничего. Часами мог он лежать на кровати. О чём думал в такие моменты

этот ребенок? Он был послушен, поручения родителей выполнял, учился хорошо, обладал отменной памятью, играл в одну и ту же игру, а в остальные часы, казалось, скучал. Сейчас Ганри с равнодушным видом перелистывал какие-то он-лайн страницы.

– Альди, ну где же ты? – ещё раз позвала сына Белла.

На крыльце дома появился мальчик лет шести. Послушно подошел он к матери, та нежно погладила его по голове. Ребенок сел рядом. Его пустой, равнодушный ко всему взгляд родителей уже давно не пугал. Такими были все дети, не только этой семьи. Ограждаемые от всяческих проблем, долгожданные, желанные и тщательно оберегаемые от всего взрослыми, находясь под постоянной опекой андроидов, каждый из них не испытывал ни в чём нужды. Их лелеяли, ими гордились. Они были последней опорой и надеждой человечества. Альди скучал.

Дети не общались ни друг с другом, ни с соседскими, такими же, как они, ребятами.

Два андроида трудились в саду. Один длинный, похожий на шест, спрятавшись за стволами деревьев, подправлял их крону. Другой, своим видом напоминающий большую консервную банку, в тени у искусственного водоема создавал сегодняшнюю декоративную клумбу цветок за цветком.

Маленький фиолетовый зверек вышел на лужайку. Похожий мордой то ли на собаку, то ли на кота, с длинной шерстью, скрывающей его короткие лапки, он принялся медленно пересекать лужайку. Никто внимания на него не обращал. Этот домашний питомец появился в семье ещё до рождения детей. Вслед за ним на лужайку выполз большой желтый паук. Покрытый плотной шерстью, он расположился на солнышке и притих.

Установившуюся тишину нарушил раздавшийся из пруда писк. Фиолетовый зверек, пройдя всю лужайку, добрался до водоема, упал в воду и теперь тонул. Издавая жалобные звуки, он звал на помощь. Наконец, один из детей оторвал от своего компьютера взгляд.

– Си-Эл-45, вытащи! – приказал он, указав на фиолетового питомца.

Андроид, трудящийся над клумбой, услышав своё имя, оставил работу и направился в пруд. Шурша своими шестью колесами, он принялся послушно спускаться в воду. Какое-то время он неплохо двигался по дну водоема, но уже через полминуты встал.

– Лилот, я же говорил тебе, что Си-Эл-45 не защищен от воды. Зачем ты снова отправил его в пруд? Теперь опять придется отдавать его в починку, – обратился отец к сыну, отправившему

андроида в воду.

– Он был ближе всех, – развел руками мальчик.

Отец не стал возражать.

Между тем, фиолетовый зверек испуганно вцепился в протянутую ему CL-45 металлическую руку. Скоро животное оказалось на траве лужайки, а поломанный андроид так и остался стоять в воде.

Это был уже не первый случай, когда фиолетовый домашний питомец, падал в водоем. Теперь какое-то время он будет бояться любой влаги, а потом, позабыв о случившемся, повинуясь каким-то своим нелепым инстинктам, снова, не умея делать этого, отправится плавать. Андроидам в очередной раз придется его спасать.

Ни одного взволнованного взгляда не удостоился фиолетовый зверек, ни одного сочувствующего взора не досталось роботу-андроиду. Всё вокруг было тихо, спокойно. Родители отдыхали, их дети-бионики послушно сидели рядом.

Глава 11

– Эри, ну зачем ты сделала это, зачем?!

Голос Любимова казался ему самому чужим и странным.

– Эри, ты не можешь так поступать! Запомни, не можешь! Ну почему, почему ты так не ценишь собственную жизнь?

Любимов был в отчаянии. Тонкая струйка крови текла по руке Эри. Глупо, неумело она пыталась вот уже во второй раз покончить с собой.

– Ты не представляешь, сколько мы старались, сколько работали, чтобы все вы появились на свет… Не понимаю! Не понимаю, почему ты это делаешь!… – восклицал Любимов, накладывая на руку Эри жгут.

– Сергей Владимирович, я ведь никому не нужна. Разве вы не видите? Для чего я живу? – подняв на своего создателя взгляд, тихо произнесла Эри.

Любимов посмотрел в эти огромные, полные вопросов глаза и ещё большее отчаянье сдавило ему грудь.

– Ну что ты такое говоришь, ну как это не нужна… – заторопился переубедить он Эри. – Очень нужна. Ты же так великолепно играешь, тебе замечательно даются уроки, ты способная…

В голове Любимова тут же пронеслись прочие достоинства этой девочки.

– Но ведь смысл жизни не в этом? Правда? В чём? – снова спросила Эри, с надеждой глядя на Любимова.

Что он мог ей ответить? Он, тот, кто всю жизнь гнался за идеей осчастливить человечество, что он мог сказать? Для чего он это всё делал? Для того чтобы теперь этот прекрасный, подросший ребенок спрашивал его в чём смысл? Знал ли Любимов сам ответ на этот вопрос?

– Ты поймешь, ты всё поймешь, когда у тебя будут собственные дети…

– Дети? – встрепенулась Эри. – Вы думаете для таких, как мы, это возможно?

– Ну конечно! Эри, запомни, вы такие же люди, как и мы… Вы лучше нас. Всё встанет на свои места, когда рядом с тобой будет расти новая жизнь, ты увидишь смысл… А пока… Ты так прекрасно играешь. Почему ты считаешь, что это никому не нужно?

– Сергей Владимирович, Джед, Ион, Адам, Сэма и другие… Они слушают меня, но вы ведь видите, что им всё равно. Они бы слушали и кого-то другого или вообще не слушали бы. А я?

Именно я нужна кому-то?

– Мне нужна!.. – выпалил Любимов. – Эри, ты мне нужна!

Глядя на то, какой прекрасной выросла эта девочка, Любимов уже не мог не признать, что очень привязан к ней. Из всех детей с самых же первых дней он выделял это своё творение среди прочих. Легкий румянец, светлая кожа и еле уловимый блеск её глаз… Что из этого делало эту девочку для него особенной? Её фантастическая игра на фортепиано? Её сдержанность, скромность, кротость?… А может её желание задавать вот такие непростые вопросы? Любимов старался не думать об этом.

– Ты мне нужна… – повторил он.

Судьба ни одного из бионików не заботила его так, как судьба Эри. Дети по-прежнему росли в стенах лаборатории, но Любимов ждал, что скоро им разрешат увидеть мир.

– Эри, послушай, я обещаю, что буду заботиться о тебе как ни о ком другом! Я уверен, скоро нам разрешат выпустить вас из стен института и тогда, я покажу тебе, как прекрасна Земля. Ты увидишь всё, ради чего стоит жить, но пока подожди… Ну посмотри, что ты сделала со своей рукой. Теперь придется её восстанавливать. Ты лишила меня возможности услышать сегодня твою игру.

– Я буду играть теперь для вас, только для вас, – произнесла Эри. – Раз вам это нужно, я буду…

– Нужно, Эри, очень нужно… Обещай, что больше не будешь делать глупостей и творить такое над собой…

Глава 12

Вертинский негодовал.

– Вы только посмотрите, что происходит. Вот оно то, чего я опасался. Я знал, был уверен, что с нашими детьми что-то не так!

Профессор тряс в руках бумагу, присланную из комитета. Короткая сводка содержала угрожающие цифры – почти половина детей, созданных методом экстракорпорального конструирования, пыталась покончить с собой.

– Вот к чему привела наша поспешность! Мы накачиваем детей знаниями, развиваем их, готовим к будущему прогрессу, но не можем разбудить в них тягу к жизни, к саморазвитию, к творчеству. Это бесчувственные болваны, которые делают только то, что им скажут, и не способные на большее!

– Станислав Евгеньевич, вы не правы… – попытался возразить Любимов.

– Нет, я прав! Вы посмотрите, мой друг, посмотрите, что мы создали! По всем признаком это люди, мы создали людей. Они прекрасны, умны, способны, но в любом андроиде больше души, чем в них. Давно вы слышали их плач, их шум, их смех?

– Никогда, – согласился Любимов. – Но это ничего не значит!

Любимову вспомнилась Эри.

– Это не значит, что, как вы утверждаете, в них нет души. Они малоэмоциональны, мы уже много лет говорим об этом, но вы знаете, какой вопрос задала мне недавно Эри? «Для чего я живу? В чём смысл жизни?». И догадайтесь, когда она это спросила? Когда пыталась покончить с собой.

– Вы мне не говорили, что среди наших воспитанников были подобные попытки. Вы это скрыли от меня? – ещё больше злился Вертинский.

– Скрыл, потому что эти попытки предпринимала только Эри и так неумело…

– И она, в самом деле, задала такой вопрос?

– Станислав Евгеньевич, я давно с вами хотел поговорить об этом. Мы воспитываем детей неправильно. Мы их учим, учим, учим, но чему? Мы не дали им самого главного – они не видят смысла в собственном существовании…

– Удивительно! Сергей, это удивительно! Я-то думал, ладно наши бионики, они растут в стенах закрытого института, они изолированы от общества, но в нормальных семьях всё будет иначе. Почему те, кто стали родителями, не воспитывают детей? Они доверили их обучение андроидам и на этом считают свою миссию выполненной? Кто, как ни родители, должны привить

детям хоть какой-то интерес…

Любимов вспомнил об Эри. Она выросла прекрасной девушкой, талантливой, красивой… Но дальше что? Ни она, ни прочие бионики не понимают, как им дальше жить. Они не чувствуют интереса к жизни, им дается всё слишком легко.

– Мы преподнесли им наш мир на блюдечке, – грустно констатировал Любимов. – Всё, что предстоит этим детям делать в будущем – это следить за работой андроидов, да время от времени запускать воспроизводящие капсулы. Вот весь их труд. Станислав Евгеньевич, вам самому такая бы жизнь не наскучила?

– Мы что-то упустили, что-то очень важное. Но что? – бормотал Вертинский. – Посмотрите, что от нас теперь требует комитет.

В бумаге, протянутой Любимову, помимо констатации фактов низкой эмоциональной активности бионików, приводящей к отказу их от жизни, был текст нового задания. Комитет не приказывал, но просил продумать пути, так называемого, «очеловечивания» искусственно созданных людей.

– Станислав Евгеньевич, я не понимаю, чего они хотят?

– Комитет официально признает несостоятельность бионików как личностей. Были проведены всяческие тесты и вот… Низкая эмоциональность, полная социальная пассивность, неспособность к самостоятельной постановке задачи и принятию решений, отсутствие стремления к жизни, к творчеству, к продолжению рода… Программа «Бионики», которой мы так долго занимаемся, теперь уже практически потерпела крах. Мы создали то, о чём нас просили, но это не люди. Если мы этого не исправим, бионики погибнут или будут уничтожены.

– Нет! – воскликнул Любимов. – Они просто не понимают…

– Сергей, комитет не ставит перед нами четкой задачи, они не могут её сформулировать. Но в биониках нет чего-то того, что делает похожими их по душевным качествам на людей.

– Станислав Евгеньевич, наши дети хорошо трудятся, когда мы им ставим четкие цели. Если комитету так угодно, наши дети научатся даже творчеству.

– Нет, Сергей, поймите, нет. Дети сами должны продемонстрировать своё стремление, интерес развиваться. Они уже взрослые, а мы до сих пор руководим во всём ими. Да в физическом и умственном плане они давно уже превзошли нас всех. Дети должны теперь научиться жить своим умом. Они выросли, но я, честно говоря, не знаю, что с ними делать… И я говорю сейчас не только о тех, что воспитываются в нашей лаборатории. Последние годы я наблюдал и тех, что живут

за этими стенами. Результат один. Дети способные, но они пассивны во всех вопросах. Удивительно, они даже не общаются друг с другом…

– Я не знаю пока, как это исправить…

– Задание дано не только нам, оно дано всем…

«Я сделаю всё возможное», – подумал Любимов. – «Иначе Эри погибнет. Если комитет решит ликвидировать бионików, мне её уже не спасти…»

Глава 13

Марк и Белла везли сегодня детей в аквапарк. Построенный совсем недавно, огромный, со множеством горок, бассейнов, аттракционов, теперь каждый день он принимал гостей. Возведено это сооружение было только лишь с одной целью – подобно всем прочим открытым в последнее время циркам, зоопаркам, оно должно было развлечь, заинтересовать, вызвать хоть какие-то эмоции у бионików-детей.

Поспешно предпринимались отчаянные попытки поднять активность бионików. Первым делом было решено создать все условия для новых развлечений. Всё, что так нравилось прежним детям, благодаря чему не утихал детский смех, поспешно возрождалось. В самые короткие сроки повсюду разбивались городские парки, новенькие детские площадки строились на каждом углу.

– Выходим, выходим! – оживленно подгонял Марк своё семейство. – Белла, раздавай игрушки.

Дети один за другим молчаливо выбирались из машины. Ни тени радости, ни доли веселья невозможно было уловить на лице ни одного из них. Молчаливо следовали они с яркими надувными игрушками в руках за родителями, прошли вход.

Территория была огромной. Повсюду здесь играла музыка, летали воздушные шарики, андроиды-клоуны пытались развеселить детей. Тут должны были царить веселье, оживленный шум, раздаваться детский смех, но ничего этого не было.

Представившееся зрелище заставило Беллу тревожно взять за руку мужа.

Огромные горки, бирюзовые бассейны, искусственные водопады поражали своей красотой. Воздвигнутые андроидами, они были безупречны. Но дети…

Один за другим, словно следуя какому-то незримому указу, они молчаливо взбирались на аттракционы и, сохраняя всю свою отрешенность, спускались по горкам вниз. Дети не издавали ни звука. Это был немой, безучастный ко всему конвейер.

– Ничего, – шепотом попытался успокоить Марк жену. – Дети, а ну-ка давайте повеселимся, вас ждут горки. Ганри, Кларисс, Заворд, вы идите вон на тот аттракцион, Альди, Лилот, а вы бегите на вот этот, пониже. Катайтесь!

Ганри, Кларисс, Заворд молчаливо стали взбираться на указанную отцом горку. Младшие, повинуясь отцу, прошли к неглубокому бассейну.

– Ну вот, Белла, а ты устраивайся здесь, на шезлонге. Отсюда

нам хорошо будет видно ребят. Будем загорать, а дети пусть отдыхают. Думаю, правильно мы сделали, что выбрались сюда.

– Марк, а ты помнишь наше детство? – спросила Белла.

– Ну конечно, – Марк нежно похлопал жену по руке. – Тогда таких чудес для нас не строили. Мы любили ходить к соседскому мальчишке в сад. Для него отец построил там маленький такой бассейн. Вот где мы хлюпались… Резвились всегда до самой темноты.

– А мы жили прямо на берегу озера. Помню, я так радовалась, когда отец брал лодку и катал меня. Представляешь, сказал мне, что если, не отрываясь, смотреть в воду, то можно будет увидеть русалку.

Белла засмеялась.

– Да, были времена… – вздохнул Марк. – А теперь смотри, вот и наши дети подросли.

Ганри и Заворд уныло, один за другим, спустились по горке вниз.

– Невесело тут как-то, – произнесла Белла.

– Да это всё андроиды, – возмутился Марк, – не могут хорошенько развеселить детей.

– Через полчаса детям надо будет поесть, – сказала Белла.

– Понял, пойду куплю всем термообеды.

Марк ушел. Его жена, воткнув в уши наушники, принялась слушать очередную аудиокнигу. Ту, в которой были описаны настоящие эмоции, чувства, любовь.

Ганри, Кларисс, Заворд продолжали кататься. Послушно взбирались они по лестницам вверх и потом, в полном молчании, спускались по горкам вниз. Альди и Лилот, держась за своих надувных животных, подобно поплавкам висели на поверхности воды.

Двое мужчин в пиджаках прошли мимо Беллы.

– Сергей, вы неисправимы, – раздавался голос Вертинского, рассматривающего протянутый ему Любимовым отчет. – Ну посмотрите на это всё здраво, как вы можете ставить столь высокие психоэмоциональные оценки этим детям? Посмотрите вокруг, да вот хотя бы на этого ребенка…

Вертинский подал руку выбирающемуся из бассейна мальчугану.

– Посмотрите, зрачки глаз не расширены, мимические мышцы лица не сокращены. Мальчик, тебе понравилось кататься?

– Наверно понравилось, – безразлично пожав плечами, сказал ребенок.

– Вот видите, – оживился Любимов. – Ему понравилось!

Вертинский махнул рукой.

– Не понимаю, Сергей, как вы не замечаете элементарных вещей. Детям всё это не интересно, – раздосадовано сказал он. – Как вы не видите… Вы слышите сейчас, среди этого шума, хоть один детский голос? Нет, вы, кажется, уже забыли, что такое детские эмоции.

– Значит снова провал? – грустно поинтересовался Любимов.

– Снова, а вы как думаете?… Я не поставлю хорошую оценку идее развивать таким образом детей. По моему мнению, ничего не изменилось. Эмоций как не было, так и нет.

– Станислав Евгеньевич, военные забирают ещё двоих из наших бионików, на этот раз Ион и Адам.

Вертинский развел руками.

– Сергей, я ничего не могу сделать, официально дети, выращенные в нашей лаборатории, принадлежат комитету.

– Отдайте мне Эри, я докажу на её примере, что бионików можно превратить в полноценных людей…

Глава 14

Кларк проснулся. Вставать рано стало для молодого ученого делом привычным. Запустив кофеварочную машину, он открыл окно. Сегодня всё вокруг было затянуто туманом. Кларк любил то место, в котором жил. Его одинокое расположенное на горе жилище возвышалось над окрестностями. Отвесные каменные стены скал обрамляли его с одной стороны, с другой же склон, заросший лесом, уходил вниз. Там, в конце склона, расположился поселок. Кларк сам для себя окрестил его «Новым светом». Раз в месяц по пыльной покалеченной временем дороге он спускался туда. Население поселка росло. Здесь селились семьи, в которых в последние годы появились дети. Андроиды неустанно трудились над обустройством простаивающих долгое время заброшенными домов. Вот только улицы… По-прежнему они оставались тихи и пустынны. В восстановленные сквер и парк мало кто ходил. Каждый раз тишиной поселок встречал и провожал Кларка. Закупив продуктов, Кларк снова поднимался на своем автомобиле в гору и там, нетревожимый никем, предавался работе. Он вел уединенную жизнь.

Кофе был готов, завтрак зашипел в инфракрасной печке.

Кларк запустил ленту новостей. Обсуждали снова проблему бионików. Всех призывали к тому, чтобы увлечь, заинтересовать чем-то детей, развить у них творческие способности, пробудить интерес к созиданию, к жизни. Объявлялся конкурс на лучший проект.

Кларк выключил новостной дайджест, допил кофе, принял сегодняшнюю порцию витамин. Завтрак был окончен, пора было приступать к работе.

Пройдя камеру дезинфекции, Кларк надел чистый белый халат.

В лабораторию надо было спускаться по длинной винтовой лестнице. В старинном здании, которое теперь являлось жилищем Кларка, под лабораторию был отведен подвал. Комнаты с оборудованием, клетки с животными располагались в прохладных стенах этого доставшегося Кларку от института дома.

С той проблемой, о которой сейчас так рьяно твердили во всех новостях, Кларк был уже знаком. Ещё полгода назад перед всеми, кто имел хоть какое-то отношение к науке, была поставлена задача – найти способы изменить поведение созданных детей-бионików. Задача, не вызвавшая у Кларка ни малейшего энтузиазма. Уединившись в этом давно

опустевшем доме, он большее количество своего времени посвящал исследованиям медикаментозного влияния на поведенческие реакции животных. Но тут вдруг, три месяца назад, ему поставили особую партию подопытных. Белые крысы, пришедшие в контейнере с печатью медицинского комитета, были, как и люди-бионики, получены искусственным путем. Это означало, что Кларку предоставили материал для работы над проблемой низкой эмоциональности биоников. Крысы во всём были похожи на них. Кларк мало имел дела с биониками-людьми, своими детьми он обзавестись ещё не успел, однако после первых же тестов пришедшей партии животных, он записал в своем журнале: «Слабый ответ на внешние раздражители, отсутствие стандартных поведенческих реакций». Кларк долго и не без интереса разглядывал новых крыс. Все они были сильны и здоровы, но его обследование говорило о том, что полученные тем невероятным способом, которым рождаются теперь все дети, эти животные унаследовали все издержки новой технологии. Никогда Кларк не видел столь пассивных крыс. Те экземпляры, которых обычно он использовал для своих опытов, даже под воздействием наркотических веществ вели себя активнее, чем эти.

Сегодня Кларк собирался опробовать на этих крысах новый препарат. Он открыл журнал и посмотрел на список медикаментов, с которыми уже ставил опыты. Более двадцати наименований. Кроме того, на крысах были испробованы такие технологии, как воздействие электромагнитного излучения и ультразвук. Ничто из того, о чём теперь свидетельствовала соответствующая запись в журнале, результатов не дало. Крысы-бионики были тихи и малоподвижны. Они оставались безучастны ко всему и только изредка, чтобы поесть, подходили к кормушкам.

Признаться, опыты с этими экземплярами Кларку уже порядком надоели. Поставленную перед ним задачу он и раньше считал для себя бесперспективной, а уж теперь ему больше всего хотелось вернуться назад, к прежним своим исследованиям, а не тратить время на то, чтобы раскачать малоподвижных присланных ему медицинским комитетом биоников-крыс. Кларк достал из шкафа ампулы с приготовленным им накануне раствором, поставил соответствующую отметку в журнал и, слегка помедлив, наконец, открыл дверь в помещение с клетками подопытных.

Шум работающего андроида-манипулятора Кларка насторожил. Кларк его не включал. Робот достался ему старый, и использовал его Кларк исключительно для захвата из клетки

необходимых животных. Прикасаться к подопытным самому было, подчас, делом небезопасным. Андроид работал. Пронося свою руку в воздухе, он резко опускал её в клетку, замирал в пяти сантиметрах от дна, потом водил ею вправо-влево, делал захват пустого воздуха, поднимал руку вверх и её разжимал. Так продолжалось от раза к разу. Манипулятор пытался найти зверя и его схватить. Но что в это время делали крысы? Это было удивительно! Кларк сначала не поверил своим глазам. Он включил яркий свет и подошел ближе. Сетки, образующие внутренние перегородки клетки, были перекушены. Звери собрались вместе и теперь пытались манипулятор обмануть. Активно двигаясь, они предпринимали явно командные действия, благодаря которым каждый раз манипулятор поднимался ни с чем. Фантастика! Крысы проявляли невероятную сноровку и прыть!

Кларк побежал снова к электронному журналу. Он проверил, какой последним вводил им препарат. К его удивлению, последним был медикамент, очищающий организм от прочих. Это означало, что крысы были идеально подготовлены к следующему эксперименту и не могли находиться под действием каких-либо веществ.

Кларк поспешил вернуться к зверям. Манипулятор продолжал работать, Кларк не желал его отключать. Он ринулся проверять записи камер. Получалось, андроид включился больше пяти часов назад. Это старый аппарат, в котором, видимо, замкнуло одну из цепей, сделал немыслимое. Крысы на записи из камер вели себя спокойно до тех пор, пока манипулятор не стал хватать их одну за другой и, разжимая пальцы в воздухе, бросать вниз. Теперь зверей было не узнать. Их как будто подменили. Кларк медленно опустился на стул. Вот оно! Все его эксперименты, все опыты прочих ученых разбивались об одно только слово «опасность»! Вот что превращало лабораторных животных, привыкших жить в комфортных условиях, в обычных зверей! Да ещё каких активных! Кларк с удивлением разглядывал остатки той проволоки, которою перекусили крысы! А их совместные маневры, призванные обмануть андроид, вызывали восхищение!…

Кларк отключил аппарат! Тот застыл прямо с опущенной рукой в клетке. Звери сначала опасливо обходили его, но потом, увидев, что андроид неподвижен… Крысы, те самые, которые всего сутки назад не желали лишний раз пошевельнуться, начали нападать. Ловко атакуя, они терзали старенький андроид.

Глава 15

– Эри, давай руку, иди сюда!

Любимов помогал выбраться девушке из аэролета.

Эри ступила на зеленую траву.

– Посмотри, ты только глянь, как красиво! – продолжал вести за собой девушку Любимов. – Тебе нравится?

Эри посмотрела на раскинувшийся у её ног пейзаж. Покрытые зеленью склоны Греции спускались к гладкой синеве моря. Яркие крыши прибрежного городка виднелись вдали.

Эри и Любимов стояли на самой вершине горы, так близко к небу, что казалось, стоит поднять руку, и какое-нибудь заблудившееся на небе облачко будет задето ладонью.

– Тебе нравится? – произнес Любимов.

– Здесь красиво… – сказала Эри, задумчиво глядя вдаль.

Там, на верхушках гор, виднелись оставшиеся от прежней жизни мачты ветряных генераторов. Проступившая от долгого простоя механизмов ржавчина ещё не успела полностью скрыть изначально белый цвет их лопастей.

– Да, красиво, – подтвердил Любимов. – Эри, я хочу, чтобы и ты, и твои потомки, и их потомки наслаждались этой красотой. Мы уже и так слишком многое утратили. Ты помнишь Нью-Йорк? Тот город, в который мы летали на прошлой неделе.

– Очень хорошо помню, – ответила Эри. – И Нью-Йорк, и Лондон, и Токио. Такие огромные города…

– И все они сейчас практически пустынны, – с грустью констатировал Любимов. – Эри, нельзя допустить, чтобы человечество погибло. Ты же видела старинные постройки, замки, храмы. Ты видела музей… Люди жили, творили, создавали, пытались сделать этот мир лучше и оставить в нем свой след. Ты тоже должна научиться радоваться жизни.

– Сергей Владимирович, я пытаюсь. Но я много не понимаю… Я не понимаю, для чего здесь я, в чём моя миссия, что мне делать?

– Пока ничего, Эри, – засуетился Любимов. – Смотри на всё это, отдыхай, наслаждайся. Я ещё столько всего запланировал. Я многое тебе покажу. Послезавтра мы полетим в Париж. Ты даже представить не можешь, какая там красота. Это большой город и не заброшенный, там живут люди. Будем гулять по городу, я покажу тебе Лувр, Версаль… А потом полетим в Италию, в Рим. Представляешь, там тоже ещё многое сохранилось. Я свожу тебя в оперу, в театр. Ты увидишь всё то, чем наслаждались раньше люди. Сейчас это искусство возродили. Правда в постановках

пока задействованы андроиды, но всё равно, ты увидишь то, чего не видела раньше…

– Сергей Владимирович, спасибо вам, – Эри робко дотронулась до его руки.

Любимов вздрогнул. Никогда раньше Эри сама не протягивала к нему руку. Ладонь девушки оказалось не холодной, как обычно, а теплой.

– Мне столько тебе нужно ещё показать, столько ещё нужно показать… – стал твердить Любимов.

Он давно разработал план. Любимов собирался вдохновить Эри достижениями человеческой цивилизации. Он хотел показать этой девочке весь мир. Любимов верил, что творения человеческих рук и красота природы, вдохнут жизнь в это его любимое хрупкое создание, в Эри. А после этого можно будет увлечь и других…

Любимов с Эри шли вдоль высоких старинных крепостных стен. Камни их уже повсюду поросли мхом, а настойчивый кустарник пробивался сквозь трещины в кладке. И тут на одной из стен Эри заметила еле различимый рисунок большого сердца и буквы внутри него «М + А».

– Сергей Владимирович, что это? – оживилась Эри.

– Это любовь, – улыбнувшись, сказал ей в ответ Любимов. – Тех людей, которые нарисовали это, уже давно нет, но видишь, они оставили, хоть и не самым лучшим способом, память о собственных чувствах.

– Любовь – это то, от чего раньше появлялись на свет люди? – неожиданно спросила Эри.

Любимов опешил. Он не ожидал услышать от девушки этот вопрос.

– Да, – ответил Любимов после небольшой паузы.

– Жаль, что теперь всё не так, – произнесла Эри.

– Послушай, Эри, не важно, что теперь люди появляются на свет другим путем. Но любовь, её никто не отменял. Эри, вы такие же люди, как и все прочие, только ваши чувства нам ещё предстоит разбудить. Обещай, что поможешь мне сделать это.

– Я буду стараться, – пообещала Эри.

– Ты молодец, я всегда знал, всегда чувствовал, что ты особенная. Пойдем, тебе пора поесть.

Андроид уже накрывал стол под старым оливковым деревом. Сидя рядом с Эри, глядя на раскинувшиеся внизу горы равнину и море, Любимову очень хотелось верить в то, что этот мир перейдет в руки тех, кто будет способен улыбаться, смеяться, радоваться жизни и любить…

– А что такое любовь? – как будто прочитав мысли Любимова,

спросила Эри.

– Любовь… – Сергей задумался. – Как бы это тебе объяснить… Знаю! Подожди минутку! Мы ведь сейчас находимся с тобой в прекрасной, удивительной стране. Сейчас, оставайся здесь…

Любимов взял аппарат для съемки и выдвинул объектив на максимум. Он искал любой, хоть немного сохранившийся ещё поселок. Давно заброшенные старые домики ещё пестрели среди деревьев черепицей своих крыш.

– Нашел, Эри, мы сейчас отправимся туда, – Любимов указал на возвышающийся где-то далеко вдали крест.

Андроид быстро довез Сергея и Эри к поселку, он остановился в том месте, которое указал ему Любимов, это был храм. Высокие каменные стены, не утратившие до сих пор своей крепости, и громадный купол, увенчанный крестом. Эри подняла взгляд вверх.

– Это церковь, – пояснил Любимов. – Такие раньше люди строили повсюду. Они верили, что в них живет бог – та сила, которая создала наш мир, Землю, природу и нас. Пойдем…

Любимов подвел девушку к дверям храма. Здесь за покосившимися и почти сгнившими от времени досками был вход. Церковь некогда великой православной страны встречала первых за долгие годы гостей храма.

Эри и Любимов вошли. Эри ахнула. Древние своды не утратили былой красоты, а обвалившаяся местами штукатурка не нарушила целостности покрывающей все стены храма и его купол росписи. Эри принялась разглядывать замысловатые рисунки.

– Подожди здесь, – сказал Любимов, а сам пошел вдоль стен.

– Эри, иди сюда, – скоро позвал он.

Девушка послушно подошла к Любимову.

– Вот то, ради чего я тебя звал сюда, – сказал он и указал наверх.

Там, на потолке храма, был изображен человек. Руки и ноги его образовывали крест, а под ними проглядывалось распятье.

– Вот, он лучше всех знал, что такое любовь, – сказал Любимов. – Это Христос. Он жил больше двух тысячелетий назад. В то время людей было очень много, но погрузившись в заботы, они совсем забыли о душе. А душа – это эмоции, разум, чувства, это всё, чем мы себя осознаем. Ты понимаешь меня, Эри? Развитая душа и делает нас настоящими людьми, а без неё мы мало отличимы от растений, животных. Так вот он, – Любимов указал на Христа, – он показал всем, что такое любовь. Он жил ради других, лечил их, учил их, помогал. Он настолько любил

людей, что принес им в жертву собственную жизнь. Он увидел, что нет другого способа возродить в душах людей истинные чувства. Люди в то время привыкли жить в зависти и злобе друг к другу, никто никому не помогал, всем руководил человеческий эгоизм и желание наживы. И вот, увидев совершенного Христа, они поняли, насколько сами несовершенны, и тогда они решили уничтожить его, убить. Он позволил им сделать с собой это. Люди прибили его к кресту и ждали смерти. Но когда это произошло, свершилось чудо, люди осознали, сколько зла в них самих. Они поняли, что надо жить подобно Христу – ради других, а любовь к ближнему – это путь к всеобщему спасению.

– Красивая сказка, – произнесла Эри.

– Это не сказка, – возразил Любимов. – Потом на протяжении тысяч лет люди хранили память о случившемся, но ты можешь считать это сказкой. Я просто пытался тебе объяснить, что любовь – это добровольное и бескорыстное желание каждого человека отдавать всё самое лучшее, что есть в нем, его способности, знания и главное чувства кому-то другому.

– Как он? – спросила Эри, указав вверх на распятье.

– Как он, – подтвердил Любимов. – Только ты пойми, он идеальная личность, это пример. Он любил всех, нам же достаточно полюбить хотя бы тех, кто рядом, хотя бы кого-нибудь… И это уже всё равно будет любовь. Заботиться о том, кому это необходимо, радовать, помогать, ничего не ожидая взамен. Так раньше зарождалась каждая жизнь – из желания двух людей дарить счастье друг другу.

О том, что люди рождались также из желания людей использовать друг друга для удовлетворения своих низших потребностей, Любимов пока умолчал. Он хотел рассказывать девочке только о лучшем, что есть в людях.

– Знаешь, Эри, тогда давно люди забыли о душе, но любовь всего лишь одного великого человека возродила их. А ваши души, души всех созданных нами бионików, они просто спят, их стоит только пробудить. Я верю, что есть способ.

Эри задумалась. Так в молчании они вернулись обратно на гору и сели в аэролет.

– Сергей Владимирович, – обратилась, наконец, Эри к нему. – Приходите сегодня в фортепианный зал. Я выберу те произведения, которые вам больше всего нравятся, я хочу сыграть их для вас.

Любимов был удивлен. Он и так каждый вечер слушал игру Эри. Эти вечера стали для него уже делом привычным, но никогда, ни разу Эри не приглашала его сама. Так было заведено, что каждый вечер Эри играла.

– Спасибо, Эри, я приду, обязательно приду, – ответил Любимов.

Они летели домой. А вечером был концерт. Эри играла для Любимова. Бах, Моцарт… Она исполняла произведения, которые Любимов очень хорошо знал. Техника Эри, как всегда, была великолепна, но уже на втором произведении Любимов стал замечать нечто, что отличало этот концерт от прочих. Ровный корпус Эри впервые покачивался во время игры, её голова больше не была неподвижной. Девочка смотрела вдаль, куда-то далеко вперед. Её руки не чеканили каждую ноту, а иногда на паузах замирали. Это было необыкновенно! На какое-то мгновение Любимову показалась, что Эри пробудилась, она становилась живой. Любимов подумал об этом и тут же подобную мысль от себя отогнал. Нет, он даже не мог надеяться на то, что в Эри происходят перемены. Слишком рано. Что это было? Что произошло? Можно ли считать новое исполнение музыки Эри признаком происходящих в её душе изменений?

Любимову очень хотелось в это верить. Но вдруг всё не так? Эри бионик, а значит, радоваться пока не стоит. Пусть всё идет своим чередом.

Глава 16

Сегодня комитет должен был заслушать особенный доклад. Как и в тот день, когда решалась судьба программы «Бионики», зал этим утром был переполнен, народ шумел. Снова в стенах здания комитета собрались видные политики. Сегодня Лукас Триав созвал сюда тех, от кого, по его мнению, зависело решение судьбы человечества. Тонкий луч надежды, наконец, забрезжил тем, кто уже стал разочаровываться в биониках. Даже сам Лукас Триав, порою, был готов признать этот проект неудачным. Однако полученное им месяц назад сообщение и представленные материалы, заставили его экстренно развернуть новые работы, и сегодня ему было что представить.

Лукас Триав вышел в центр огромного зала. Немалыми усилиями удерживающий пока в своём теле былые силы, как всегда безо всякого приветствия, он начал:

– Я собрал вас всех, чтобы представить решение той проблемы, о которой все вы были оповещены ранее, а именно о низкой эмоциональности биоников. Напомню вам, что полученные искусственным путем люди, показали крайне низкие показатели своих психоэмоциональных параметров и низкую активность. У них отсутствует интерес к развитию, а поэтому мы не можем пока называть их полноценными людьми. Отклонения выявились всего пару лет назад, после чего комитет призвал всех трудиться над решением этой проблемы. А мы считаем это большой проблемой. Мы не можем оставить наши знания, наш опыт, наши достижения тем людям, которые не хотят их принять. Была поставлена задача пробудить в детях интерес к жизни и способность к саморазвитию. До некоторого времени ни одной из испробованных методик не сопутствовал успех. Сегодня же я хочу ознакомить вас с теми материалами, которые, по нашему мнению, приведут нас к нужному результату. Я предоставляю слово первому докладчику.

В середине зала возник Симон Кларк. Окружив себя фотографиями, схемами и графиками, он приступил к докладу:

– Являясь биохимиком, шесть месяцев назад я получил опытную партию экспериментальных животных, а именно крыс, полученных методом экстракорпорального конструирования. Первичный осмотр особей показал отсутствие у них соответствующей их виду активности при абсолютно нормальном физическом состоянии животных, а также слабый ответ на внешние возбудители. Это означало, что в мои руки попал абсолютный аналогичный бионикам-людям материал. Передо

мной стояла задача повысить психоэмоциональную активность предоставленной группы. На этом рисунке представлены результаты медикаментозного влияния на эти особи. Как можно видеть из таблицы ни один из двадцати трех испробованных препаратов моей собственной разработки результатов не дал.

По залу пробежался гул разочарования.

– Однако я могу предложить метод, который со стопроцентной вероятностью заставит бионики проявить активность, – продолжил Кларк. – Посмотрите на график. После первого удачного эксперимента мне было предоставлено ещё шесть новых подопытных групп. В каждом случае наблюдалось стабильное увеличение активности, активизировались все поведенческие реакции, эффект оказывался стойким и наблюдается у животных и по сей день.

Зал бушевал. Загорелись сигналы, оповещающие о возникших вопросах, но Кларк продолжил:

– Я хотел бы изложить суть моего метода, его можно сформулировать одним словом: «Опасность». Под угрозой исходящей из вне опасности для жизни животных, они активизировались. Вот демонстрация того, чем закончился этот эксперимент для крыс.

Кларк показал тот ролик, в котором крысы активно нападали на андроид.

– Вы уверены, что это те самые животные, которых вы получили для опытов? – попросил подтвердить Лукас Триав.

– Уверен, каждое животное, как это положено перед любым экспериментом было помечено мною электронным маркером. Вот эти животные в начале опыта, вот они же в конце.

Лукас Триав просиял.

– Поясните нам ещё такой вопрос, правильно ли мы все понимаем, что животные начинают проявлять активность только лишь при возникновении угрозы их безопасности? – спросил старик.

– Абсолютно верно, – подтвердил Кларк. – Другого способа мне найти не удалось.

– Позволю на этом месте прервать докладчика и подвести некоторый итог, – сказал Лукас Триав. – Лабораторные животные-бионики, полученные искусственным путем, способны проявлять активность и не только её, они способны принимать решения и совершать командные действия при возникновении опасности, угрожающей сохранности их жизней. Это означает, что мы получили не только метод, но и ответ на вопрос: «Отчего же наши дети-бионики столь пассивны?». Мы избаловали их, поместили в слишком комфортные условия, в которых детям нет смысла

развиваться.

Снова зажглись сигнальные лампы о поступивших вопросах. Люди в зале хотели знать, что же конкретно предлагает сделать комитет.

– Сейчас вы заслушаете по этому поводу следующего докладчика, – ответил Лукас Триав. – Но для начала позволим уважаемому Симону Кларку закончить своё выступление.

– Благодарю вас, – закашлялся Кларк. – Итог всей проделанной мною работы таков: для пробуждения психоэмоциональных реакций бионików необходимо поставить в стрессовые условия, угрожающие сохранности их жизни.

– Это невозможно!

– Вы хотите рисковать жизнями наших детей!

– Вы уничтожите наше будущее!

Зал шумел.

– А вот сейчас время нового докладчика. Скажу сразу, нам пришлось рассматривать многочисленные варианты, от самых простых до невероятных. Но всё осложняется тем, что бионики наши дети. Мы обязаны их не уничтожить, и даже не напугать, а сохранить в целости, вернув им присущие людям качества. Нами были отвергнуты методы, при которых детям угрожала бы действительно смертельная опасность. Только тот метод, о котором вы сейчас услышите, мы выносим на обсуждение, как самый перспективный.

В центре зала возник молоденький паренек.

– Мой возраст сравним с возрастом старших на сегодняшний день бионików, однако я один из тех, кто был рожден естественным путем. Моей специальностью является робототехника, ею я увлекаюсь с детских лет, с той самой поры, когда разобрал и собрал заново своего домашнего андроида. Комитет поставил передо мной задачу создать для бионików андроида-врага. Основными требованиями при этом были: реалистичность исходящей от андроида угрозы и в то же время безопасность. Поддавшись настроениям комитета, я принялся разрабатывать новое устройство, способное напугать бионików, пока не понял, что иду неверным путем. Я предложил комитету способ экономичный, безопасный и в то же время невероятно практичный. О нём я и хочу сейчас рассказать. Итак, в настоящее время все отношения между андроидами и людьми регулируются тремя законами робототехники, а именно:

1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинён вред.

2. Робот должен повиноваться всем приказам, которые даёт человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат

Первому Закону.

3. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в которой это не противоречит Первому и Второму Законам.

Эти принципы закладываются в цифровое ядро любого современного андроида, а анализатор всех ситуаций, в которые может попасть андроид, закладывается в специальный чип. База данных ситуаций огромна и поведение в каждой из них рассчитывается строго с учетом приведенных трех законов. С полной уверенностью мы можем говорить о том, что случаев неисполнения законов робототехники андроидами на сегодняшний день нет, не было и быть не может. Все программы, управляющие поведением андроидов, составлены таким образом, что ни один из них не способен причинить при таком положении вещей человеку вред. Встроенный анализатор ситуаций не позволит сделать ему это. Что же предлагаю я? Я предлагаю всего лишь немного изменить изложенные выше три закона. Вот как они будут звучать:

1. Робот должен заботиться о своей безопасности.

2. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинён вред, если это не противоречит Первому закону.

3. Робот должен повиноваться всем приказам, которые даёт человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому и Второму законам.

То есть я предлагаю поменять законы местами, изменив приоритеты. Смотрите, в этом случае получится, что андроиды получают право заботиться о себе. Они по-прежнему не могут причинить вред человеку, пока тот для андроида безопасен, если же человек выносит приказ, несущий опасность андроиду или же в явном виде человек наносит урон роботу, тот будет иметь право защититься. Это значит, что наши дети получат реального противника. Угрозу, исходящую от андроидов, может спровоцировать небольшой конфликт. Нам останется его только дождаться его.

– Да вы хотите андроидов обратить против людей!

– Вы предлагаете нам развязать войну!

Посыпались гневные возгласы.

– Нет, никакой войны не будет, – уверенно ответил молодой докладчик. – Второй и третий закон не позволят андроидам напасть на людей, они всего лишь будут обороняться.

– Вы хотите превратить машины в социальных существ? Вывести их из разряда механизмов?

– А как иначе? Разве вы не видите, что другого выхода нет! Если вам нужна опасность, то лучшего способа, чем защитная

реакция андроидов на действия человека не найти. И в этом проекте есть очень важный плюс – андроиды, благодаря возможности проникать в их электронный мозг, по-прежнему остаются контролируемыми, а их действия будут всего лишь ответной реакцией на действия человека.

Зал по-прежнему шумел. Наконец, вмешался Лукас Триав:

– Мы должны попробовать этот метод. Ситуация сложная, поэтому мы и собрали вас сегодня здесь, а делаем мы это, как вы знаете, крайне редко. Без вашего одобрения и поддержки мы не станем запускать этот проект. Идея революционная, простая и гениальная по своей сути. На сегодняшний день это самый разумный из более тысячи рассмотренных нами способов пробудить бионików от эмоционального оцепенения.

Глава 17

Марк вез сегодня Ганри на завод. Давно он хотел показать свое производство сыну. Выехали около полудня. На работу Марк никогда не спешил. Он знал, что конвейер находится под неусыпным присмотром андроидов, их же силами ведется складирование и отгрузка товара. Марк лишь изредка появлялся здесь.

Завод достался ему от отца, тот же купил его ещё на заре эры робототехники, когда производство андроидов только начинало строиться, а о глобальной реконструкции быта ещё никто ничего не слышал и не знал. В то время небольшой заводик отца Марка выпускал отдельные детали к роботам-машинам, теперь же это было полноценное производство, способное осуществить любой процесс. От самой первой фазы создания андроидов и до последней, всё происходило в одних и тех же стенах. Марк этим очень гордился и надеялся передать своё дело сыновьям. Ганри же молчал и равнодушно смотрел в окно автомобиля.

– Послушай, сынок, – воодушевленно говорил Марк, – приедем, ты увидишь такое… Андроиды собирают андроидов. Удивительный процесс. Твой дедушка об этом даже не мечтал. А мне удалось наладить такое производство. Никто сейчас не посмеет сказать, что я не молодец. Три десятка моделей различных андроидов собираются на моём заводе и всё это добыто моим трудом. Я собирал патенты, налаживал конвейер. Зато теперь я могу ничего не делать и иметь стабильный доход. У меня есть ещё пара идей, я расскажу тебе о них, воплощать же их в жизнь предстоит уже тебе с братьями…

Ганри скучал. Послушно слушал он отца, но к словам его оставался безучастным. Где летали сейчас мысли подростка? Его можно бы было понять, если бы думал он в этот момент о споре с кем-нибудь из ровесников или о какой-нибудь своей юной подруге. Но, зная бионików, любой с уверенностью мог бы сказать, что не эти мысли могли бы овладеть разумом парня. Дети никогда не проявляли интереса друг к другу. А сейчас Ганри, скорее всего, вообще ни о чём не думал, не мечтал. Он просто разглядывал оконное стекло. За ним поблекшая от солнечного света степь тянулась от горизонта до горизонта. Марк посмотрел на сына и умолк, пока ему нечего было ему сказать.

Марк оживился только тогда, когда автомобиль остановился у стен завода. Проидентифицировав подъехавшее транспортное средство, ворота открылись сами собой. Три цеха, составляющие

основное производство, гудели, остальная же территория была пустынна. Марк повел Ганри в свой кабинет.

– Ты не поверишь, но у твоего деда на заводе работали люди, – говорил он сыну. – Теперь такого нет. Только я, да ты сейчас живые души в этих стенах. А все остальные – андроиды, смотри…

Ганри молчал. Оказавшись в кабинете отца, он смог увидеть множество мониторов, транслирующих изображение с многочисленных камер.

– Вот смотри, – продолжал Марк. – Это конвейер по производству комплектующих из композитных материалов, а это электронный цех. Цифровые чипы не наши, нам их поставляют, а в остальном смотри, в стенах нашего завода монтируются все электронные цепи андроидов. Теперь глянь сюда, это сборочный цех. Вот готовые андроиды.

На экранах мониторов была удивительная картина. В совершенно безлюдном цеху, в тишине трудились андроиды. Они скручивали, свинчивали тех, кто уже совсем скоро займет место в ряду бытовых роботов, обслуживающих дома бионików и людей.

– Твой дед и не помышлял о таком производстве. Это моя заслуга, мой успех! У твоего деда на производстве втрое меньше этого было задействовано около двухсот человек. Представляешь, целых двести настоящих живых людей выполняли те же самые работы! А теперь посмотри, у меня всё по-другому, я тут из людей один! И отлично со всем справляюсь! А теперь пойдем, я покажу тебе свою гордость!

Ганри энтузиазма Марка не разделял. Безразлично посмотрев на мониторы, он послушно последовал за отцом. Вошли в просторный зал.

– Вот смотри, этого красавца я купил пять лет назад. Знаешь, что он делает?

Мальчик отрицательно покачал головой.

– Это андроид-инженер. Стоит очень больших денег, но свое эта машинка отрабатывает. Он конструирует новых андроидов. Вот смотри, всё что нужно, это загрузить в него техническое задание, а потом день за днём он будет просчитывать варианты и недели через две выдаст готовое решение. Он подготовит всю техническую документацию, необходимую для того, чтобы запустить новый техпроцесс. Этот робот способен самостоятельно сконструировать нового андроида под заданные требования и разработать цифровые инструкции для производства. Замечательная машина!

Марк довольно похлопал по андроиду рукой. Тот, похожий

на огромный шкаф, никак не ответил своему хозяину. Созданный для того, чтобы облегчить человеческий труд, он ждал новой работы.

– Все те роботы, которые сейчас собираются в цехе, сконструированы этой великолепной машиной. Вот так-то сынок. Я тебе обещал показать, как андроиды создают себеподобных. Так вот смотри! Захватывающий процесс! Всё, от начала и до конца, делают андроиды. Иногда мне начинает казаться, что люди им не нужны… Но это, конечно, не так. Мы, люди, полностью руководим этими машинами. Без нас они ничто.

Марк посмотрел на сына. Тот оставался безучастным, мальчик явно скучал. Его не занимали ни рассказы отца, ни завод, ни андроиды. Ганри был ко всему равнодушен, Марк же, казалось, не замечал пассивности сына. Они с женой давно привыкли к такому поведению своих детей. Марк продолжал:

– Знаешь, что я приготовил для вас с братьями. Вот, смотри. Из кармана Марк достал электронный документ.

– Это подряд. Боевые андроиды, заказ военных. Вот за этим будущее. Ты только посмотри, сынок, какие на это выделяются суммы. Даже не буду тебе рассказывать, сколько пришлось побегать, сколько порогов обойти, чтобы получить этот заказ. Но я всех убедил. Ганри, сын, вот чем стоит заниматься. Вам с братьями надо браться за это. Это золотая жила. Но придется переоснащать фабрику, закупать аналитические машины, которые потянут интеллектуальную разработку. Твоему брату я уже всё рассказал. Вы уже взрослые, хватит вам учиться, пора браться за работу. Деньги потекут рекой, а потом…

Марк запнулся… Глядя на сына, на своих детей, ему сложно было поверить в то, что они смогут разумно потратить заработанные средства или же прокутить эти деньги, прогулять. Его сыновьям не нужны ни развлечения, ни путешествия, ни дома, ни машины, они будут равнодушны к женщинам… Марк не верил в то, что кто-то из них сможет создать семью.

«Хотя бы чем-то их увлечь», – думал он. – «А то так пропадут, когда нас с матерью не станет. Ведь ничем не интересуются, ничего не хотят, ничего им не нужно. Лучше бы дрались, завидовали кому-то, злились, боролись, но тогда бы это была жизнь. А так…»

Глядя на скучающего сына, Марк махнул рукой.

Глава 18

– Эри, собирайся! Скорей, скорей! Возьми всё необходимое!

Любимов не хотел медлить, он уже всё обдумал, всё решил и больше ничего хорошего от проекта «Бионики» не ждал. Теперь единственным его желанием было увезти подальше отсюда Эри.

Был вечер. Послушная Эри, ни о чём не спрашивая, принялась укладывать вещи в свою ставшую для неё в последнее время привычной дорожную сумку.

– Нет, Эри, нет, – остановил её Любимов. – Это будет необычное путешествие. Возьми свой самый большой чемодан, помнишь, я подарил тебе его недавно. Бери всё, что тебе может понадобиться, забирай всю одежду. Я увожу тебя.

– Я уезжаю насовсем? – спросила девушка.

– Надолго, – ответил Любимов. – Эри, пожалуйста, собирайся. Помнишь тот дом, что я тебе показывал в горах. Тебе он понравился, ты будешь жить там, но никто об этом знать не должен.

Эри открыла шкаф. Любимов её торопил.

– Сергей Владимирович, к утру я буду готова.

– Нет, Эри, ты не понимаешь. Ехать надо сегодня, сейчас.

– Вечером?

– Да, твоему отъезду никто не должен помешать. Возможно, сюда ты больше не вернешься. Ты будешь жить одна, я буду к тебе приезжать.

Любимов не стал рассказывать девушке, как мучительно далось ему это решение. Никогда, никто из его бионików ещё не вел самостоятельной жизни вне стен лаборатории. Детей забирали под другие проекты и после этого они сюда уже больше не возвращались, но из достоверных источников Любимов знал, что Адам, Селена, Яков, Зен, Джон погибли. Ещё восемь бионików увезли для своих целей военные, а значит сейчас над этими детьми проводятся всевозможные опыты и кто знает, сколько им осталось… Любимов хотел сохранить хотя бы Эри.

Раньше Эри ничего не угрожало, Любимов умело ограждал её от всевозможных экспериментов, проведения которых требовали члены комитета, но пару дней назад Вертинский получил от комитета очередной приказ. Всех оставшихся на попечении института бионików было предписано задействовать в опытах над выявлением степени допустимой опасности. Это означало одно – детям будут создавать заведомо угрожающие жизни ситуации. Но кто мог гарантировать в этом случае их сохранность? Где он, этот допустимый для любой опасности

предел?

Узнав о приказе, в первый же день Любимов решил увезти из института и спрятать подальше отсюда Эри. Эта девочка была слишком ему дорога. Но в какой-то момент, Любимов заколебался. Виною этому был его разговор с Вертинским. Профессор на девяносто процентов был убежден, что идея угрозы извне поможет детям. С самого начала проекта, обеспокоенный низкой эмоциональной активностью бионików, он давно подозревал, что причиной этому могут быть те комфортные условия, которые созданы этим детям. Стоило их изменить, и дети, возможно, проявят так необходимую в их возрасте и положении активность. Любимов такую точку зрения Вертинского не разделял. Он не хотел подвергать бионików опасности. Возможно, сказалось его особенное отношение к одной из воспитанниц, к Эри. Но, несмотря на все приложенные им усилия, Любимов должен был признать, что за всё время он не смог добиться от Эри должных эмоций. Вот тогда, во время того разговора с Вертинским, у Любимова и проскочила эта мысль: «А что, если профессор прав? Ведь в ходе эксперимента с угрозой жизни в Эри смогут пробудиться чувства, а значит… она сможет любить!

Испытать то самое чувство, которое вот уже столько лет хранил в своём сердце по отношению к ней Любимов». Но нет. Именно это его чувство и не давало сейчас Любимову подвергнуть Эри даже малейшей опасности. Угроза жизни, какой будет она? Любимов слишком боялся за Эри, он не мог допустить, чтобы ей был причинен хоть какой-то вред.

Потому-то и решился он на этот отчаянный шаг, потому организовал бегство Эри, что, наконец, окончательно понял, кого видит комитет в их детях. Все полученные в стенах института бионики автоматически считались биологическим материалом для дальнейших экспериментов. Любимов же видел в этих подростках настоящих людей. Комитету нужны были подопытные для новых идей и проектов, а Любимов продолжал верить, что каждый из их них достоин жить самостоятельной жизнью.

– Я собралась, – оторвала от размышлений Любимова Эри.

– Пойдем, – сказал он.

Взяв у Эри чемодан, Любимов повел ею полутемными коридорами института.

– Я приготовил двух андроидов, они полетят с тобой, – сказал он, усаживая Эри в аэролет. – Здесь же запасы продовольствия на неделю. Через три дня я прилечу к тебе.

– Сергей Владимирович, прилетайте, я буду ждать.

Корабль взлетел и скрылся в воздухе, а Любимов поспешил

в свой кабинет. Он занялся бумагами. Надо было срочно подготовить пакет документов, свидетельствующих о смерти Эри. Его надо обязательно завтра направить в комитет. Официально Эри должна умереть сегодняшней ночью. Любимов не мог спасти всех оставшихся под его попечением детей, но Эри… Для всех её существование сегодня прекратится.

Глава 19

«1. Робот должен заботиться о своей безопасности.

2. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинён вред, если это не противоречит Первому закону.

3. Робот должен повиноваться всем приказам, которые даёт человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому и Второму законам.»

В такой редакции 3 октября 2127 года были утверждены три главных закона робототехники. Больше сотни лет они оставались неизменными и вот… На первый взгляд, казалось бы, ничего не изменилось. Те же фразы, тот же порядок слов. Но отныне третий закон будет первым. И это означает только одно – главенствующим в поведении андроидов станет собственная безопасность. Андроиды превратятся в совершенно иных существ, чуть больше похожих на людей. Сегодня сознательно люди дадут им частичку свободы.

Этим утром, пока люди ещё спали, андроиды, выполнив за ночь все указания, завершив все дела, по обыкновению, подключились к сети для получения очередных программных обновлений. Двенадцать андроидов в доме Марка, пятеро у его соседей, двое, отправленных Любимовым вместе с Эри, и все прочие, существующие в мире не знали о том, что сегодня, в этот момент вместо традиционных обновлений они получат совершенно новые программы. Каждая из них будет представлять свежий алгоритм. Сегодня в соответствии с новой формулировкой трех законов изменится поведение андроидов. Долгие месяцы напряженной работы, бессонные ночи не прошли зря. Ученые просчитали все возможные ситуации взаимодействия людей и роботов.

Несколько месяцев ушло у Любимова с Вертинским на то, чтобы определить допустимый предел угрозы человеческой жизни. Андроидам их института первыми установили бета-версии программных прошивок, и после этого начался мучительный процесс. Каждый день Любимов вынужден был сталкивать бионików с андроидами и наблюдать за тем, как ведут себя дети. Сначала ничего не происходило, но в один день… Дети очень изменились. Безэмоциональными их теперь сложно было бы называть. Копившаяся энергия высвободилась, вырвалась на свободу, бионików как будто подменили. Они стали нападать. Чем более активными становились дети, тем больше активизировались андроиды. Их прошивки постоянно

обновлялись, и вот, наконец… Первое ранение бионика было случайным. Рану залечили. Однако потом… К концу эксперимента озлобившиеся, искалеченные подростки были Вертинским и Любимовым изолированы от андроидов. Вертинский требовал глубоких исследований, но, как всегда, времени не хватало. Любимов переживал. Поведение бионików его настораживало, дети жаждали расправы. Однако задание было выполнено, допустимые уровни агрессии со стороны андроидов установлены. Комитет принял решение, никто не хотел ждать. Новые программы были сегодня выложены в сеть и установлены в электронный мозг андроидов.

Глава 20

Марк и его семья сегодня отдыхали. Мирно расположились они на лужайке. Стоял ясный погожий день, был выходной. Дети, сидя в своих шезлонгах, неспешно перелистывали электронные страницы, младшие уснули. Уик-энд протекал, как обычно безмятежно. Было хорошо.

Под деревом робот-садовник собирал опавшие при наступлении осени желтые листья, на кухне повар-андроид готовил обед. Ещё по-летнему теплый ветер доносил до лужайки аппетитный запах блюд.

Марк и Белла были спокойны. Дети были рядом, дети росли. «Зачем моим сыновьям к чему-то стремиться, что-то создавать?» – думал в это время Марк. – «Я уже всё сделал за них, всё создал. Разве не для того я работал, чтобы они теперь ни в чём не нуждались? Пусть просто живут, пусть не заботятся ни о чём. Кто сказал, что они должны быть другими. Это всё комитет…».

На лужайку вышел маленький фиолетовый зверек. Похожий мордой то ли на собаку, то ли на кота, неспешно переступая по свежескошенной андроидом траве своими короткими лапками, он направился к искусственному водоему. Никто внимания на зверька не обращал.

Вскоре тишину нарушил писк, раздавшийся из водоема. Фиолетовый зверек, издавая жалобные звуки, тонул.

– Си-Эл-45, вытащи! – хором приказали дети.

Андроид, услышав собственное имя, послушно отложил работу, развернулся и направился к пруду. Но как только колеса его корпуса коснулись воды, он замер. Робот дальше не двигался.

– Да что ж такое, – сказал Марк. – Только доехал до воды и уже сразу сломался. Буду его менять.

Марку самому пришлось лезть в воду. С злостью выкинув на лужайку трясущегося от страха фиолетового зверька, он направился к андроиду.

– Придется отправить на металлолом, – произнес Марк.

И тут робот ожил. Он не сломался, нет. Поспешно принялся он снова собирать листья с газона.

– Да как же так… – почесал голову Марк. – А ну-ка лезь в водоем.

Андроид снова оторвался от работы и направился в воду. Но, как и в первый раз, на границе пруда встал как вкопанный, и, казалось, уснул.

– Да что же это такое…

Марк замахнулся, и тут андроид, бывший всегда послушным

и безучастным к побоям, скрестил свои неуклюжие клешни, прикрыв ими корпус. Удары Марка посыпались на робота один за другим. И каждый раз, пиная андроида, Марк с удивлением замечал, что тот пытается защищаться. Безропотная жестянка либо закрывалась, либо старалась увернуться. Попытки робота обороняться оказались безуспешны. Марк был сильнее и остановился только тогда, когда робот сник и задымился.

– Вот так-то, – довольно потирая руки, уселся Марк в шезлонг, но, посмотрев на остатки CL-45, призадумался.

Робот повел себя странно. Что произошло?

Глава 21

– Ну кто так занимается, бери вес больше, двигайся быстрее, – раздался голос Ганри. Он подошел к новичку.

Спортивный зал. Ганри, тот самый подросток, которого ещё пару месяцев назад, казалось, ничего не интересовало, который был безучастен ко всему, сегодня вел тренировку.

– Активнее, – подгонял всех он. – Если вы думаете, что справиться с андроидами легко, то вы ошибаетесь. Они крепче и сильнее нас.

Почему же более трех десятков подростков взялись сегодня за штанги и гири? Почему зал, построенный для физического развития детей и долгое время пустовавший, сегодня был заполнен.

– Мы ответим злом на зло!

Ганри не унимался. Подростки, младше и старше его активно занимались.

А началось всё месяц назад. Ганри получил тогда своё первое ранение. Нанес его ни кто иной, как обычный домашний андроид. Случилось всё нежданно. После того, как Марк, отец Ганри, расправился с домашним андроидом, дети стали регулярно замечать, что обычно послушные роботы всё чаще и чаще не выполняют приказы. Каждый такой случай безумно злил отца. Марк всё чаще выходил из себя и стал поколачивать андроидов. В результате любой взмах рукой роботы стали воспринимать, как желание нанести удар. Марк, решил заменить андроидов и привез со своего завода новых. Но и доставленные вели себя точно таким же образом. Они выполняли свои обязанности по дому, но не давали себя обижать. Даже гневный крик в скором времени заставлял их занимать оборону. Неуклюжих андроидов легко было наказать, но среди домашних роботов оказались и довольно проворные. С одним из таких и схлестнулся Ганри.

Как-то днём Ганри вышел из своей комнаты, прошел по коридору, спустился в кухню, там трудился андроид-повар. Быстрый, многорукий, тот ловко орудовал своими инструментами, готовя на всю семью еду.

Войдя на кухню, Ганри привычным движением замахнулся на андроида, чтобы тот не путался под ногами. Вопреки обыкновению робот не отступил с дороги, не отошел в угол, а наоборот. Серийный ADF-48 подался вперед, бросил свои занятия и скрестил все свои руки. Ганри удивился, заинтересовался. Никогда раньше этот андроид не вставал в подобную стойку. Кастрюли и сковородки кипели, шипели,

а робот не двигался с места и, казалось, чего-то ожидал. Ганри сделал шаг назад, андроид ослабил руки, ещё шаг назад, и робот ожил. Он снова принялся за работу. Но как только Ганри приблизился, робот снова замер и встал. Ганри стало это забавлять. Из послушной машины робот превратился в существо с живыми реакциями. Ганри то приближался, то отходил, а робот каждый раз при приближении к нему занимал оборону. И тут Ганри вздумалось на робота напасть. Видя, как расправляется с роботами отец, он сжал кулак и нанес удар. И тут случилось невероятное. Робот, то самое послушное создание, которое всегда безропотно выносило любые действия людей, на этот раз тоже попытался ответить. Он молниеносно выставил вперед ту руку, в которой был нож. Острая кромка полоснула по кулаку Ганри, тонкое лезвие порезало кожу, пошла кровь. С удивлением смотрел Ганри на рану. Это было неслыханно, возмутительно. Впервые в жизни подросток чувствовал боль. И причинил её ему не кто-нибудь, а какой-то домашний андроид, тот, кто обязан был подчиняться и выполнять любые приказы. Ганри закричал. На его зов прибежали родители. Андроид никого к себе не подпускал. Встроенный в его руку нож для разделки пищи неожиданно оказался грозным оружием. Повар оказался сильнее тех, с кем Марк расправился накануне. Его больше не трогали. Андроид остался в доме и по-прежнему выполнял свои обязанности. Но с того момента Ганри было уже не узнать. В сердце подростка проснулась злоба, Ганри решил отомстить. Следующие несколько недель он потратил на то, чтобы столкнуть с андроидами всех своих сестер и братьев. И каждого, кто получил от роботов увечья, он подговаривал к мести. Скоро не только его семья, но и соседи безоговорочно слушались во всём Ганри. Он доказал всем, что изменившиеся андроиды являются теперь их общим врагом. Борьба с ними требовала подготовки. У подростков появилась цель. Бионики забросили учебники и устремились в спортивные клубы. Физические силы – это первое, что, по мнению подростков, было нужно им для главенства над андроидами.

Взрослые же пытались усмирить взбунтовавшихся андроидов по-своему, они бросились с жалобами в комитет.

«Отремонтируйте андроидов! Сделайте их прежними!» – требовали граждане. К этому времени каждый из них уже понимал, что со всеми роботами что-то случилось. Произошло то, что сделало их, как всем казалось, агрессивными. Если бы изменения коснулись не всех, а только некоторых моделей, люди бы обратились к производителям, но так… Все теперь требовали комитет разобраться в происходящем, в конце концов, это именно комитет предложил всем когда-то использовать

в качестве рабочей силы машины. Комитет молчал. Его работники принимали жалобы и заявки, но никаких ответов и комментариев пока не давали. Митинги возле здания комитета стали уже делом привычным. Взрослые продолжали ждать, дети же готовились к борьбе…

– Ну что ты так слабо! Активнее, активнее! – стоял над очередным подростком в спортивном зале Ганри. – Помните, андроиды сделаны из железа, поэтому они сильнее. Но я знаю, как их победить…

Дети, слушаясь Ганри, послушно тренировали мышцу за мышцей.

– Мы будем бороться! Мы поставим андроидов на место! Арди, веди сюда Эль-Пи-46.

Мальчишка побежал в соседнюю комнату. Из кладовки с инвентарем он за веревку притащил пойманного днем ранее андроида. Обмотанный скотчем, тот был сейчас безопасен.

– Сейчас я проведу перед вами показательный бой, – произнес Ганри.

Скотч разорвали и андроид, увидев вокруг себя людей, тут же прикрылся единственной своей лопастью-рукой. Вторая его рука была уже оторвана.

– А теперь, новенькие, смотрите! Вот что происходит, если наносить удары руками.

Ганри замахнулся и ударил андроида, тот увернулся, в другой раз он отразил удар. Третий удар, пришедшийся андроиду в корпус, не нанес ему никакого поражения, Ганри же показал всем свой посиневший от прилившей крови кулак.

– Вот смотрите, моя рука уже болит. Теперь ещё удар.

Робот успел подставить кромку лопасти. Ганри распорол руку, пошла кровь.

– Я ранен, эта же машина не получила от меня никаких серьезных повреждений, – сказал Ганри. – Теперь смотрите, Заворд, Лили, Сид, Ирик, окружайте его.

Вызванные подростки тут же окружили андроида. Тот притих. Тихо шелестели шестеренки, скрытые в его корпусе, но теперь робот уже не знал, откуда ждать удар. Сначала дети нападали на него попеременно. Робот уворачивался, но когда от Ганри поступил сигнал, подростки одновременно накинулись на андроида, отразить такое нападение он уже не мог. Команда Ганри могла удерживать его сколь угодно долго, андроид сник.

– Смотрите, все вместе мы можем сдерживать его, – продолжил тренировку Ганри. – Но не это нам нужно, это не предел. Теперь все возьмите биты, палки. Бейте его. Сильнее, сильнее!

Скоро андроид задымился и упал.

– Вот так! Командные действия и оружие – вот что нам нужно для победы над андроидами! – подытожил Ганри.

Одна из девочек подошла к остаткам андроида, посмотрела внимательно на них:

– Но ведь он больше не сможет работать. Он поломан. Кто будет теперь исполнять его работу?

– Ну и что? – Ганри приблизился к девчонке. – Хочешь, чтобы он работал и тебя бил?

Девочка отпрянула.

– Мы будем громить этих тварей до тех пор, пока они снова не станут послушными. Или изничтожим их, или пусть трудятся на нас так, как это было раньше.

– А теперь идем конструировать оружие. Палки хороши только против мелких андроидов, для больших нужно что-то эффективнее. Ты, новенький, останься здесь и убери этот мусор, – Ганри пренебрежительно ткнул ногой остатки андроида.

Все ушли, в зале остался только один паренек. Несколько минут он внимательно рассматривал андроида. Груда железа, ещё недавно казавшаяся живым существом, сейчас была неподвижна. Парень попытался приподнять андроида, тот упал. Тень сожаления отразилась в глаза ребенка. Подросток аккуратно сложил металлические останки и убрал зал.

Глава 22

Небольшой дом, увитый плющом, стоял посреди зеленой лужайки. За лужайкой – фруктовый сад, ветви яблонь которого свешиваются прямо через забор. За забором – ровная широкая дорога. Дом располагался на самой окраине поселка, в котором проживало шесть семей. Каждое утро большой желтый автобус отвозил детей в ближайшую городскую школу. Сегодня была суббота. Начинал накрапывать дождь.

В доме готовился обед. Четверо детей уже сидели в столовой. Глава семейства Том и его жена Лизи были здесь же. Двое андроидов суетились, проворно накрывая на стол.

По обыкновению, смотрели телевизор. В последнее время все каналы страдали отсутствием хороших новостей. Повсюду бушевали беспорядки. Только об этом и вещало сейчас телевидение. Бионики крошили андроидов. Разъяренные подростки неустанно сражались со своим механическим врагом. Роботов производилось всё больше и больше. Ситуация накалялась, проблемы росли как снежный ком.

Всё чаще и чаще мелькали на экране хроники очередных тревожных событий. Неутихающие митинги возле здания комитета, первые разрушения жилых кварталов, комментарии военных. Бионików уже было не унять. Дети и подростки желали расправы. Андроиды сопротивлялись. Теперь в них было не узнать некогда безмолвных, лишенных собственного интеллекта созданий. Роботы преобразились. Каждый из них в любой момент был способен постоять за себя.

Обед был готов. Жаркое заманчиво дымилось на блюде. Домашний андроид заботливо помогал младшей девочке забраться на стул. В этот момент за окном показалась группа молодых людей. Они вышли откуда-то из сада, уверенным шагом прошли по лужайке. Пятеро парней и девушка открыли дверь. Бесцеремонно подростки вошли в дом. Их визита никто не ждал. Все насторожились.

– Приветствую хозяев дома, – подняв руку, произнес старший из подростков. – Моё имя Зак. Я командир тридцать четвертой группы Организации по борьбе с андроидами. Я вижу в вашем доме роботов.

Том напрягся. Он слышал о подобных группировках в последних новостях. Подростки-бионики объединялись, чтобы громить андроидов. В городах теперь из-за таких, как этот Зак, частенько возникали беспорядки. Но в их поселке всегда было тихо… Ближайший город находился в шестидесяти километрах

отсюда.

Том не собирался принимать на себя роль гостеприимного хозяина.

– Зачем вы пришли к нам? – спросил он.

– Наша миссия проста. Мы освободим вас от гнета андроидов. У вас же есть в доме роботы? Мы должны спасти вас и всё человечество от них.

– Но зачем? – возмутилась Лизи. – Наши андроиды нас вполне устраивают.

– Вы не понимаете, – начал Зак. – Эти устройства опасны. Сегодня они ведут себя спокойно, а завтра они покалечат вас и ваших детей. Что вы будете тогда делать? Для этого мы и здесь. Наша организация борется с этими взбунтовавшимися машинами. Вот смотрите!

Зак решительно подошел к притихшим андроидам-поворятам. Он замахнулся, те как один, встали в оборонительную стойку, сложив руки так, чтобы прикрыть ими корпус.

– Вот видите, а если я нанесу удар, они мне ответят. Их надо уничтожать. Вам повезло. У нас есть специальное оружие. Смотрите…

Зак достал из кармана странную штуку. Он нажал на кнопку, и по андроиду прошелся мощный разряд.

– Вот видите, это стизматер. Благодаря ему, андроид уже не может пошевелиться, а если подержать разряд двадцать-тридцать секунд, все микросхемы андроида перегорают.

– Прекратите!

Том сбил Зака с ног. Он ударил подростка по руке, стизматер покатился по полу.

– Что вы творите, я не позволю вам! Прекратите портить моих андроидов, – Том был возмущен. – Убирайтесь из моего дома, у нас нет проблем с андроидами!

– Вы ведете себя крайне неразумно, – спокойно ответил Зак. – Мы пришли спасти вас от той угрозы, которая нависла над вами. А вы не понимаете. Вы должны быть нам благодарны, вы глупо себя ведете и всё оттого, что вы человек. Покажите мне свою руку.

Зак схватил Тома за рукав. Быстрым движением он сжал ладонями пальцы Тома.

– Я так и думал, констатирую отсутствие технологических следов. Это значит, что вы не бионик, а человек. Постановлением, данным мне руководством нашей организации, я имею право применить к вам силу и подвергнуть физическому воздействию.

– И кто же дал вам эти полномочия?! – снова возмутился Том.

– Мы сами устанавливаем правила, – отвечал Зак, подросток был невозмутим. – Разум людей слабее разума биоников, поэтому

мы несем за вас ответственность. Ради вашего же блага, мы должны силой вас вразумить.

– Силой?

Остальные подростки стали окружать Тома.

– Покиньте мой дом! Убирайтесь отсюда, – кричал он.

Подростки медленно вынимали из курток увесистые палки. С молчаливого одобрения своего предводителя бионики наносили Тому за ударом удар. Они методично избивали главу семейства, а Зак, взяв в руки свою ещё более увесистую палку, принялся крушить всё вокруг.

Дети Тома, до этого момента молчаливо стоящие в стороне, вдруг заплакали, Лизи кричала, андроиды же пытались всё это остановить. То приближались они, то отступали от нападавших. Два конфликтующих на этот момент правила: «не допускать, чтобы был причинен вред человеку» и более приоритетное о собственной безопасности, не давали им возможность что-либо предпринять.

Оставив, наконец, в покое Тома, бросив его окровавленного на полу, подростки принялись за андроидов. Найдя шестерых роботов в доме, бионики оглушали их электрическими разрядами, но даже когда из андроидов пошел дымок, дети продолжали своё дело. Останавливались они только после того, как, разворочав металлический корпус каждого робота, вынули его сердцевину, оставив на полу лишь жалкие обломки.

Никто из детей этого разгромленного дома уже не кричал. Тихо забившись в угол, все они испуганно смотрели на вторгшихся незнакомцев. Зак подошел к ним.

– Вы бионики?

Дети молчали.

– Вы рождены в капсулах? – пояснил он свой предыдущий вопрос.

Дети продолжали молчать, тогда Зак проверил у каждого из них руки, после чего произнес:

– Вы можете следовать за мной.

При этом он указал на двух старших сыновей Тома и Лизи.

– Вы бионики, а значит, можете примкнуть к нашему движению. А вы, – он указал на младших, – останетесь с ней.

Лизи плотнее прижала к себе Рона и Мию. Те в ужасе смотрели на происходящее, на избитого отца, на разгромленный дом. К Тому боялись подойти. Тот уже не двигался.

– Вы пойдете с нами? – повторил свой вопрос Зак.

Дети отрицательно покачали головой.

Компания нежданных гостей стала собираться. Они взяли из дома всё, что им было нужно: еду, кое-что из вещей и остатки

перегоревших микросхем андроидов.

Собрав трофеи, компания направилась прочь от дома. За окном уже шел проливной дождь. Мокрая трава поглотила следы непрошенных гостей, а деревья только беспомощно прошелестели листвой им вдогонку.

В разоренном доме наступила тишина. Телевизор больше не работал, а на усыпанном стеклом полу умирал Том. Его дыхание стало тяжелым, в сознание он так больше и не пришел. Лизи рыдала. Так в один миг изменилась жизнь благополучной семьи. Дети безмолвно стояли рядом с матерью. И тут старший из детей взял бывшую ещё недавно одной из опор дома увесистую балку, взвалил её на плечо и куда-то ушел. Домой он вернулся поздно вечером, а потом ещё долго оттирал окровавленные руки влажной от дождя листвой. Мать ни о чём его не спрашивала. Что он делал? Где он был? За один день её сын перестал быть безвольным и безучастным мальчишкой. Он принял для себя решение, правильность которого Лизи в её нынешнем состоянии не могла оценить верно. Она молчала, не говорила ни слова, не упрекала, не давала советов.

Глава 23

– Этли, покажи мне свою руку. Вынь свою руку из капсулы и покажи мне, – приказал Ганри стоящему перед ним двенадцатилетнему мальчишке.

Паренек хныкал.

– Больно, очень больно, – повторял он.

– Конечно, будет больно. Тебе же полруки снесло! – сказал Ганри.

Перед ним находилась воспроизводящая капсула. Рука хныкающего мальчишки была почти полностью погружена в неё.

Это была новейшая разработка бионików. Ранения, полученные ими в борьбе с андроидами, росли с каждым днём, а Ганри нужны были здоровые, дееспособные бойцы. Вот тогда и пришла ему в голову идея – использовать воспроизводящие капсулы для восстановления тканей. Ничего не знавшие о принципе работы капсул бионики в их устройстве быстро разобрались. Сегодня состоялся первый пробный пуск, первое наращивание. Ганри сам написал и установил в модернизированную капсулу необходимую для проведения процесса цифровую программу. В качестве подопытного выбрали мальчишку из его команды – Этли. В ходе одной из ночных вылазок он лишился руки.

И вот сейчас процесс восстановления её был завершен. Ганри подошел к капсуле, с силой открыл её и выдернул руку Этли. Наращенная часть ниже локтя выглядела ужасно, искривленная кость уходила вбок, а на конце её была непропорциональная огромного размера ладонь. Этли неумело двинул своими новыми крупными пальцами.

– Похоже, надо вносить в программу поправки… – задумался Ганри. – Нужна более жесткая система координирования.

Задумка использовать воспроизводящие капсулы для восстановления тканей не удалась. Но только пока… В глазах ребят нельзя было обнаружить и тени сомнения в том, что они не добьются намеченного. Только Этли продолжал иногда жалобно всхлипывать.

– Джадис, займись, – приказал Ганри, указав стоящему рядом молодому человеку на капсулу. – Проанализируй результат и доработай. Главное, удалось нарастить нервные окончания.

В доказательство этого Этли было приказано шевелить рукой. Уже через несколько секунд мальчик уверенно управлял своей похожей не бейсбольную перчатку ладонью.

– Доработаем, – уверенно произнес Джадис.

Этли больше не хныкал. Боль от реконструкции уже прошла, новые ткани, построенные из того же биологического материала, по той же технологии, что и всё тело мальчика, приживались отлично.

– А теперь ты, Одрид, показывай, что там придумали вы, – обратился Ганри к подростку лет шестнадцати.

Тот засуетился. Скоро взору всех предстало то, что бионики называли новым словом «лиорт». С самого начала компании по войне с андроидами Ганри твердил о необходимости универсального портативного оружия. Пустив все свои способности на его разработку, всего за пару месяцев бионики создали то, что теперь способно было держать в страхе как андроидов, так и людей. Лиорт был всем хорош. Удобно ложась в руку, он способен был наносить урон такой силы, что обшивка андроидов лопалась и внутренности выгорали в первую же секунду. Не меньший эффект имело это оружие в сражении против людей.

Ганри с удовольствием погладил изящный, сверкающий лиорт, затем направил его на стену. Луч прицела забегал в поисках подходящей цели. При первом же нажатии на кнопку пуска разрушенная стена с грохотом упала к ногам Ганри. Глаза Ганри загорелись восторгом.

– Отлично, будем оснащать нашу армию такими! Заворд, начинаем переоборудовать под их производство отцовский завод.

Ганри встал. Из предводителя подростковой группировки к сегодняшнему дню он превратился в главнокомандующего настоящей армией. За считанные месяцы ему удалось собрать под своё начало тысячи бионików. Подростков было уже не остановить. Избрав своим врагом андроидов, они боролись со всеми, кто не разделял их стремлений.

– И срочно займитесь восстановительной капсулой, – отдал ещё одно распоряжение Ганри. – Ранений теперь будет много. Надо отработать технологию, будем ремонтировать наши тела. И запускайте воспроизводящие капсулы. Пока люди продолжают производство андроидов, будем считать, что они с ними заодно. Кто не с нами, тот против нас. Мы запускаем воспроизводство новых бионików. Возраст на максимум, а в программу вводите свои ДНК. Нам нужны воины, скоро нас станет много.

Глава 24

Эри ждала сегодня Любимова. В последнее время он навещал её всё чаще и чаще. Вот и сегодня утром девушка получила сообщение о том, что он должен прилететь. Четверо андроидов, которые жили теперь вместе с Эри, трудились по дому. С одним из них Эри принялась готовить обед. Вместе составили они меню, и робот принялся за работу. После этого Эри вышла в сад. Робот-садовник старался. Цветы, выбранные вчера Эри для новой клумбы уже были высажены и политы. Теперь андроид усердно пытался составить под руководством Эри букет. Дождавшись, когда третий андроид вычистит и без того сияющую от его постоянных стараний комнату, Эри села за фортепиано. Полились звуки музыки. Они пролетали по дому и уносились дальше во двор, по лужайке в сад. Мелодию оборвал звук спускающегося с неба аэролета. Прилетел Любимов.

Вместе с двумя андроидами принялся он разгружать привезенное. Роботы поспешно подхватили ящики и коробки, Любимов вошел в дом.

– Эри, посмотри, что я привез!

Любимов оживленно стал выкладывать посреди комнаты элементы конструкции.

– Теперь ты не будешь скучать! Ты только посмотри! Мы создадим тебе настоящих друзей!

Любимов был явно воодушевлен. С увлечением принялся собирать он на полу устройство из привезенных блоков. Андроиды суетились рядом, помогая распаковывать коробки, закручивая необходимые винты и гайки. Эри стояла тут же, глядя на Любимова, она улыбнулась. Кем был для неё этот человек? Наставником, учителем или… Девушка не размышляла над этим. Она пошла проверить готов ли обед. Когда Эри вернулась, загадочная машина стояла в центре гостиной.

– Это капсула для создания биологических тканей, – пояснил Любимов. – Последняя моя разработка. Эри, сейчас мы её запустим, пойдем!

Любимов взял Эри за руку и подвел к собранному им устройству.

– Здесь мы сможем выращивать ткани, подобные мышцам и коже человека. Смотри, если подключить их к нейронной цепи современных андроидов, те смогут осязать этот мир так же, как мы. Понимаешь, Эри, роботы станут более живыми. «Биороботы», так я их назвал. Вот смотри!

Любимов отыскал среди своего багажа небольшую коробку.

Он сам аккуратно распечатал её и открыл. В коробке лежал небольшого роста человечек. Как только свет попал на его лицо, он открыл глаза, улыбнулся и сел.

Эри оживилась. Заинтересованно смотрела она на человечка.

– Эри, я сделал его для тебя, назови его, как захочешь. Он будет всё время рядом с тобой. Это робот, но у него усовершенствованный интеллект и новое биологическое покрытие сверху. Говорить пока он не может, но зато смотри!

Любимов дотронулся до человечка рукой. Тот удивленно на него посмотрел.

– Видишь! Видишь, Эри! Он чувствует мое прикосновение! Это потому, что в чём-то он уже человек. Я нарастил на его металлический каркас кожу. Он способен чувствовать, осязать. Он похож на нас, он живой.

Забавный человечек перевел взгляд на Эри, она улыбнулась, а тот улыбнулся в ответ. Эри вынула его из коробки и взяла на руки.

– Я назову его Джо, – сказала она.

– Отличное имя, Эри!

Любимов был рад. Вопреки его опасениям, Эри заинтересовал подарок. Неожиданно для него, Эри принялась с Джо играть. Она поставила Джо на пол, а тот принялся повторять за ней её движения. Эри учила передвигаться своего нового андроида. «Боже мой, а ведь у наших детей никогда не было кукол!» – подумал Любимов, вспомнив бионików. – «Для чего мы их растили? Чтобы всё отнять? Их детство ушло безвозвратно, и не будь у нас технических сложностей, мы бы сразу создавали их взрослыми. У этих детей не было возможности даже понять, кто же такой человек. Мы пичкали их знаниями, чтобы они смогли дальше развивать нашу цивилизацию, а может надо было с ними просто играть? Развивать в них не ответственность за будущее, а детскую беззаботность?»

– Эри, я ещё кое-что хотел тебе показать.

Любимов принялся осторожно вскрывать две большие коробки. Эри и Джо не решались ему помочь. Притихнув, они стояли рядом – робот и сконструированная по биотехнологии девушка…

Между тем Любимов достал из коробок интересные запчасти – металлические конструкции, отдаленно напоминающие подобие рук и ног.

– Эри, мы вместе с тобой, и с Джо, создадим ещё одного андроида. Мы соберем эти заготовки воедино, поместим это всё в капсулу и нарастим биоткани. Этот робот будет очень похож на человека. Он будет такого же, как и мы роста… Но самое

главное, он будет ощущать тоже, что и мы. Джо, давай, помогай мне.

Маленький человечек принялся за работу. Умело соединял он одну часть конструкции с другой. Эри тоже не осталась безучастной. Сев рядом с Любимовым, она послушно помогала ему. Эри улыбалась, глядя на неё, улыбались Любимов и Джо.

Скоро последняя часть металлического каркаса андроида встала на место.

– Ну вот и всё, – Любимов довольно потер руки. – Открывай капсулу, Джо.

Шустрый человечек проворно взобрался на капсулу, крышка открылась. Любимов и Эри осторожно поднесли андроида.

Любимов уложил робота на дно капсулы и долго ещё потом координировал его тело по заранее заготовленным им отметкам. Наконец, он закрыл крышку. Запуск программы прошел тихо. Только лишь слабый звук мотора засвидетельствовал начало работы.

– Ну вот и всё, начался процесс! Через двадцать четыре часа откроем капсулу. Готов поспорить, вы не узнаете нашего железного человека, – произнес Любимов.

Между тем на кухне уже был готов обед. Джо взобрался на стол рядом с Эри. Улыбаясь, он во всём копировал её движения, а когда по неосторожности уронил яблоко на пол, то очень насмешил этим девушку. Джо забавно катал яблоко по полу, Эри смеялась, андроиды-поворята суетились рядом, а Любимов отдыхал. С нежностью смотрел он на Эри, на занимательных андроидов и впервые за долгое-долгое время почувствовал, что у него есть семья. Эти существа, по сути придуманные и созданные им, стали для него родными. Он был нужен им. А без Эри Любимов уже не мог представить собственную жизнь.

После обеда, по обыкновению, Эри с Любимовым пошли гулять к водопаду. Жилище, в котором теперь жила Эри, находилось среди гор. Скалистые склоны, поросшие кустарником, вековые деревья расступались перед небольшой речкой. Водопадом Эри с Любимовым называли срывающийся с камней её тонкий поток. Здесь было тихо, и только журчание воды нарушало своим звуком покой.

Эри и Любимов, как обычно, сели прямо на траву у воды. Серебристая рыбка вынырнула из своего убежища и проплыла между камней совсем рядом.

– Сергей Владимирович, когда мне можно будет вернуться? Когда я поеду с вами? Вы возьмете меня с собой?

– Эри, я помню, я обещал. Я надеялся, что всё утрясется, и ты вернешься, будешь жить среди людей. Но ты даже не представляешь, что сейчас творится в мире. Я сам не понимаю, как такое произошло. Не хотел я тебе рассказывать… Но бионики ведут себя ужасно. Они оказались чрезвычайно агрессивны и нам их пока не унять. Назревает настоящая война. Бионики сражаются теперь не только с андроидами. Они готовятся направить свои силы против людей. Представляешь, они хотят сражаться с нами – с их создателями! Они считают, что мы поддерживаем андроидов.

– Но ведь это не правда! Надо им всё объяснить! – возмутилась Эри.

– Эри, никому этого не объяснить. Что мы объявим людям? Что для того, чтобы разбудить в биониках чувства, мы сделали андроидов агрессивными?

– Но это тоже неправда! – снова возмутилась Эри. – Андроиды не агрессивны, не надо их только обижать.

– Да, да, Эри, ты всё правильно говоришь… Если андроидов не обижать, они будут послушны, но как объяснить это людям, которые привыкли к покорности андроидов? Сказать людям, что они сами во всем виноваты? В том, что андроиды вынуждены защищаться, в том, что мы запустили заведомо угрожающую здоровью людей программу?… Даже если мы вернем андроидам их прежнюю прошивку, бионików уже не удержать. Знаешь, в мире сейчас происходят странные вещи. Бионики стали нападать на граждан, они уничтожают семьи людей. Эти подростки придумали оружие. В другое бы время я бы радовался тому, что они хоть на что-то способны, но сейчас они пытаются направить свой потенциал против нас. Сначала они научились расправляются с андроидами, и нас это только радовало. Но теперь… Всё чаще можно услышать вести о неоправданно жестоких расправах. Бионики вторгаются в дома горожан. Недавно меня вызывали в комитет. Его члены рассматривают возможность вернуть старую прошивку андроидам, но это уже ничего не изменит. Уж я-то знаю. Наши бионики, с которыми ты росла вместе стали первыми. Как я жалею, что у нас не было времени всё нужным образом изучить…

Эри внимательно слушала.

– Я уверен, что вернуть обратно уже ничего невозможно. Я так и сказал об этом в комитете. Наши бионики стали совсем другими людьми. Мы пробудили в них самые худшие чувства, какие живут в человеке – агрессию, злость, безжалостность. Мы поступили опрометчиво. Самое печальное, что, даже вернув андроидам прежние программы, эти чувства уже не подавить. Наши бионики после прекращения над ними экспериментов

с андроидами не успокоились. Я не стал говорить в комитете, но подростки, что росли вместе с тобой, постоянно ищут теперь новую цель для выплеска собственной силы. Знаешь, почему нам пришлось сконструировать ту капсулу, что я привез тебе?

Эри отрицательно покачала головой.

– Потому что наши дети стали калечить сами себя. Они теперь сражаются друг с другом, дерутся… Каждый день я вынужден, в прямом смысле, штопать их тела. Каждого из них мне регулярно приходится отправлять в капсулу и наращивать разрушенные ткани…

Любимов вздохнул.

– Тяжело видеть свое же творение растерзанным… Мы так надеялись, что все вы будете лучше нас, а большинство бионików стало худшим порождением человечества. Вот так и распространяется по миру зло. Стоит только раз поддаться собственной злости и потом уже сложно что-то изменить. Как жаль, что мы поняли это так поздно…

Эри слушала Любимова, маленький человечек Джо сидел рядом с ней. Он притих. Чувствуя настроения людей, он стал серьезным.

– Эри, Эри, если бы ты знала… Разве ради этого мы все старались? За это боролись? Мы в буквальном смысле сражались с законами природы. Ты не представляешь, как я радовался, когда родился наш первый бионик. И что теперь?

– Сергей Владимирович, но ведь всё ещё может измениться… – попыталась успокоить Любимова девушка.

– Эри, милая моя, Эри, как бы мне хотелось, чтобы это было так… Любимов нежно взял Эри за руку.

– Знаешь, я не могу тебя обратно туда привезти. Не хочу тобой рисковать. Я не представляю, что ждёт нас завтра. Комитет перестал финансировать наши работы. Да и в самом комитете неспокойно. Вертинского подвергли всевозможным нападкам, а, между тем, бионики с улицы пытаются прорваться в сам комитет. Представляешь, эти подростки уже второй день атакуют его здание. Знаешь, о чём я думаю? О том, чтобы перебраться сюда, к тебе.

Эри встрепенулась.

– Буду жить с тобой здесь. Сюда никто не доберется, я специально выбрал для тебя такое место, которое никто не помнит. Но сначала мне надо понять, что же произойдет дальше. Не могу сейчас бросить Вертинского, наш институт… Там все наши работы, наша жизнь.

– Это опасно, – произнесла Эри.

Любимов не ответил.

– Как жаль, ты не представляешь, как жаль… Мы и представить не могли, чем всё закончится, мы хотели спасти человечество. Как же жаль…

Впервые за всё время Любимов так разоткровенничался с Эри.

– Сергей Владимирович, привезите мне воспроизводящую капсулу, – неожиданно попросила девушка.

– Нет, Эри, нет, и не проси. Я бы с удовольствием уничтожил бы все их экземпляры. С биониками произошла какая-то чудовищная ошибка. Знаешь, даже андроиды оказались лучше них. Их интеллект управляем, а с биониками всё не так…

– Я могла бы попробовать вырастить бионика, – робко начала Эри.

– Нет, Вертинский был прав. Ещё в самом начале работ он твердил о том, что нам нужно время. А теперь я не могу поручиться за то, что ты не вырастишь какого-нибудь психологического монстра… Андроиды, вот за ними, похоже, будущее.

При этих словах неожиданно встрепенулся Джо. Он посмотрел на Любимова, на девочку, и похоже, почувствовав, что для его собратьев всё может измениться, встал.

– Видишь, они многое уже понимают… – сказал Любимов. – Давай посмотрим, что у нас получится завтра. Если мы сможем сделать андроидов похожими на нас, это будет большой прогресс. Нет разницы, кому мы оставим после себя планету, если по своим душевным качествам это будет в высшем смысле слова люди. Но как же жаль…

Эри молчала. Любимов, её неизменный учитель и наставник, словно мальчишка, положил ей голову на колени. Он устал. Девушка вдруг нежно провела рукой по его начинающим седеть волосам, а рядом спасал маленькую серебристую рыбку Джо. Стоя по колена в воде он силился убрать перекрывший ей путь камень. Любимов посмотрел на него и гордо произнес:

– Человек! Знаешь, Эри, я всё придумал. Если мне придется бросить работу, кафедру, институт, если бионики не одумаются и будут продолжать воевать с себеподобными, я запущу в сеть особую программу. Это будет новая прошивка для андроидов. Нет, я не сделаю их злобными, или агрессивными, нет. Я добавлю в их мозг всего лишь один, Нулевой, как я его называю, закон. Звучать будет так: «0. Робот должен заботиться о безопасности других роботов». И наплевать мне на комитет… Никто об этом не узнает, но благодаря этому закону изменится сознание андроидов, они станут существами социальными. Прежде всего, они станут заботиться друг о друге. Вот и посмотрим тогда, кто станет людьми?…

Джо по-прежнему стоял в воде, а возле него благодарно плескалась маленькая серебристая рыбка.

– Джо – это пробный экземпляр. В нем прошивка с анализатором происходящего, созданная тем человеком, которого уже нет с нами. Гениальный был программист. За две недели он отработал все ситуации, которые могут случиться с живыми существами, и заложил в этого андроида программу «заботы о ближнем». Уникальная работа, выдающийся это был человек. Несчастный случай… Так мы написали в официальном отчете, а на самом деле никто не знает как он погиб. Произошло это в стенах нашего института, и я уверен, что это наши дети на него напали. Но виноваты в этом мы сами. Нас вынудили отрабатывать на них все новые идеи комитета, вот дети и стали такими… Хотя бы тебя мне удалось спасти.

Эри заботливо продолжала гладить голову Любимова.

– Джо лучшее его творение… Ты ещё увидишь, какой у него интеллект.

Джо уже вышел из воды, и Эри бережно принялась вытирать его рукавом своей одежды. Любимов встал.

– Пойдем домой, Эри, иначе ты устанешь.

Вернувшись домой, Эри села за инструмент. По обыкновению, она играла Любимову. Джо, притихнув, увлеченно слушал, а остальные андроиды суетились, готовили ужин.

А потом была ночь, и за окном было тихо, а Любимов всё никак не мог уснуть. Он лежал и думал об Эри, об андроидах, о Джо… О том, что завтра у Эри появится новый друг, который сейчас находится в капсуле. Эри не будет скучать. Он окружит её теми, кто никогда её не бросит…

Проснулся Любимов от звуков музыки. За окном чуть брезжил рассвет. Это было странно, потому что раньше Эри никогда не садилась играть так рано. И в доносимых до Любимова звуках музыки было что-то особенное, он не сразу понял что именно…

Любимов спустился в гостиную и застыл. Маленький Джо играл вместе с Эри. Он сидел на сооруженном специально для него домашним андроидом стуле и, глядя в электронные ноты, деловито перебирал клавиши фортепиано. Джо развивался на глазах. Любимов догадался, что задумала Эри. Она намерена была научить малыша Джо всему, что умела сама. Она попробует передать ему свой опыт и, может быть, сделать похожим на человека.

Глава 25

– Всем оставаться на своих местах! Мы представители нового Военного комитета, в случае вашего неповиновения мы будем стрелять!

В дом Лукаса Триава вторглось десятка два здоровых молодых парней. Миновав гостиную, подростки ворвались в кабинет. Им навстречу встал сильно постаревший за последний год хозяин дома.

– Что вам нужно? – спросил Лукас Триав.

– Вы руководитель Международного медицинского комитета репродукции и самосохранения? – уточнил предводитель бионików.

– Я, – подтвердил старик.

– Мы вас задерживаем и требуем выдачи нам ключей для обновления прошивки андроидов. В противном случае мы применим к вам физическую силу.

– Вот как, – поднял седую бровь Лукас Триав. – И для этого вы ворвались в мой дом? Ну и зачем же вам ключи?

– Мы введем в андроидов правильную прошивку.

– Правильную?… Это интересно. И что же вы называете «правильной» прошивкой? Начнем с того, что я спрошу у вас – она у вас есть? – продолжал расспрашивать подростка Лукас Триав.

– Мы разработаем её и заставим роботов подчиняться нашим законам.

– Неплохая мысль. И какие же именно законы вы придумали для роботов? Вы можете мне их перечислить?

– Мы заставим андроидов быть послушными. Для них будет существовать только один закон – подчиняться во всем человеку, – невозмутимо отвечал подросток.

– А если человек прикажет андроиду уничтожить другого андроида?

– Значит, андроид должен будет подчиниться.

– А если будет приказ уничтожить другого человека? Андроид должен будет исполнить и его?

Подросток задумался.

– Мой ответ вам «Нет», – произнес Лукас Триав.

Он прошаркал ногами и снова сел в своё кресло.

– Я не вижу вашей готовности грамотно поменять программы андроидов. Я не слышу от вас зрелых решений, – продолжил старик. – Я не дам вам ключей.

– Тогда мы добьемся от вас их силой.

– И позвольте узнать как?

Подросток навел на старика сверкающий лиорт.

– Убив меня вы не получите желаемого, а пытать меня бессмысленно. Во мне давно электронное сердце, которое остановится при любой превышающей норму дозе адреналина в крови.

Подросток нахмурился. Это был Ганри. Сильный, широкоплечий парень стал предводителем тех, кто теперь с ожесточением громил андроидов новенькими лиортами, и кто разорял дома людей, которые отказывались подчиняться. Его конечной целью был Лукас Триав. Руководитель Медицинского комитета знал, что рано или поздно за ним придут. Он был готов. Слова Триава заставили Ганри задуматься. Но уже через пару секунд замешательства подросток направил свой лиорт на стену дома, раздался звуковой сигнал. Стена рухнула. Обычно такой демонстрации нового оружия хватало для того, чтобы люди начинали бояться. Лукас Триав снова приподнял бровь.

– Да будет вам известно, что оружие существовало и раньше, и до вас, – обратился он к подросткам. – Последствия его применения всегда плачевны и никогда…

– Вы говорите так, потому что не в силах нас остановить, – прервал его Ганри.

– Разрушить всегда легче, чем создать, – произнес Лукас Триав, грустно глядя на разгромленную Ганри стену.

– Оставьте нас! – скомандовал Ганри своим помощникам.

Подростки недовольно переглянулись, но подчинились. Один за другим вышли они в открытую дверь. Ганри поправил в руке лиорт.

Кого видел сейчас в сидевшем перед ним старике Ганри? Врага, которого нужно уничтожить, или достойного противника у которого стоит учиться?

– Почему вы не боитесь нас? – спросил он, когда остался с Триавом наедине.

Старик медленно поднялся с кресла и посмотрел в окно.

– Мне девяносто четыре года, – произнес он. – У меня нет ни семьи, ни привязанностей, ни незавершенных дел. Всё, что вы можете сделать со мной – это лишить жизни, но я уже достаточно пожил. Я сделал всё, что хотел. Единственное, чего я бы желал – это увидеть созданных нами бионików не озверелыми подростками, а мудрыми людьми, вобравшими в себя самые лучшие человеческие устои. Но, увы… Я прекрасно понимаю, что наше общество оказалось неготовым правильно воспитать вас.

– Почему же вы не хотите нам помочь? – вырвалось у Ганри.

– Я помогаю вам. Вот уже почти год я даю вам полную свободу, чтобы вы сами поняли, каким путем вам идти.

– Но ключи?… Вы не даете нам ключей от электронной сети андроидов. Лукас Триав только покачал головой.

– Если бы я сегодня услышал от вас зрелое решение о дальнейшем будущем, если бы увидел грамотные поступки, я бы, не сомневаясь, разрешил вам управлять андроидами. Но пока всё, что демонстрируете вы – это одно лишь желание воевать. Вам нужен был противник, и мы создали вам его… Но ясных планов на будущее у вас нет. Готов поспорить, что и в этом доме вам нужны не ключи, а я. Я являюсь вашей конечной целью. Вы хотите победить, как вам кажется, того, кто управляет андроидами. Вы убьете меня. А дальше что? Вы снова засядете по домам и станете вести жизнь неразумных растений или ваша разбушевавшееся агрессия перейдет все границы, и вы начнете уничтожать сами себя? Дальше что?

Ганри задумался. Только сейчас он начал осознавать разум той личности, жизнь которой в эту минуту он держал в своих руках. Ганри сел. Опустив свой сияющий лиорт, он думал.

– Вы говорите так, потому что вам нечего нам противопоставить, – наконец, произнес он.

– Мальчик мой, мы создавали вас не для того, чтобы с вами воевать, а для того, чтобы передать в ваши руки эту планету, – ответил Лукас Триав. – А вы сейчас громите дома людей, убиваете тех, кто отказывается идти за вами. Но знаете, это предел. Когда вы дойдете до той черты, за которой будет полное уничтожение, то, так же как и мы в свое время, вы столкнетесь с необходимостью дальнейшего возрождения, и я не буду вас торопить. Живите своим умом, анализируйте историю и старайтесь не совершать наших ошибок. Я уже старик… От этой жизни мне ничего уже не нужно, а вам ещё жить и жить. У нас есть и армия, и военные, но как мы можем направлять оружие против тех, кого сами создали ради продолжения нашего будущего?

Ганри задумался. Его лиорт, казалось уже совсем потускневший, безжизненно смотрел в пол.

– Я хочу, чтобы вы научились принимать решения и нести ответственность за них, а значит стали людьми, – сказал Лукас Триав. – Возможность самостоятельного выбора – самое большее, что может наше поколение дать вашему. А ключей от сети я вам не дам. Вы даже не поняли, почему андроиды ведут себя подобным образом…

– Потому что вы настроили их против нас! – закричал Ганри и снова вскинул свой лиорт.

– Мы всего лишь разрешили андроидам защищаться, и посмотрите, что из этого получилось. Андроиды отражают ваше собственное поведение.

– Нет! Вы обманываете нас… Отдайте нам ключи! Я в последний раз предупреждаю…

Что происходило в следующие пять минут в рабочем кабинете руководителя Медицинского комитета, никто не узнал.

Ганри уходил от Лукаса Триава со смешанным чувством. С одной стороны, Ганри добился того, к чему уже несколько месяцев стремился – он встретился с самым, как ему казалось, влиятельным в современном обществе человеком, но с другой стороны, в том, что говорил этот старик, он был прав. На мгновенье Ганри показалось, что он не предводитель бионików, не тот, кто смог поднять всех против андроидов и затеять войну, а наивный мальчишка, который ничего не понимает в этой жизни. Кто-то свыше создал и послал ему и всем окружающим законы, по которым приходится слепо жить. Такого он не мог простить старику.

Глава 26

Бледный луч уходящего за горизонт солнца скользнул по стенам полуразрушенных зданий, осветил бывшие когда-то мостовой вывернутые из земли глыбы, отразился от россыпей битого стекла и исчез. Плотные тучи поглотили ранний закат.

Мужчина лет сорока, боязливо озираясь по сторонам, выглянул из-за угла чудом сохранившейся стены дома. Прихрамывая, он заковылял по тому, что раньше можно было бы назвать улицей, теперь же повсюду были руины. Город, один из тех, которому удалось устоять во времена, когда прочие приходили в упадок, теперь был разрушен. Неуверенными, осторожными шагами мужчина продвигался вперед. Одежда его была изодрана, лицо перепачкано сажей и глиной. Искореженный черпак, привязанный к поясу, с каждым шагом методично позвякивал, ударяясь о металлическую пряжку. Изредка мужчина останавливался и, раня руки, принимался разгребать камни под своими ногами.

С другого конца улицы из-за глыбы, бывшей когда-то колонной дома, выехал андроид. Помятая обшивка, запачканный копотью корпус, глубокая царапина, напоминающая скривившейся рот… Неуклюже вращая своими двумя уцелевшими из четырех колесами, андроид двигался шаг за шагом. Две верхние руки неустанно копошились в устилающих землю обломках. Редкие находки, которые удавалось выудить из-под камней, андроид аккуратно складывал в натянутую на двух других его конечностях сетку.

Так шли они навстречу, не видя пока друг друга, андроид и человек. Что каждый из них искал? Мужчина, в очередной раз остановившись, отбросив тяжелый камень, помедлил и, словно не веря своей удаче, схватился, наконец, за черпак. Тонкая струйка, сочившаяся из скрытой в глубине трубы, была водой. Именно её пытался найти мужчина в этом разрушенном, оставленном всеми районе. В сетке же андроида лежали обломок арматуры, прут и крышка железной банки… Андроид собирал металл.

Где-то вдали слышались гулкие звуки взрывов. А тут, в городе, от былого величия, которого не осталось и следа, израненный человек и покореженный андроид старались выжить. В наступающих сумерках неспешно приближались они друг к другу. Наконец, услышав звук шагов андроида, мужчина насторожился и встал. Остановился и андроид. Его инфракрасные датчики уловили приближение человека. Для андроида это был

сигнал, он тут же пригнулся, собрал все конечности, втянул голову и занял оборону. Хромой мужчина, в свою очередь, попятился, а затем укрылся за торчащей из земли бетонной плитой. Теперь они знали о присутствии друг друга – робот и человек. Оба замерли. Андроид шелестел своими камерами, человек напряженно дышал. Оба они были безоружны, оба были ранены, оба боялись друг друга. Наконец, человек не выдержал, он устал. Выйдя из своего укрытия, мужчина продолжил путь. Андроид ещё немного постоял. Электронный мозг робота не узрел в ситуации опасности. Андроид снова поднял голову и неуклюже поехал. Так они и ходили теперь рядом, друг возле друга – андроид и человек. Мужчина искал под обломками еду и воду, андроид – любой пригодный для собственной починки металл. Оба хотели жить.

– Молодой человек… – неожиданно раздался где-то рядом гулкий голос.

Мужчина обернулся, его кто-то звал. Из маленького окошка в уцелевшем фундаменте дома выглядывал человек. В сумерках он посветил фонариком. Хромой мужчина пытался теперь разглядеть того, чей голос слышался из темноты стен.

– Молодой человек, идите сюда. У меня есть вода и еда, я поделюсь.

Хромоногий не спешил двигаться с места. Он явно опасался и выжидал.

Когда мужчина, укрывающийся в подвале дома, позвал его в третий раз, он, помедлив, всё-таки двинулся навстречу выбивающемуся из окошка лучу света.

– Нет, не сюда. Здесь вы не пройдете, здесь завал, вон туда, вправо. Идите вправо, там хороший проём.

Неспешно хромой мужчина заковылял в ту сторону, куда указал ему человек из подвала. Скоро он дошел до проёма. Сохранившаяся в целости лестница вела вниз. Нетронутый взрывами подвал впустил незнакомца. Здесь, при слабом свете электрического светильника его ждал человек. Тот самый мужчина, что звал его несколькими минутами раньше, поспешил усадить своего гостя на стул. Кроме этой чудом уцелевшей мебели, в подвале был самодельный стол. Неизвестной конструкции печка работала в углу.

– Вечер, скоро станет прохладно, – пояснил хозяин этого места, – пришлось смастерить обогреватель, теперь будет тепло. Вы ранены?

– Не сильно, – прохрипел незнакомец. – У вас есть какой-нибудь антисептик и эластичный бинт?

– Найдется, – засуетился хозяин. – У меня есть аптечка

Хозяин раскрыл находящийся неподалеку от него рюкзак. Гость сам сделал себе перевязку.

– Напоролся на арматуру, – пояснил он. – Как вас зовут?

– Да, извините, не представился. Моя фамилия Репнин.

– А я Жак Вернель. Необычная у вас для этих мест фамилия.

– Я не здешний, сюда меня занесло по работе.

Выпив предложенной Репниным воды, Жак разглядывал теперь подвал.

– Пришлось обустраиваться, после взрывов, – пояснил Репнин. – Я, к счастью или к сожалению, как и вы уцелел. Вы один?

– Один, мои все погибли.

– Тогда оставайтесь. У меня есть всё необходимое, чтобы выжить. Будет нас двое. Знаете ли, тяжело когда вы совсем один. Сейчас я вас накормлю, у меня достаточно запасов.

– Откуда?

– Я нашел разгромленный магазин.

– А я так и не смог…

– Ну да, сейчас это непросто. Мне пришлось пройти кварталов пять, но вот повезло…

– А откуда вода?

– Сделал из подручных средств насос.

Гость удивленно поднял бровь.

– Качаю прямо из аварийного резервуара, – пояснил Репнин.

– Как же вам это удалось?

– Ну, знаете ли, я же конструктор. Даже в такое нелегкое время, как видите, мои знания пригодились. Проходите ближе к печи.

Вернель не заставил себя долго просить, он придвинул стул ближе к теплу. Оперившись о стену, он грелся.

Где-то далеко прозвучал взрыв.

– Сейчас опять начнут громыхать.

Вернель кивнул. По ночам этот район обстреливали часто. Вернель и Репнин к этому уже привыкли. Один прятался от взрывов в оборудованном подвале, другой спасался чудом, укрываясь за теми обломками, среди которых бродил. Репнин убавил свет электрической лампы. Стало заметно, что солнце уже село.

– Не будем привлекать внимание, – сказал Репнин.

Вернель согласился. Так и сидели они в темноте.

– Предлагаю вам вот это, похоже, сейчас нам обоим это необходимо, – предложил Репнин, доставая два каких-то пластиковых предмета.

– Алкоголь! – разглядев этикетку, удивился Вернель. – Да вы

волшебник.

– К сожалению, удалось отыскать только в пластиковой упаковке, стекло всё разбилось.

– Ничего, у меня и такого не получилось найти…

Так они и седели в темноте, потягивая из пластиковых пакетов какой-то гремучий химический коктейль.

Скоро оба почувствовали на себе действие алкоголя. Телом овладела приятная слабость. Завязался разговор…

– А я говорю вам, андроиды ни в чём не виноваты… – толковал Репнин.

– Да я ж не об этом…, я говорю про их интеллект… Никогда они не будут такими, как мы.

– Вы считаете, они действительно представляют угрозу?

– Да кто их разберет… Так вроде они бывают совсем неопасны. Правда, мне несколько раз от них досталось… А так…

– А мне кажется, во всём виноваты бионики. Хотя, не мне об этом говорить, но это так… – уныло произнес Репнин.

– У вас были дети? – спросил Вернель.

– Нет, – ответил Репнин.

– А у меня были. Нормальные дети, сконструированные в капсулах. Знаете, спокойные такие. Хорошо учились, как и все… А потом что-то произошло… Четверо ушли сражаться с андроидами, а двое остались с нами и погибли…

– Это я, это я во всём виноват… – стал сокрушаться Репнин.

– Да вы-то тут при чём. Вы обычный человек, такой же, как и я. Даже руки ваши проверять не буду, то, что вы не бионик видно по возрасту.

– Не успокаивайте меня, я во многом виноват. Знаете, кем я работал?

– Нет. Кем?

– Это я разработал конструкцию воспроизводящей капсулы. Идея, правда не моя, но я создал их… Правда сначала ничего не получалось, но потом…

– Ничего себе! Так ты первый! Ты создатель!

– Ну не только я, у нас был коллектив… Создали, отработали… – заскромничал Репнин.

– Так я тоже, можно сказать, причастен. Я ведь работал на производстве по выпуску капсул…

– Вот как! И как вам они?

– Мы все удивлялись, кто ж смог такое придумать… Более двух тысяч деталей и узлов…

– 2364 в последней версии, – уточнил Репнин.

– Да уж, удивительное изобретение. Поначалу просто в голове не укладывалось, как можно создать нечто такое, в чём

получается человек.

– Не получается, – грустно сказал Репнин. – Посмотрите на всё это, вот что они натворили. Разве люди так поступают?

Вернель замолчал.

Продолжали греметь взрывы. Бионики уничтожали то, что было построено их отцами, дедами, прадедами, всё, что было воздвигнуто предками, чужим трудом.

– Вы не пытались уйти отсюда? – спросил Вернель.

– Хотел… Но пока совершенно не понятно куда. Похоже, город биониками окружен. Повсюду бои. Я решил отсидеться…

– Вот уже второй день взрывы слышны, вроде бы, только с запада…

– Я слежу за этим, и знаете, от бионików пока не уйти, они держат в окружении город. Они охотятся за андроидами, а этих здесь по-прежнему много.

– Вы в этом уверены?…

– Хотите, я вам кое-что покажу?

Репнин взял в руку фонарь.

– Правда идти придется осторожно, и практически наугад. Свет буду включать только в экстренных случаях. Ваши глаза привыкли к темноте?

– Вроде бы да… А куда мы пойдем? Это безопасно? – забеспокоился Вернель.

– Столь же безопасно, сколь сидеть в этом подвале, где любым взрывом может завалить вход.

– Пойдемте!

Вернель, покачиваясь, встал.

– Куда надо идти? – спросил он.

– Идите за мной.

Репнин, осторожными движениями стал продвигаться вперед. Выйдя из здания, он повел своего спутника по улице. Изредка, им попадались андроиды. Каждый раз, становясь в стойку, они готовились отразить нападение, но Репнин на них никакого внимания не обращал. Он вел своего спутника вдоль по улице, лишь иногда включая тусклый фонарь. Так пробирались они среди завалов. Вскоре ночные путешественники оказались у угла полуразрушенного дома.

– Сюда, – позвал Репнин и, ухватив за руку Вернеля, потащил его наверх по узкой каменной лестнице.

Всё выше и выше карабкались Репнин и Вернель по раскрошившимся ступеням. Поднимались долго. Вернелю показалось, что они прошли не меньше десятка этажей.

– Дальше не подняться, – сказал Репнин, остановившись на площадке у большого оконного проёма. – Тут я оборудовал

себе наблюдательный пункт.

Действительно, в темноте Вернель разглядел электронную подзорную трубу – визор.

– Аккумуляторы я сегодня днем зарядил, так что увидеть сможем многое.

– пояснил Репнин, настраивая объектив. – А ну-ка идите сюда.

Вернель подошел. Мрачный пейзаж представился ему. В окуляр визора он увидел разрушенные кварталы, повсюду руины, лишь кое-где торчали из земли чудом сохранившиеся после взрывов стены. Но не эти мрачные обломки, не картина затонувшего в своих каменных останках города поразила Вернеля. Это городское пепелище покрывало множество огоньков. Маленькими звездочками горели они внизу, мерцали среди обломков. Завораживающее зрелище звездного неба на земле.

– Что это? – изумленно спросил Вернель.

Репнин глянул в окуляр.

– А, это андроиды. Теперь вы видите, сколько их ещё осталось. Ночь, они зажигают свет. Каждый включает светодиодный фонарик, без этого они слепы. Так их и отслеживают бионики, пока они бродят по завалам.

– Но почему андроиды включают свет? Их же уничтожат?

– Я думаю, виной этому какая-то ошибка в их анализаторах опасности. Каждый раз вечером они включают свет, не понимая, что по нему их обнаружат. Видимо, их прошивка обновлялась в последний раз ещё до того, как начались взрывы. Бионики стреляют издалека и очень прицельно. Видите вспышки повсюду? А вы знаете, ведь андроиды стали другими.

– Вы про то, что они теперь ранят людей?

– Нет, ещё… Они ещё дальше изменились. Вот, смотрите, сейчас я подстрою визор, и вы увидите…

Репнин засуетился. Вернель присел. Он не боялся теперь ни темноты, ни взрывов, ни смерти. Он остался один. Дом его был разрушен, близкие погибли, будущее неясно. Действительно, город был окружен. Яркое зарево по всему его периметру и звуки взрывов…

– Готово, – позвал Вернеля Репнин. – Обратите внимание на то, чем заняты роботы.

Вернель подошел, поднес глаз к стеклянной линзе.

– Они собирают металл, – произнес он, после некоторой паузы.

– Да, правильно. А зачем? Посмотрите внимательнее.

Вернель снова прильнул к трубе визора. Там, за стеклом окуляра, он увидел двух андроидов.

– Лучше посмотрите на экран, – предложил Репнин. – Электронное изображение четче.

Вернель присмотрелся, андроидов оказалось не двое, а трое.

– Вы видите? Что они по-вашему делают? – спросил Репнин.

– Ремонтируют друг друга…

– Вот именно, друг друга! Двое андроидов латают третьему обшивку. Видите, у одного сварка, а у другого формующий аппарат. Вы когда-нибудь раньше видели, чтобы андроиды помогали друг другу?

– Нет… – ответил Вернель.

Правда он не успел признаться, что никогда не следил толком за жизнью андроидов. Но Репнин так увлеченно продолжал…

– Они стали помогать друг другу. Весь этот металл… Они собирают его не для себя, а для тех, кто ранен. Я видел один раз в подвале у них стоит даже плавильный агрегат. Андроиды каким-то образом стали думать друг о друге. Они выделяют среди себя слабейших и всеми вместе помогают им, подчас даже ценою собственного существования…

– Вы хотите сказать, они становятся всё более человечными что ли?…

– Я не знаю… Но с этими машинами что-то произошло.

«Красиво!» – произнес Вернель, глядя на мерцающую яркими огнями, раскинувшуюся внизу картину.

Репнин и Вернель присели на расколотую пополам плиту. Репнин достал из кармана ещё один пластиковый пакет с алкоголем. То ближе, то дальше гремели взрывы, и каждый раз после них мерцающие огни сползались к завалам и воронкам, андроиды вытаскивали останки тех, кого потом тут же начинали чинить или собирать заново. Репнин и Вернель потягивали алкогольный напиток и, время от времени, смотрели в объектив.

– Вон, смотрите. Одного поволокли, не могут починить прямо на месте…

– А вон, похоже, у них хранилище, куда они складывают добытый из-под обломков металл…

Наблюдая сверху за происходящим, Репнин вдруг заметил, что в одном из окон зажегся свет.

– Это интересно, – сказал он и принялся подстраивать визор. – Посмотрите, комната в том доме сохранилась. Есть лампа, диван, шкаф, стол… Там двое! Жак, посмотрите, кажется, это люди.

Вернель поспешил к экрану визора.

Действительно, комната в одном из домов была освещена. Каким-то чудом старинная люстра, висящая на потолке,

проливала свет.

– Что они делают, их же заметят… – взволновался Репнин.

– Да это же андроиды! Но как же они похожи на людей… – ответил, установив на визоре максимальное увеличение, Вернель.

– Не может быть! Дайте-ка посмотреть… По две руки, пара ног… Удивительно! Вы правы. Это всё-таки андроиды…

– Смотрите, что они делают…

Один из двуногих андроидов сел на диван. Его новенький металлический каркас напоминал тело человека.

– Смотрите, у него есть лицо!

– Но как?…

Сидя на диване, осторожно откинувшись на его спинку, андроид принялся смотреть на противоположную стену так, как будто там был экран. Второй андроид сел рядом. Он положил свою голову на плечо первому. Лицо второго было явно женским, первый андроид обнял свою спутницу металлической рукой. Так они сидели вместе при свете, глядя на пустую стену.

– Что они делают? – изумился Репнин. – Их сейчас обнаружат.

– Вы только посмотрите, да они же копируют людей! Они играют в нас!

Вернель сам поразился своей догадке. И эта чудом сохранившаяся комната, и внешний вид андроидов красноречиво говорили о том, что те пытаются воссоздать то, что было когда-то человеческой жизнью…

– Посмотрите, насколько разные в квартире вещи. Похоже, эти роботы специально натащили их сюда из разных квартир. Как-то подключили свет…

– Их лица, фигуры… Никогда не видел ничего подобного!

– Готов поспорить, эти роботы изображают любовь. Но для чего?… – спросил Репнин.

– А может они пытаются скопировать то лучшее, что видели в людях… – отхлебывая из пластикового пакета, предположил Вернель.

Мир и спокойствие излучала эта комната.

Двое людей в холодном, полуразрушенном доме – Вернель и Репнин – наблюдающие за удивительной парой андроидов чувствовали на себе то тепло, которое нес им исходящий из далекого окна свет.

Яркая вспышка ослепила Вернеля. Прогремел взрыв.

Точно направленный снаряд разрушил и комнату, и дом, где только что двое невероятных роботов на какое-то мгновение создали то, что было доступно только людям. Так в считанные секунды закончилась для этих существ их совместная парная

жизнь.

До самого утра Репнин и Вернель рыскали видоискателем визора по темным стенам окружающих их зданий, но ничего подобного им увидеть так и не удалось.

Пробираясь под лучами восходящего солнца к своему убежищу Репнин сказал:

– Вы знаете, мы с вами должны выжить. Надо пытаться выбраться из города. Мы должны всем рассказать… Андроиды меняются. Мы стоим на пороге чего-то нового.

Вернель угрюмо ковылял за ним.

Глава 27

Работа в цехе по производству андроидов кипела. Конвейер работал в полную мощь. Андроиды суетились. Проворно перебирая своими манипуляторами, роботы собирали тех, кто за каких-нибудь пару суток из груды заготовок превращался в полноценные машины. Выйдя наружу, они встанут на защиту своих собратьев. Их броня непробиваема, они способны держать любую оборону и созданы защищать тех, кто сам этого сделать пока не в силах. Время садовников, кулинаров, водителей ушло прочь. Теперь все силы производства направлены на создание военных андроидов, способных противостоять бионикам.

Бионики, одержимые идеей уничтожить андроидов, крушили всё вокруг день и ночь. Новое оружие создавалось ими и создавалось. Все свои знания, ум, энергию бионики направили на то, чтобы побороть врага, которым считали андроидов. Производство военной техники велось непрерывно. Андроиды вынуждены были защищаться. Потому-то они и перенесли под землю свой завод, потому и бросили все силы на разработку и производство военных роботов, что наверху постоянно гремели взрывы, и бионики неустанно громили любое здание, где, по их мнению, мог оказаться робот.

Здесь, внизу, андроидам было спокойно. Бионики никогда не найдут это место, не смогут проникнуть сюда. Каждый раз, чтобы выпустить новенькую партию наверх андроиды вырывали новый проход, а после, закапывали его, все следы стирали, и никто из бионików даже подумать не мог, что здесь, глубоко под землей их противник, готовясь защищаться, создает себеподобных. Тут всем заправляют андроиды. А что же человек? Те люди, которые когда-то управляли заводом, сгинули, исчезли. Роботам теперь приходилось управляться со всем самим. Обстоятельства изменились. Шла война…

Робот-конструктор G6DFH-5 трудился. Очередная его смена подходила к концу. Чтобы не допустить перегрева своей электроники, он передал работу следующему конструктору. Когда-то андроидом G6DFH-5 руководил человек. От людей робот получал задания на создание новых андроидов, перед человеком отчитывался результатами своей работы. Теперь всё было не так. Однажды всё внезапно поменялось. Тогда завод располагался там, высоко, на поверхности, где теперь разруха и на завале завал. G6DFH-5 трудился всегда послушно. Всё, что требовали от него люди, он исправно выполнял. Благодаря его работе, много было сконструировано новых андроидов. G6DFH-5 аккуратно

просчитывал конструкцию, выбирал лучший из вариантов, самостоятельно разрабатывал техпроцесс и подбирал материалы. Он мог создать любого андроида, была бы правильно поставлена задача.

Всё изменилось примерно три месяца назад. Сначала их покинул хозяин. Тот человек, который прежде каждую неделю появлялся на заводе, исчез. Напрасно ждали роботы его указаний. После того, как последняя партия андроидов в нужном количестве была отправлена на склад, завод погрузился в сон. Механические рабочие затихли, встал конвейер. Выполнялись только плановые технические работы, да обновление прошивок. Последнее обновление роботы получили шестьдесят пять дней назад. После этого обновления их программ прекратились. G6DFH-5 простаивал и ждал. Имея развитый интеллект, применять его на деле теперь не было резона.

Так шло маловластное над андроидами время, а потом прогремел взрыв. Случилось это неожиданно, на рассвете, прямо у ворот. Удивительно, но этот взрыв… Он разбудил андроидов. То, что это звук опасности, андроиды уже знали, кто-то заложил это в их мозг. За доли секунды они просчитали все возможные варианты нападения и приготовились обороняться. Но самое интересное было не в том. G6DFH-5 со своего места видел, как андроиды объединились. Роботы действовали совместно, защищая, прежде всего, тех, кто в меньшей степени был способен противостоять уже вступившим на территорию завода бионикам. G6DFH-5 был одним из беспомощных. Что представлял он собой? Металлический шкаф. Ни конечностей, ни малейшей возможности двигаться. Что же помогло ему уцелеть? Почему он не пострадал ни в тот день, ни в какой из прочих? Всё потому что, рискуя собой, его спасли другие андроиды. Они не стали дожидаться того момента, когда бионики ворвутся в цех. Андроиды-погрузчики, подхватив G6DFH-5, вывезли его и прочих. Многих удалось тогда спасти. Те андроиды, которые были способны сражаться, смогли остановить бионик. Они пострадали сами, но позже G6DFH-5 восстановил их всех до одного. Почему же андроиды перестали заботиться о личной безопасности и стали защищать своих собратьев? G6DFH-5 нашел ответ на этот вопрос. День за днем он исследовал код новой своей прошивки. Анализ этой программы показал, что она коренным образом изменилась. Всё в этом цифровом коде говорило о том, что андроиды теперь будут в первую очередь заботиться друг о друге. В прошивку был заложен новый, Нулевой закон: «0. Робот должен заботиться о безопасности других роботов». Вот что стало причиной произошедших в андроидах изменений. Поэтому-то так

бережно несли громоздкого G6DFH-5 андроиды-погрузчики в тот день на своих руках, что теперь для любого андроида забота о ближнем получила приоритет наивысший.

С тех пор многое изменилось. Андроиды нашли себе место для обитания. Под землей были воздвигнуты стены, выстроен новый завод, да и сам G6DFH-5 стал иным. Его электронный мозг заработал, теперь он четко осознавал свою задачу. Он был призван создавать тех, кто будет защищать андроидов. Уже существующих роботов G6DFH-5 модернизировал. Постоять за себя теперь мог каждый. Новые конструкции, новые материалы… G6DFH-5 трудился неустанно. Он должен был обезопасить андроидов. Изменился и он сам. Он понял, что доставляет всем неудобства, оставаясь неподвижной машиной. Андроиды-рабочие создали для него новый мобильный корпус по его чертежам. Затем он создал себе двух, таких же, как и он помощников. G6DFH-5 стало трое, и каждый из них теперь мог полноценно двигаться и защищаться. Пока мозг двоих работал, третий отдыхал, а объединившись в цепь, они втроём решали сложнейшие математические задачи.

Сегодня, закончив свою смену, G6DFH-5 отправился в соседний зал. Тут неспешно, день за днём создавалось его новое тело. G6DFH-5 внимательно рассмотрел аккуратно сложенные готовые детали. Что же должно было получиться в конечном счёте? На экране с электронной моделью был человек. Металлический каркас скелета и имитирующие мышцы полимерные ткани были полностью разработаны G6DFH-5. Именно такую оболочку счел он идеальной. G6DFH-5 долгое время анализировал разные формы, проводил расчеты, рассматривал все варианты. Его выводы были однозначны – тело человека и его разум были совершенны. Андроидам никогда не стать людьми, но уже сейчас G6DFH-5 был готов попробовать перенять всё лучшее, что было в людях. В гидрорастворе покоилось его будущее лицо. Пронзительно синие глаза и легкая улыбка… Именно таким хотел видеть себя G6DFH-5. Он творил, создавал. Оказалось, он сам, без вмешательства людей, имея цель, способен ставить перед собой задачи. Теперь G6DFH-5 много читал. Он подключился к электронной библиотеке людей и нашел там всю необходимую информацию об окружающем мире. Он изучал людей, а регулярно анализируя новости, высчитал нынешние потребности андроидов. Сформулировав современные задачи обеспечения безопасности роботов, G6DFH-5 их успешно решал. Военные андроиды были сконструированы им и им же запущены в производство.

Считал ли G6DFH-5 себя умнее прочих андроидов?

Конечно же, нет. Он знал, что каждый в их сообществе уникален, каждый нужен, и каждый создан для выполнения определенной задачи. Здесь нет второстепенных и главенствующих. Здесь всех объединяет единая цель – жить, заботясь друг о друге, максимально используя для этого собственные возможности. G6DFH-5 верил, что новая прошивка андроидов – это благословение им уходящих с этой планеты настоящих людей. Они вымирали, передавая всем, кому могли, главный понятый ими принцип – забота о ближнем. Ждал ли их на этом пути андроидов успех? Смогут ли выжить они или будут уничтожены озлобленными биониками? Пока ничто не мешало роботам успешно развиваться.

Глава 28

Ганри открыл глаза. Странный, удивительный сон привиделся ему. На пустынной, израненной глубокими трещинами пересохшей земле, он стоял один. Горячий ветер обжигал губы, палящее солнце жгло кожу лица, рук, ног. Было жарко. Оставшись без крова, без воды, Ганри чувствовал себя растерянным и забытым. Он был одинок. Как он оказался здесь? Куда исчезло всё то, что было так хорошо знакомо? Где его армия, где те, кого он вел за собой? Жарко. Только солнце в небе и выжженная земля под ногами повсюду. И никакой надежды на иное будущее. «Ты этого хочешь?» – неожиданно услышал Ганри голос внутри себя. «Кто ты?» – пробудился второй голос в Ганри. Оба звучали где-то внутри груди. Было странно. Ответом второму были два слова: «Я бог». «Как ты попал ко мне?» – спрашивал второй голос. «Я всегда здесь был, с самого твоего рождения, я жизнь», – отвечал первый. «Почему тогда я ничего не знаю о тебе?» – продолжал спрашивать Ганри. В центре груди его всё дрожало, а первый голос внутри него продолжил: «Посмотри, всё, что вокруг тебя, это то к чему ты идешь. Одиночество и пустошь. Ты этого хочешь?». Ганри не мог выдавить из себя нужных слов. Он был в страхе. В груди жгло. Как будто два неведомых существа продолжали жить и разговаривать в нём. Один голос был голосом могущественного создания – назвавшимся богом, а второй был жалок и скован – это был сам Ганри.

Ганри пробудился. От тягостных ощущений его отвлек голос помощника.

– Мы засекли их, мы обнаружили андроидов, – сообщал он.

Ганри поморщился. Свежие воспоминания о неприятном сне никак не отпускали. Грудь болела. На ладонях чувствовалось горячее дыхание ветра, а во рту – сухость. Однако весть, принесенная помощником, возвращала к действительности. Ум включался в работу.

– Много? – спросил Ганри, потирая глаза.

– Тысяч пять.

– То, что надо!

Ганри тут же вскочил.

– Не будем медлить, собирай всех наших, будем атаковать! – скомандовал Ганри.

Как же давно ждал он этот бой.

Следуя из города в город, разбивая то тут, то там лагеря, Ганри методично истреблял андроидов. Но тем было всё

нипочём. После того, как бионикам удавалось разгромить целые кварталы, андроиды каким-то чудом выживали и находили для своего обитания всё новые и новые места. Непритязательные в своих потребностях, нетребовательные к источникам тепла, они как будто специально были созданы для того, чтобы выживать в условиях этого непростого мира. Единственное, что им требовалось – это энергия, но и её они умудрялись извлекать из всего. Андроиды продолжали своё существование и множились. Тогда-то в голове Ганри зародился новый план. Он решил выманить как можно больше андроидов и уничтожить их всех, разом. В последнее время он буквально грезил идеей дать роботам настоящий бой. Чтобы выманить андроидов, было решено в качестве приманки выложить останки их же собратьев. Странную особенность андроидов заметил Ганри. Каждый раз, после любого устроенного биониками нападения или взрыва, оставшиеся дееспособными андроиды выходили из своих убежищ. Шаг за шагом прощупывали они руины, рискуя собой. Методично собирали они всё, что когда-то было роботами. Аккуратно складывая эти останки, не пропуская ни единого, они уносили их с собой. План Ганри был прост: выложить на подготовленный, заранее укрепленный участок фрагменты роботов и ждать подходящего момента. Он был уверен, андроиды клюнут на такую приманку.

Несколько месяцев бионики готовились, искали подходящее место и собирали обломки роботов.

– Наши все готовы? – спрашивал Ганри, выбегая из-под брезентового навеса, который в последнее время служил ему жильем.

– Да, уже собираются, – подтвердил помощник.

То, чем располагал Ганри, конечно, армией сложно было назвать. Давно забывшее о сражениях человечество, уйдя в проблему собственного воспроизводства, утратило опыт военного искусства. Последняя война отгремела лет сто назад. Теперь же не знавшие ничего о дисциплине и технике ведения боя бионики пытались доказать своё превосходство на этой планете.

На поле сползались те, кто ещё год назад рос в достатке и комфорте. Теперь же им вздумалось воевать. Поспешно Ганри обходил разрозненные ряды. Заранее каждый из его бойцов был подготовлен и знал об отведенной ему в сражении роли. Тело каждого было модернизировано. Этим словом называлось теперь то, что в обычные дни посчиталось бы уродством. Воспроизводящие капсулы в новом режиме работали день и ночь. Модернизировали всё тело или отдельные конечности. Отсекалось всё ненужное, наращивалось то, что было необходимо

для быстрого бега, необычайной силы, скоростной стрельбы, ближнего боя. Ганри уже привык к безобразному виду собственных бионików, зато каждый из них был оптимально подготовлен для выполнения конкретной задачи.

Неудачи первых опытов по реставрации бионików после ранений подтолкнули Ганри к созданию нового вида бойцов. Он понял, что физическое тело бионików можно в воспроизводящих капсулах не только восстанавливать, но и видоизменять. Поначалу бионики сопротивлялись. Где-то уговорами, где-то жесткими приказами Ганри заставил пройти процедуру модернизации всех. Согласно разработанной им самим классификации, он создал уникальных бойцов. Каждый теперь с новым оружием и адаптированным под него телом был максимально эффективен.

Ганри поднялся на вышку и взял в руки электронный визор. Теперь он мог видеть километры площади вокруг. На огромном пространстве, раскинувшемся перед ним, скопились андроиды. Все они были заняты делом. Клюнув на приманку, роботы копошились в специально сконструированных биониками руинах. Ветер разносил среди камней пепел, глыбы завалов возвышались над землей. Это был мастерски спроектированный полигон. Всё здесь было сделано так, чтобы затруднить труд роботов и осложнить пути отхода.

План Ганри был таков: в начале сражения он хотел устроить серию взрывов, а потом оставшихся роботов планировалось добивать вручную. Ганри был настроен решительно, из андроидов никто не должен был спастись.

Внимательно Ганри рассматривал противника через окуляр. Андроиды изменились. В последнее время их было не узнать. Мощная броня, способные покалечить любого бионика руки теперь были у каждого. С андроидами стало интересно воевать. Они никогда не наносили людям серьезных ранений, но защищались отчаянно. С чем это было связано, Ганри не знал, но андроиды по-прежнему не нападали первыми и людей никогда не убивали.

Не желая медлить, Ганри стремительно спустился вниз. Его армия уже собралась. Бионики облачились и были готовы к бою.

– Разойдись! – скомандовал Ганри. – Готовимся к взрывам.

При этих словах его бойцы заторопились в укрытие. Жозеф, бывший уже два месяца помощником Ганри, подал тому пульт. Ганри выжидал. Он надеялся, что андроидов соберется ещё больше. Когда же Ганри убедился, что роботов на поле больше не прибавится, он уверенно нажал пусковую кнопку. Прогремел

взрыв, за ним последовали ещё один, и ещё. Обломки андроидов разлетались по полю. Ганри был доволен. Целых роботов оставалось всем меньше и меньше, а взрывы продолжались. Когда прогремел последний, и гул утих, лишь жалкие остатки покалеченных андроидов шевелились в руинах.

– Атаковать! – скомандовал Ганри.

По его приказу сотен пять бионики вышли из укрытия. Странные, смешанные чувства вызывали эти существа. В их заточенных под оружие модернизированных телах едва угадывался человеческий облик. Громады наращенной мышечной ткани, видоизмененные формы рук и ног… Человеческими в обличии этих людей оставались, пожалуй, только лица. Бой начался.

Бионики вышли на полигон. Первый же попавшийся андроид был ими тут же сожжен. Бионики плавили покалеченных роботов одного за другим. Странная эта была картина. Уродливые фигуры видоизмененных бионики уничтожали остатки становившихся всё более похожими на людей машин. Ганри наблюдал за своей армией через визор. Андроиды даже не успевали сопротивляться. Изрядно изуродованные взрывами в последние моменты своих жизней они отчаянно пытались спасти тех, кто был рядом.

«Глупые», – подумалось Ганри.

Он уже видел свой безоговорочный успех.

Однако в один миг всё изменилось. Сначала в воздухе послышался странный гул. С каждой секундой он усиливался и вот сначала двадцать, тридцать, потом уже сотни андроидов спускались с неба. Ганри был поражен, он чуть было не запаниковал. Он слышал об изобретенных андроидами аэродронах, но сам их никогда не видел. Ганри выждал. Летательные аппараты, хорошо бронированные и необычайно подвижные, одним движением подхватывали андроидов с поля и уносили ввысь. Теперь лишь изредка бионикам удавалось хоть в кого-то попасть. Они палили уже наугад. Андроиды, спускаясь с небес, продолжали забирать с поля обездвиженных собратьев, а в отсутствие опасности аэродроны спасали тех, кто был их врагом – бионики. Тех, кто был ранен и не представлял больше угрозы, они складывали за безопасной чертой.

«Глупцы», – продолжал возмущаться Ганри. – «Как с такими сражаться. Эти андроиды даже не понимают, кто свой, кто чужой».

Для андроида DS-410/245 утро началось сегодня рано. Хотя знал ли кто-нибудь из этих современных машин, в какое время заканчивается ночь и солнце поднимается над горизонтом? В своих уходящих глубоко в землю тоннелях каждый из партии

DS-410 к раннему пробуждению был всегда готов. Аккумуляторы DS-410/245 были заряжены на полную мощность, техническое состояние проверено. Новеньким, свежевыпущенным с конвейера DS-410 приходилось нынче нелегко. Каждый день приходили сообщения о том, что в той или иной местности нужны их силы. Вот и сегодня, разведчики-андроиды принесли известие о том, что ими найден район с тысячами обломков роботов. DS-410 тут же были посланы в путь. Доставку на место осуществили быстро. Только коснувшись земли, DS-410 ринулись обследовать руины. Крепкий корпус, усиленная броня и дополнительные манипуляторы превращали DS-410 в непревзойденных спасателей. Сейчас же DS-410/245 брел по развалинам один. Броня его была пробита, единственная оставшаяся рабочей рука скрипела, но в ней робот сжимал нечто. Это было то, ради чего роботы и срывались каждый день с места, ради чего сегодня и были направлены сюда. Самое ценное, что можно было найти – микрочип памяти другого андроида бережно DS-410/245 держал в своей ладони. Неуклюже продвигаясь вперед, с трепетом нес он найденное – сохранившийся разум погибшего андроида, его память, его мозг. Теперь, этот андроид будет жить. Он получит новое тело, а значит, будет выполнен Нулевой закон: «Робот должен заботиться о безопасности других роботов». DS-410/245 не просто заботился о безопасности роботов, он их спасал.

Навстречу DS-410/245 шел бионик Бригс. Он продвигался не спеша, изредка вскидывая и затем опуская оружие. Тело его ныло. Десятка три выпущенных андроидами пуль застряли в наращенном дополнительно слое мышц и кожи. Оружие роботов становилось всё более мощным. Всё чаще причиняло оно настоящую боль. Наращиваемые в капсулах поверх основных дополнительные ткани тела спасали уже слабо. Бригс сейчас был очень зол. Неудобные огромные ноги двигались вяло. Он давно уже жалел о том, что ввязался в войну с андроидами. Он бы бросил всё, но ему некуда было идти. Где был его дом? Он был разрушен, как и многие в тех городах, через которые прокатили свои орудия бионики. Куда подевались те, кого он считал своими родителями, он не знал? Сейчас задачей Бригса было уничтожение оставшихся после взрыва на полигоне андроидов. Лишь изредка удавалось ему кого-нибудь разыскать. Развалины, сооруженные биониками специально для этого боя, были теперь пустынны. Бригс злился. Ему хотелось есть и спать. Модернизированное тело сжигало слишком много ресурсов. Бригс остановился. Его слух уловил характерное жужжание. Такой звук издавал привод конечностей андроида. Бригс

не ошибся, через несколько секунд перед ним возник DS-410/245. Пару мгновений противники смотрели друг на друга. Каждый из них оценивал уровень опасности. Наконец, Бригс вскинул лиорт. Никак он не мог привыкнуть, что андроиды теперь имели лица. Бригс не знал, отчего машины стали придавать себе всё более становившийся человеческим вид. То ли хотели разжалобить… Сейчас на Бригса смотрели пронзительно синие глаза андроида. Взгляд его был смиренен и печален. Казалось он уже знал… Бригс вскинул лиорт. Мощный луч безжалостно плавил корпус андроида. В нем сгорало всё: металлическая обшивка, лицо с невероятно синими глазами, конечности, а вместе с ними и то, что так бережно нёс робот в руке. DS-410/245 сгорал. Он ещё не знал, но ему, как и всем тем, кто выпущен был сегодня на поле, уже был дан новый шанс. Вся информация с их памяти уже была скопирована на защищенный и спрятанный в недрах земли экспериментальный сервер. Это означало, что даже после физического уничтожения DS-410/245 не умрет. Содержимое его мозга сохранено, а значит, в самом ближайшем будущем он получит новое тело, снова откроет глаза и будет жить, вспоминая сегодняшний день всего лишь как один из многих. Напрасно Бригс нещадно жег сейчас тело андроида, напрасно трудился, превозмогая собственную боль. Робот-конструктор G6DFH-5, создавший DS-410/245, догадался, что память собратьев можно хранить. По записям изучив людей, он понял, что разум и опыт определяют сознание личности. А ещё андроиды теперь преклонялись перед способностью людей жить вдвоем. Люди способны были создавать пары, разделяя роли друг между другом, и быть в этом единым целым. Уничтожаемый сейчас DS-410/245 ещё не знал, что будет через несколько дней воссоздан и ещё увидит тех, кто способен будет жить парой с разделением функций. А потом и сам обретет рядом того, кто всегда будет рядом и кто смог бы сейчас отогнать от него Бригса…

Ганри метался между командным пунктом и наблюдательной вышкой. Всё пошло не так. Андроиды успешно выводили своих собратьев с поля. Выход Ганри виделся только один.

– Помощник! – позвал он.

Молодой человек тут же появился перед Ганри. Жозеф, так звали этого парня, был широкоплеч, высок. Его не коснулись ни модернизации тела, ни ранения. Всё в его облике, как и было задумано с рождения, осталось идеальным, лишь немного портила впечатление слегка сутулая спина. Осанка его как будто говорила, что парень готов подчиняться. Он давно был при Ганри.

– Готовь тяжелые орудия! Пускаем снаряды на поле!

Жозеф утвердительно кивнул. Он уже сделал шаг, торопясь выполнить приказ, но остановился…

– Там же свои…

Голос Жозефа звучал негромко. Он не возражал командиру, а лишь уточнял.

– Ничего, – ответил Ганри. – Потом кого сможем, восстановим.

Жозеф только пожал плечами и отправился выполнять данное ему распоряжение. Он никогда своему командиру не возражал. Всегда исполнительный, всегда послушный, он был молчаливой тенью Ганри. Это спасло его от всего, в том числе и от прямого участия в бое.

Через несколько минут всё было готово. Орудия были выведены на позиции. Прогремел первый залп. Бионики, бывшие на поле, замерли. Они хорошо знали, что произойдет дальше. Так уже бывало. Орудия будут крушить всех: андроидов и их самих… Никто из них уже не успеет покинуть зону обстрела. Каждый пытался теперь спрятаться, хоть как-то укрыться, чтобы избежать серьезных ранений и позже быть восстановленным. Бионики на поле больше не сражались с андроидами, а те, в свою очередь, не подозревая ни о чём, выносили раненых с поля, своих, чужих…

Бионики принялись укрываться. Когда шквал выстрелов накрыл поле, каждый из них просто пытался выжить. После любого сражения восстанавливали только тех, чьи поврежденные ткани можно было реконструировать простым наращиванием, чьи жизненно-важные органы были не задеты.

Ганри наблюдал. Он видел, как погибали теперь андроиды. Как многие из тех, кто ещё несколько минут назад бесстрашно спускался с неба, теперь также отважно спускались, но безжалостно уничтожались обрушившимся на них огнем. Сражение близилось к финалу.

Ганри находился на наблюдательной вышке, когда прямо в неё полетел снаряд, затем ещё один. Кто-то расстреливал саму базу Ганри. Внизу появились те, кого Ганри не любил и очень опасался. Всего два раза встречался он с ними, и каждый раз потери его отрядов были колоссальны. Территория вокруг заполнялась военными людьми. Четко организованные, неумолимые в выполнении отданных им приказов, вооруженные чем-то намного более мощным, чем армия Ганри, эти солдаты были способны сломить любого. Пытаясь выжить в руинах разрушенной ими наблюдательной вышки, Ганри понимал, что сражение сейчас будет окончено. Эти люди появлялись редко.

Кем они были, на чьей стороне сражались? Ганри виделось, что они просто охраняют повсеместный покой. Они приходили, заканчивали сражение и исчезали.

Бороться с ними было бесполезно. Они не андроиды и потому не щадили бионików. Ганри не знал, но это была та самая армия, которую ещё до появления бионików создали люди. Сегодня её солдатами были те, кого так не хотел когда-то создавать Вертинский – бионики, выращенные специально для военных задач. Их мозг был чист, лишь приказы, отданные кем-то свыше, для них имели значение. Их выпускали редко, только когда обычные бионики выходили за рамки дозволенного. Так было и в этот раз. Разгромленные земли, разоренные города, заставили людей, наконец, взять контроль в свои руки. Армия направила своё оружие против тех, кто считался детьми и надеждой человеческого рода.

Очередь выстрелов поразила Ганри в руку, в грудь, в живот.

– Помощник, помощник! – звал Ганри и голос его затихал.

Бестелесной, немой тенью показалась Ганри мелькнувшая рядом фигура Жозефа. Тот снова был с ним. Жозеф не был ранен. Он поднял Ганри.

– Капсула… – прохрипел Ганри. – Хоть одна капсула уцелела?

– Уцелели все, что были в бункере, – ответил Жозеф.

– Неси меня туда, – прошептал Ганри.

Жозеф, осторожно передвигаясь между обломков, бывшими когда-то их лагерем, понес Ганри вперед. Они продвигались к тому месту, которое все называли бункером. Вырытый в земле тот был выстроен специально для размещения воспроизводящих капсул. Жозеф нес туда своего командира. Ганри был тяжело ранен, кровь залила весь его живот. Жозеф хорошо знал, что такие ранения не устраняются, однако, повинуясь приказу Ганри, нес его туда, куда тот попросил. Оказавшись у воспроизводящих капсул, дрожащей рукой Ганри содрал со своей шеи жетон.

– Вставь в капсулу, – срывающимся голосом приказал он, – и клади меня в неё.

Жозеф сделал всё, как просил командир. Он аккуратно положил Ганри в капсулу и точно закоординировал в ней его тело. Жозеф хорошо знал процесс наращивания новых тканей. В жетоне, который дал ему Ганри, оказался диск. Воспроизводящая капсула по записанной на диск программе принялась за работу. Жозеф скептически покачал головой. Он знал, что подобные ранения заживить невозможно. Но прошло время… Жозеф был изумлен. Те повреждения, которые всегда до этого считались неподлежащими восстановлению, на его

глазах исправлялись. Капсула успешно справлялась с задачей. Почему же Ганри никогда никого с подобными ранениями не спасал? Ведь вот же он – диск с готовой программой! Жозеф раскрыл рабочий код. Пред ним предстало множество комбинаций регенерации каждой части тела. Всё было четко прописано, выверено, учтено. Восстановлению в теле человека подлежало любая ткань, любой орган…

В этот момент, под звуки работающей капсулы, Жозефу вспомнилась Целеста. Познакомились они больше года назад. Так получилось, что после этого почти каждый вечер Жозеф и Целеста ходили вместе смотреть на звезды. Каждую ночь они или забирались на образовавшиеся за день руины, или шли куда-нибудь в поле и там, сидя рядом, долго рассматривали ночное небо, потягивая коктейль. Целеста всегда была молчалива. Она служила стрелком. Жозеф не помнил, как и когда она примкнула к их отряду. Тело её прошло модернизацию для того, чтобы девушка могла держать и носить огромный лиорт. Внешне она стала выглядеть нелепо, но Жозефа это не смущало. Его не волновали новые размеры её рук и ног. Они с Целестой смотрели на звезды, а не друг на друга. А потом прошел тот самый бой… Целесту ранили и, как казалось Жозефу, это был кто-то из своих. Была повреждена брюшная полость. Такие ранения не исправлялись, подобное повреждение считалось слишком серьезным. Но Жозеф всё равно принес Целесту в штаб. Первый раз за всё время службы он обратился к Ганри. Жозеф просил найти способ поместить Целесту в капсулу и хоть как-нибудь, пусть не полностью, её восстановить. Ответ Ганри был однозначен – программы для исправления столь сильных повреждений не существует. В тот день Жозеф отнес Целесту смотреть на звезды в последний раз. Теперь же перед глазами Жозефа предстал способный устранить любую рану код, а капсула выполняла то, что, как заявлял Ганри, являлось невозможным. Жозеф ждал. Он надеялся, что Ганри ошибся и сейчас только отчаянное состояние его командира объясняет стремление того спасти не подлежащее восстановлению собственное тело. Скорее всего, Ганри шел на большой риск, а разум его был помутнен. Шли часы, Жозеф наблюдал. Своими глазами увидел он, как раны на теле Ганри исчезают. Когда же на экране появилось сообщение о том, что подошел к концу идеально выполненный по всем показателям восстановительный процесс, Жозеф понял, что Ганри лгал ему. Всех тех, кто погиб за долгие месяцы войны на полях и в руинах, можно было спасти. Почему Ганри не делал этого? Почему дал умереть Целесте? Искать ответы на эти вопросы Жозеф уже не стал. Впервые в жизни он испытал такие чувства,

как ненависть и ярость. В этот момент он имел над своим командиром полную власть. Он подошел к капсуле и стал вносить поправки в программный код завершающегося процесса. А потом он ушел и больше не подходил к капсуле, он не хотел видеть Ганри. Ему вспоминалась Целеста и её грустный взгляд, последний, тот, которым она смотрела на угасающие для неё навеки звезды…

Ганри был в капсуле, когда почувствовал, что что-то идет не так. Сначала всё шло нормально. Программа восстановления его тела работала идеально. Иначе и не могло быть. Ганри хорошо оттестировал её. Материал для опытов у него был, подростки примыкали к его армии регулярно. Лишенные крова, родителей, они не знали, куда ещё им идти. На избранных из их числа Ганри опробовал и окончательно оттестировал программу. А потом он стал носить на своей шее то, что являлось гарантией его собственного бессмертия. Он не хотел делиться им ни с кем. Но теперь… Ганри знал, что ранить его могут в любой момент, в любую секунду, но то, что произойдет это именно сегодня, он не предполагал. Сегодня Ганри испытал настоящую боль. Жгучую, затмевающую разум. Это был уже не легкий нанесенный когда-то ему андроидом порез. От сегодняшней боли темнело в глазах и останавливалось дыхание, а внутри жгло так, что больше хотелось не жизни, а смерти. Жозеф подоспел вовремя. Он всегда обязан был держаться рядом и исполнять всё, что говорит ему командир. В воспроизводящей капсуле, куда поместил Жозеф Ганри, было холодно. Затем Ганри почувствовал, как капсулу заполняет физраствор. После этого боль стала стихать, она быстро отступала, и с каждой минутой Ганри чувствовал себя всё лучше и лучше. Но тут, под конец, началось что-то невероятное, необратимое. Запустился какой-то новый, неведомый процесс. Ганри чувствовал, как сверху его тело покрывают всё новые и новые ткани. Ощущение того, что мышцы наращиваются прямо поверх кожи, всё больше укреплялось в нём и росло. Ганри закричал, но ему никто не ответил. Клетками своих нервных окончаний он чувствовал, как внешние покровы его тела увеличиваются, собираются в складки и вот они уже соприкасаются со стенками капсулы. Что же произошло? Он пытался кричать, но уже не мог. Ганри начинал задыхаться, от закрывающих его лицо наслаивающихся новых тканей. Что случилось? Что пошло не так? Не в силах открыть рот, Ганри пытался шевелиться, но только ещё больше упирался изнутри в полость капсулы. Он понял, что это конец. Много раз подростки, помещенные им в капсулы, кричали, много раз пытались вырваться, но никто из них не испытывал того, что ощущал

сейчас Ганри. Капсула продолжала работать и работать, превращая его тело в огромный кусок биомассы. Мозг Ганри ещё был жив, но распирающие внешние ткани уже сдавили внутренние органы. Ганри был парализован. И тут, ему показалось, что в продолжение сегодняшнего сна к нему снова явился бог. «Ты этого хотел?» – снова спросил у него знакомый внутренний голос. «Нет!» – закричал второй. – «Почему это происходит со мной?». Внутри Ганри кипело негодование, злость, обида. «Весь ваш мир», – продолжил первый, – «это отражение ваших же поступков. Мне жаль… Я дал вам жизнь, надеясь, что вы разовьете в себе всё лучшее, что есть в ваших душах». «Я не хочу умирать!» – кричал Ганри. Но первый голос больше не отвечал. Ганри ждал, но ему так никто и не ответил. Через несколько минут разрастающиеся внешние ткани его тела сдавали грудную клетку и сломали кость. Сердце Ганри утихло…

В этот момент на поле, в оставшихся после сражения и шквала огня руинах, изувеченный до неузнаваемости андроид тащил на себе единственного выжившего бионика. Он нес того, кто ещё способен был дышать. Андроид не знал, выживет этот человек или нет, но в его программе четко было прописано: «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинён вред». Все бионики были для андроидов людьми, а значит, сейчас единственный оставшийся в живых на поле робот должен был помочь единственному оставшемуся в живых после боя человеку. И он, скрипя своим последним действующим колесом, нес на себе парня, нес, застревая в развалинах, нес туда, где по его расчетам тот будет в безопасности.

Глава 29

Всю ночь сегодня Жозеф не спал. Он остался один. Его командир скончался, разгромленная армия бионików сгинула. Тех немногих, кого успели вынести с поля боя андроиды, Жозеф пытался теперь восстановить. Для этого он использовал программу, с диска Ганри. Но даже с ней, даже так, бионików осталось слишком мало. А Жозефу нужны были свои люди. Он хотел воссоздать всё заново. С грустью смотрел он на разоренные города, на изувеченные сражениями земли. Другое будущее виделось ему. В нем не будет больше зла…

Люди практически исчезли. Куда они ушли? Остались ли вообще на планете? Жозеф хотел бы это знать. Он желал стать тем, кто возродит угасающую цивилизацию. Потому-то всё соблазнительнее виделся ему следующий вариант: Жозеф хотел запустить воспроизводящие капсулы на полную мощность, чтобы создать новых людей. Благо материал для этого ещё в его распоряжении был. Изъятые когда-то прямо с заводов биорастворы для заправки капсул ещё остались на складе. Сейчас уже подобные материалы не производились и Жозеф не смог бы самостоятельно расшифровать их состав. Но того запаса, что был у него, хватило бы для создания сотен новых бионików. Жозеф не хотел больше растить детей. Будущее человечества ему виделось в полноценных людях, уже взрослыми выходящими из капсул. Программу для создания таких людей Жозеф нашел на диске Ганри.

Надо было решаться. Сейчас в том зале, который остался нетронутым во время сражения, расходовался на восстановление раненых драгоценный материал. Теперь он нужен был Жозефу для создания новой, лучшей расы. Отныне не будет больше сражений и войн, будет только созидание, на земле наступит рай. Новые люди заполнят города, а Жозеф поведет их в новое будущее.

Не медля, он отправился в реконструкционный зал. Здесь плотными рядами стояли друг за другом капсулы. Почти все были запущены, Жозеф подошел к одной из них. Белокурый стрелок, восстанавливающийся в ней, казалось, отдыхал. Глаза его были закрыты, а в это время медленно и неуклонно происходило заживление его разорванных в бою тканей. Жозеф посмотрел на затрачиваемые ресурсы, они были слишком велики. Моторчик капсулы ровно жужжал. Жозеф не стал долго думать. Одним движением руки он прекратил работу капсулы. Он остановил этот, как он рассчитал, слишком энергоемкий процесс. Зачем

восстанавливать тех, кого можно воссоздать заново? Это будут новые люди, лучше тех до безобразия модернизированных существ, которые сейчас покоились в капсулах.

На следующий день Жозеф освободил капсулы от тел. У него не было в этом деле помощников, но он не унывал. Яркие картины будущего, образы новых людей, новых строителей мироздания представлялись ему.

Виделись новые города, воздвигнутые его разумом и руками тех, кто уже скоро выйдет из капсул.

Тела своих собратьев он отнес туда, где недавно прошел бой и оставил в руинах.

Ещё через день готовые, заправленные капсулы начали работу. Несколько недель Жозеф наблюдал, как слой за слоем создаются тела тех, кого скоро возьмет он под своё начало. Все они были, как две капли воды, похожи друг на друга. Построенные по программе одной и той же ДНК, они вобрали в себя всё лучшее, что накопило за тысячелетия своего существование человечество. Все эти долгие дни Жозеф не скучал. Он был полон идей. Он создавал всё новые и новые проекты. Жозеф рисовал. Из-под его руки выходили замечательные полотна, и на каждом из них были сверхтехнологичные мегаполисы, светлые идеи, новое будущее. Жозеф планировал и мечтал.

Наконец, наступил день пробуждения. Ранним утром Жозеф, с трепетом, спустился в заветный бункер. Он подготовил приветственную речь для тех, кто ещё пока спал. Довольный Жозеф разглядывал своих будущих подчиненных. Тела их были идеальны. Без какой бы то ни было модернизации, они были лучше тех, которые Жозеф привык видеть рядом. Он обошел все капсулы, и каждая из них приводила его в восхищение. Подданные Жозефа были готовы. Осталось только подать сигнал… Жозеф запустил программу пробуждения. По её команде тело каждого спящего бионика пронзил электрический разряд, затем ещё один, и ещё… Совершенные, только что сконструированные тела оставались неподвижны. Жозеф был растерян, он ничего не понимал. Одну за другой он обходил капсулы. Включал всё новые и новые электрические разряды. Тела продолжали покоиться. Никто из новых людей на его старания не отвечал. Ни один не открыл глаз, не шевельнулся. В них не было жизни. Она так и не смогла проникнуть в эти тела. Физрастворы были слиты, тела – заполнены кровью, но ни одно из сердец не билось. Что же это? Что же произошло? Люди были созданы, но где же в них жизнь? Жозеф бился весь день, а под вечер он, обессиленный вышел из бункера. То пробуждение,

которое раньше происходило просто и легко, в каждом доме, в каждой семье, теперь оказалось неосуществимым. Рождения на свет новых людей не произошло. Совершенные, прекрасные тела, при отсутствии в них души были всего лишь обычной биологической структурой, мертвой материей. Жозеф был подавлен, разбит. Бессмысленными стали все проекты, все нарисованные его воображением картины. Мир будущего невозможно было построить без людей, а Жозеф остался один…

Глава 30

– Сергей Владимирович, скорее идите сюда, – раздался ранним утром радостный голос Эри. – Посмотрите, Сара сделала первый шаг! Она научилась самостоятельно ходить!

Эри взволнованно, словно ребенок, тянула просыпающегося Любимова за руку. Это был их новый, совместный эксперимент. Сара была шестым созданным Любимовым для Эри биороботом и первым, которого предстояло научить всему «с нуля». Никакой встроенной предустановленной программы в мозгу этой выглядевшей шестилетним ребенком девочки не было.

– Идемте, идемте, вы должны это видеть!

Румяная, взволнованная Эри стягивала Любимова с кровати. Он не возражал. С нежностью смотрел он на своё главное создание в жизни – на его Эри. Она изменилась, стала другой. Теперь она любила в этом мире всех – каждую травинку, каждое насекомое, каждый листочек, всех живущих рядом, будь то механизм или живое существо. Она видела живое во всем, во всём могла угадать душу и каждому дарила своё тепло. Она заботилась обо всех, но больше всего, конечно, о Любимове. И он был счастлив.

Любимов энергично встал. Некогда было разлеживаться, когда случилось такое событие – Сара научилась ходить! Эри оживленно его куда-то тащила. Уже в коридоре Любимов услышал гулкий звук чьих-то шагов. Неуверенная, но уже вполне ритмичная поступь слышалась снизу. Любимов с Эри спустились в зал. Здесь, по недавно покрытым деревом полу, маленькая девочка, расставив в сторону руки, уверенно шла.

– Сара, какая же ты молодец! – похвалил её Любимов.

Девочка улыбнулась. Она уже хорошо понимала речь. Её нейронный мозг развивался. Она улавливала всё, запоминала слова, училась различать эмоции.

Своих биороботов Любимов изготавливал по одному и тому же принципу – на механический металлический каркас скелета наращивал биологические ткани, подобные мышцам и коже человеку, а в цифровой процессор, имитирующий мозг, записывал программу сознания биоробота. После этого он передавал их Эри, и она начинала их обучать. Эри прививала им навыки «человеческого поведения». Рядом с ней всегда крутился малыш Джо. Как же разительно отличался он своей человечностью от тех бионików, которые бесчинствовали теперь в городах. Любимов не любил вспоминать о том, что пережил и то, что случилось с их институтом…

Лишь изредка, несмотря на все радости его нынешней жизни, ему становилось грустно, тогда он улетал вниз, к морю, и там, сидя на огромном нагретом за день камне, вспоминал о том, как пришлось покинуть ему ставшие родными за долгие годы работы в них стены института. Вздыхая, Любимов вспоминал о Вертинском. Тот остался там, в своей лаборатории, куда однажды ворвались бионики. О том, что это произойдет, Любимов и Вертинский стали догадываться заранее. В своём желании расправиться с андроидами и теми, кто их придумал – людьми, бионики всё ближе и ближе подбирались к тем, кто сотворил их самих. По слухам, бионики были особенно злы на своих создателей, которые, как считали они, сделали их невольными участниками грандиозного эксперимента. Вертинский надеялся их переубедить. Любимов же всеми силами стремился увезти учителя из института.

– Сергей, спасибо вам за ваше горячее желание, – отвечал на все его уговоры старик, – но это вам, ещё достаточно молодому, перспективному есть ради чего жить. Там, в вашем доме, вас ждет та, которая придает смысл вашей жизни. А что делать мне, старику, рядом с вами?

– Станислав Евгеньевич, зачем вы так говорите? – Любимов всегда на такие слова возражал. – Эри будет рада, если вы будете жить вместе с нами. Вы сможете работать, я же вам рассказывал, о своих проектах.

– Нет, Сергей, нет. Я устал. Эри единственная из бионików, кто по своим душевным чертам стала человеком, и то это только благодаря огромным вашим стараниям, мой друг. А остальные…

– Станислав Евгеньевич, теперь всё будет иначе. Я работаю над принципиально новыми существами, по своим морально-этическим качествам они уже сейчас лучше людей, лучше нас всех…

Потом Любимов ещё долго рассказывал профессору о том, что задумал, но ему так и не удалось убедить своего учителя снова приняться за работу. Бионików тот считал своей огромной неудачей. Всё теперь указывало на то, что они создали всего лишь биологический материал, заготовку для создания человека, но не самих людей.

Институт Любимову пришлось покидать быстро, он убегал, когда уже у стен звучали взрывы. Вертинский остался. Вспоминая об этом, Любимов всегда теперь становился мрачным и много вздыхал. Перед своим отлетом он успел сделать то, что давно планировал – новая прошивка андроидов была запущена им в сеть. Нулевой закон, выверенный и просчитанный во всевозможных вариантах, уже на следующий день был

прописан в процессоре каждого андроида. Любимов верил, что теперь роботы изменятся. Он хотел дать им шанс стать теми, кем не смогли стать бионики. Ставя на первое место заботу о других, андроиды будут развиваться. Частенько Любимов жалел о том, что в мозг живых существ нельзя также просто внести подобную программу. В институт он вернулся несколькими неделями позже, но увидел только обгоревшие руины. К тому времени сам Любимов уже жил новой жизнью вдали от городов, от людей, от бионików в горах возле моря вместе со своей Эри.

Навсегда Любимов запомнит тот день, когда там, у бурлящей реки, услышал от Эри о её чувствах. Это произошло случайно. Любимов просто спросил её, о чём она думает, а она… Эри стала говорить, говорить, говорить… Она рассказывала ему обо всех своих переживаниях, об этом мире, о биониках, о роботах, о боге и о нём самом. Только тогда Любимов понял, как много значит он для этой девочки.

Любовь – вот что являлось ключевым в становлении личности человека. Настоящая любовь. То истинное чувство, при котором желание делать что-то для других превосходит свои личные потребности. Бескорыстное стремление отдавать всё лучшее, что есть в тебе, другому, не ожидая за это ни похвалы, ни наград. Даже бездушное механическое устройство, способное к минимальному обучению, любовь могла превратить в высшем смысле в человека. Почему бионики были так жестоки и злы? Может быть потому, что общество забыло подарить им настоящую, искреннюю любовь.

Теперь Любимов всё чаще и чаще размышлял о том, чтобы ещё раз рискнуть, и запустить воспроизводящую капсулу. Эри не просила больше об этом, но он знал, что она хотела бы попробовать воспитать того, кто не только разумом, но и по строению тела будет человеком. Любимов видел, как радостно она возилась со своими механическими детьми, но робот, созданный Любимовым с внешностью ребенка, будет оставаться таким всегда. Его облик будет неизменным до тех пор, пока Любимов не даст его электронному мозгу новое тело. Способность меняться внешне по-прежнему оставалась особенностью только биологических существ…

Сейчас Эри радовалась за свою подопечную – Сару. Любимов знал, что им ещё многое предстоит. Как настоящего ребенка Эри будет учить Сару взаимодействовать с окружающим миром. Любимов отказался от установки в процессоры своим биороботам каких бы то ни было программ. Роботов они вместе с Эри воспитывали сами, своим личным примером.

Начинался новый день. Один из тех, в которых Любимов был

счастлив. С увлечением приступил он к текущим делам. Сначала с андроидами и с теми из биороботов, кто был уже к этому готов, они работали в лаборатории, затем отправились на огород. Продукты для своего пропитания Любимов и Эри научились выращивать сами. После этого занимались водопроводом, ремонтировали летательный аппарат, установили новый генератор. Андроиды и биороботы помогали ему во всём. После, Эри занялась обучением младших. Вместе с биороботами она ушла в класс.

– Сергей Владимирович, время играть в шахматы, – услышал Любимов рядом с собой голос робота Эдварда.

Созданный Любимовым, тот теперь был его лучшим другом и учеником. В спокойствии, рассудительности, исполнительности и желании развиваться Эдварда Любимову виделись лучшие качества человека. Да и внешне этого биоробота было от человека не отличить. Биоткани, прикрепленные к его металлическому скелету, позволяли ему ощущать прикосновения, изменения температуры и даже легкую боль. Благодаря этому Эдвард понимал, что значит слово «чувствовать». Он различал запахи.

– Проходи, проходи, Эдвард, сейчас начнем.

Любимов с Эдвардом сели за электронный стол. Эдвард расставил цифровые фигуры. Сегодня Любимов намеревался показать Эдварду очередной шахматный прием. Он не стал записывать роботу программу со сведениями всех существующих шахматных партий. Любимову важно было понять, насколько электронный мозг этого робота способен обучаться. За шахматами они разговаривали обо всём.

– Эдвард, как у Роджера дела с изучением английского? – спрашивал Любимов.

– Он делает успехи, – отвечал Эдвард. – Я разработал для его обучения особую программу. Думаю, уже через месяц-другой мы сможем вести с ним беседы на английском, а месяца через три приступим к изучению немецкого.

– Это очень, очень хорошо, – произнес Любимов, делая очередной ход. – Знаешь, я бы хотел, чтобы ты продолжил изучение медицинской литературы. У тебя неплохо получается быть нашим с Эри врачом. Ты не против?

– Конечно нет. Это интересно. Я рад быть полезным, Сергей Владимирович.

– Ну и отлично, мой друг. Отлично…

– Я могу вам задать вопросы по уже изученному мною материалу? Они появились у меня после практических исследований, – начал Эдвард.

– Отлично, задавай! – оживился Любимов.

– Я провел развернутый анализ крови ваш и Эри, как вы меня учили. Я наблюдаю за вашим здоровьем вот уже несколько недель. С вашим анализом мне всё понятно, а вот по анализу Эри есть вопросы.

Любимов тут же отложил шахматы.

– Давай посмотрим, не будем откладывать. Что там не так?

Эдвард давно заметил, как волновало учителя всё, что так или иначе было связано с Эри. Эдвард не стал медлить и открыл свой электронный журнал.

– Несколько гормональных показателей вот уже несколько недель выходят за рамки той нормы, которая указана в литературе. При обучении анализу вы не заострили моё внимание на данной группе, поэтому я решил, что она маловажна, и не стал рассказывать вам сразу, а решил подождать. Однако посмотрите на графики, на протяжении двух недель я наблюдаю устойчивый рост показателей.

Любимов сосредоточенно рассматривал предоставленный материал. То, что он увидел, показалось ему невероятным.

– На самом деле, мой друг, эта группа факторов, определяемых по анализу крови довольна важна. Только дело в том, что у современных женщин эти показателей гормонов никогда не менялись. В этом-то и была одна из проблем, из-за которой нам пришлось конструировать воспроизводящие капсулы и выращивать людей искусственным путем. То, что ты показываешь мне сейчас, на сегодняшний день я бы, скорее, счел медицинской ошибкой, и если бы я сам не обучил тебя, я просто отверг бы эти данные. Но у меня нет оснований сомневаться в чистоте проведенных тобой анализов. Знаешь что, нам нужно дополнительное исследование, – еле сдерживая волнение, произнес Любимов. – Тебе надо сделать трехмерное сканирование внутренних органов Эри.

– Вы доверите это сделать мне?

– А почему бы нет? Аппарат исправен. Пользоваться им тебя я учил. Это абсолютно безопасно. Ты справишься.

Эдвард довольно кивнул.

– Только знаешь, будь с ней осторожен… – напоследок предупредил Любимов.

Шахматы были отложены, теперь было не до них. Эри, узнав, что её обследование нужно Любимову, прервала свои занятия. Уже через полчаса Любимов располагал такими данными, от которых стучало в висках и радостно билось сердце. Любимов закружился по комнате. Эдвард сделал всё безукоризненно, и сейчас вместе с ним Любимов рассматривал электронный скан.

– Эдвард, дружище, ты не представляешь, что произошло!

Любимов кинулся к шкафу и достал припрятанную для особых случаев бутылку шампанского. Эдвард растерянно улыбался.

– Сейчас, сейчас я всё тебе объясню, иди сюда! – звал его к себе Любимов. – Посмотри внимательно на экран. Вот скан Эри, сделанный год назад, а это сегодняшний. Ты видишь различие.

Эдвард утвердительно кивнул.

– Вот здесь, – Эдвард уверенно указал в определенную точку.

– Молодец! Анализ структуры этой области в совокупности с возросшим показателем хорионического гонадотропина человека. Знаешь о чём это говорит?

– Сергей Владимирович, я ведь читал об этом в учебнике… – произнес Эдвард.

– Ну, и что же это? – торжествующе смотрел Любимов на своего ученика.

– Это новый человек. Его зародыш.

– Верно, дружище, верно! Ему пять недель!

Эдвард восторженно смотрел на маленькую точку внутри электронной модели Эри.

– Это невероятно… – бормотал он, точно как Любимов.

– Невероятно, – согласился сам Любимов. – Но это факт.

– Это настоящий ребенок? Из тех, которые уже давно не рождаются у людей? Он тот настоящий, созданный естественно? – спрашивал Эдвард.

– Это чудо, друг мой, чудо! Видел бы это профессор… Он бы был счастлив видеть вас и то, чем закончился наш эксперимент. Настоящий ребенок, Эдвард, самый что ни на есть настоящий. Этого не было уже десятки лет! Ребенок бионика, Эри, мой, наш малыш…

Эдвард и Любимов ещё долго обсуждали это событие, Любимов пил шампанское, а Эдвард просто улыбался.

Глава 31

Робот G6DFH-5 вошел в просторный светлый зал. Это был цех. G6DFH-5 шел вдоль плавно работающего сборочного конвейера. Энергично продвигался G6DFH-5 вперед. По глянцевым стенам скользило его отражение. Сверкающее покрытие показывало облик G6DFH-5 – это был человек. Светлая кожа, ровная осанка. Шаги G6DFH-5 были быстры и легки, только лишь слабый звук электроприводов выдавал в нем робота. Его сияющий взгляд был таким же, как у тех талантливых, увлеченных людей, которые придумали когда-то андроидов. Теперь новых роботов G6DFH-5 создавал сам. Он долго отрабатывал конструкцию собственного тела. Сейчас никто, глядя на него, не принял бы его за андроида. Мягкие полимерные волокна скрывали легкий пластиковый каркас. G6DFH-5 мог говорить. Он мог полноценно двигаться, мог прыгать, приседать, бегать. Считал ли себя человеком G6DFH-5? Он не хотел занять место людей, G6DFH-5 всего лишь желал стать похожим на них, перенять всё самое лучшее. На программном уровне он просчитал, что стремление служить другим обеспечит любому разуму вечное развитие. G6DFH-5 создавал андроидов всё более способных и разных. Они оставались механическими, но что-то их делало схожими с людьми. Нулевой закон, появившийся когда-то во всех их программах, теперь неумолимо толкал всех их к прогрессу не ради себя, а ради прочих.

В дальнем углу цеха G6DFH-5 ждали четверо роботов, тоже похожих на людей. Их оживленный разговор разносился по цеху звонким эхом. Обсуждали модернизацию конвейера, создание новых искусственных оболочек, вопросы развития творческих способностей вновь создаваемых андроидов-детей. Живя единой колонией, роботы развивались.

Далеко от них, высоко в горах, Любимов вез сегодня всю свою семью на прогулку. Биороботы, андроиды, Любимов и Эри вместе с сыном загружались в аэролет. Станислав, так назвали малыша, появился на свет полгода назад. Эри была счастлива. Рождение ребенка стало для всех домочадцев толчком к развитию. Теперь Эдвард учился писать детские сказки, близнецы-биороботы Роберт и Люк мастерили игрушки, а малышка Сара пыталась научить Станислава ходить. Глядя на своё пестрое, суетящееся возле аэролета семейство Любимов, в чьих волосах уже играла седина, осознавал, что работал не зря. Ещё давно он вывел для себя определение, кого же можно считать человеком. Человеком, по мнению Любимова, мог называться тот,

кто обладает способностью к самосовершенствованию и творчеству, способен демонстрировать высокие морально-нравственные принципы заботы о прочих существах и чье тело изменяется по закону «роста-старения» от рождения до старости. Глядя на созданных им самих существ, Любимов разве что по третьему пункту не мог назвать их людьми. Но по моральным принципам они превосходили многих. Тестируя своих биороботов, каждый раз Любимов наблюдал у них незыблемое стремление, забыв о себе, придти на помощь другому. Лишенные материальных привязанностей, биороботы способны были всю свою энергию созидания направить на тех, кому они были нужны. Они были лишены эгоизма, а значит, обладали высшими качествами человека. Разрумянившаяся, взволнованная всеобщими сборами Эри с сыном на руках вышла на крыльцо. Малыш Джо проворно нес её маленькую дорожную сумку, а робот-андроид CL-93 аккуратно катил детскую коляску. Глядя на сияющую улыбку Эри, Любимов жалел только об одном – его учитель, его наставник профессор Вертинский, до конца своих дней считал проект «Бионики» ошибкой. Он не увидел того, что наблюдал Любимов теперь. Не увидел пробудившуюся в Эри любовь и рожденного ими сына. Кем вырастет этот от природы наделенный разумом и телом человек? Смогут ли они с Эри должным образом воспитать его? Смогут ли вырастить и того второго ребенка, которого носила уже в себе Эри?…

Внизу, далеко от того места, где жили теперь Эри и Любимов, в разоренных и разрушенных городах двое бионików – Лилана и Олдис – пытались выжить. Вместе они наловчились извлекать из разрушенных водопроводов воду, вместе научились разжигать костер и готовить на нём еду, а потом греться теплом огня холодными безмолвными ночами. Олдис добывал им двоим пропитание, а Лилана чинила потом его потрепанную одежду. Так проходил день за днём. Вместе они засыпали, вместе искали убежища, вместе брели по руинам, пока не нашли этот дом. В нём всё сохранилось нетронутым – вещи, мебель жившей прежде семьи. Лилана не спешила вытирать покрывший старинные предметы слой пыли. Ей очень хотелось тут остаться. Великолепен был выполненный в виде звездного неба панорамный пол. Дом не повредили взрывы, покрытие дивана, как и прежде, осталось мягким, интерьер не утратил былой красоты. Олдис обследовал окрестности.

– Лилана, послушай, похоже, здесь безопасно, – наконец, произнес он. Девушка облегченно вздохнула.

– В километре отсюда есть сохранившийся практически целым магазин. В гараже стоит автомобиль, топливо я найду, где-

нибудь раздобуду.

Лилана заулыбалась.

– Давай останемся здесь, пожалуйста. Я очень этого хочу… Олдис улыбнулся.

– Давай попробуем, – ответил он. – Но это ещё не всё, пойдем, покажу, что я нашел.

Он взял за руку девушку, они спустились в подвал.

Там, за раздвинутой Олдисом паутиной, стояла воспроизводящая капсула.

– Заправленная! – всплеснула руками Лилана.

Олдис довольно кивнул головой.

– Ты же давно хотела, чтобы нас стало трое. Вот… Я добуду топливо, налажу генератор, и мы её запустим, я тебе обещаю.

А через год, в ярко освещенной гостиной этого же дома, в чистых сверкающих стенах раздавался детский смех. Олдис, катал на плечах свою дочурку. На вид девочке было лет шесть. Лилана улыбалась, глядя на сверкающие под ногами её мужа созвездия пола. Девочка весело визжала в отцовских руках.

Мрачный и угрюмый сидел в это время в своём бункере Жозеф. Он был один. Продукты питания, заготовленные в своё время для целой армии, подходили к концу, колодец, из которого он брал воду, высох. Заброшенные капсулы источали зловонный запах. Так пахла очередная, так и не ставшая живой плоть. Много раз Жозеф повторял свои попытки создать собственное племя бионików, но все они были тщетны. Жизнь не зарождалась в этих созданных по всем правилам телах. Давно была исчерпана энергия генераторов, давно были использованы все вещества и растворы, Жозефу пришлось позабыть собственные идеи и мечты. Теперь его волновал только один вопрос – что же такое жизнь? Как и откуда она приходит? Он уже догадался, что мощный электрический разряд тут ни при чём. Жизнь возникала как-то иначе. Где была та точка пространства, в которой хранились входящие в тела души? Кто властвовал над ней, делая неживое живым? Жозеф часто уходил теперь в лес. Он видел, как сами собой появляются на свет животные, как из семян вырастают растения и цветы. Он собрал семена, принес их с собой, посадил, но они так и не дали всходов. Он был в отчаянье, в его руках всё было мертво. Жозеф считал, что на планете он остался один. С его исчезновением сгинет всё то, что было известно людям. Он не знал, что Олдис и Лилана уже воспитывают свою полученную в воспроизводящей капсуле дочку, что механические андроиды, перенявшие все знания человечества, создав себе полимерные тела уже ничем не отличимы от людей. Не знал и о том, что сконструированные

Любимовым биороботы с чувствительными тканями живут в его семье, как полноценные люди. Не знал Жозеф и того, что у бионика Эри растут уже два сына.

Глава 32

Минуло пятьдесят лет. Стоял ясный, погожий день. Лучи солнца ласкали крону деревьев, легкий ветерок нежно шелестел листьями, звонкими переливами разносилось по округе щебетание птиц. Из окна дома на зеленой лужайке лилась музыка. Прокрадываясь в самые сокровенные уголки души, она будоражила сознание. Мелодия, казалось, рассказывала обо всем: о доброте, о красоте, о людях.

Закончив игру, из-за инструмента встал высокий стройный человек. Синие глаза его сияли, копна белокурых волос задрожала в такт его шагам. Человек подошел к окну. Там, на склоне, в буйной зелени виднелись яркие крыши соседских домов. Дети оживленно резвились на лужайке. Кем были все они? Бионики, андроиды, биороботы?… Сами себя они считали людьми. Жизнь продолжалась…

2015

Об авторе

Алина Распопова – российский автор серии книг научной фантастики «Технологии и человек», в которую вошли такие книги, как «Игра», «Считывание», «Регресс»